

ВНУШЕНИЕ НА РАССТОЯНИИ:
ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И ФИЛОСОФИЯ

ОДНОЛЬКО Е.А.
Москва, 2016

**ОДНОЛЬКО Е.А.
ВНУШЕНИЕ НА РАССТОЯНИИ:
ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И ФИЛОСОФИЯ**

УДК 159.9.072.422 ББК 88.6 Б87 ISSN 2222-0453 99016

ОДНОЛЬКО Е.А. ВНУШЕНИЕ НА РАССТОЯНИИ: ТЕОРИЯ,
ПРАКТИКА И ФИЛОСОФИЯ / Евгений Анатольевич Однолько,
Москва, ИП Однолько Е.А., 2016, 282 с. Издается в качестве приложения
к альманаху «Очевидное-невероятное». Отпечатано в типографии ООО
«МИТТЕЛЬ ПРЕСС», Москва, ул. Руставели д. 14, стр. 6 Тираж 100
экземпляров. Цена договорная.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
КЛАССИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВНУШЕНИЯ	4
---В.М. БЕХТЕРЕВ	
----- ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВНУШЕНИЯ	4
----- ВНУШЕНИЕ И УБЕЖДЕНИЕ	12
----- ВНУШЕНИЕ В ГИПНОЗЕ	16
----- ВНУШЕНИЕ В БОДРСТВЕННОМ СОСТОЯНИИ	20
----- ЗНАЧЕНИЕ ВЕРЫ	28
----- НЕВОЛЬНОЕ ВНУШЕНИЕ И ВЗАИМОВНУШЕНИЕ	33
----- МАССОВЫЕ ИЛЛЮЗИИ И ГАЛЛЮЦИНАЦИИ	40
----- СТЕРЕОТИПНЫЕ ОБМАНЫ ЧУВСТВ И САМОВНУШЕНИЕ	48
----- СУДОРОЖНЫЕ ЭПИДЕМИИ В ИСТОРИИ	51
----- МЫСЛЕННОЕ ВНУШЕНИЕ ИЛИ ФОКУС?	57
---А.А. ВАСИЛЬЕВ	
----- ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ВНУШЕНИЯ НА РАССТОЯНИИ	61
----- СЛУЧАИ, ПРИНИМАЕМЫЕ ЗА ВНУШЕНИЕ	78
----- ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ВНУШЕНИЕ НА РАССТОЯНИИ	97
----- СРАВНЕНИЕ С РЕЗУЛЬТАТАМИ ОПЫТОВ	117
----- ПОИСКИ НАИЛУЧШИХ УСЛОВИЙ ОПЫТОВ	126
----- ТЕЛЕПАТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ	144
----- ТЕЛЕПАТИЧЕСКАЯ ОДАРЁННОСТЬ	157
----- ФИЗИОЛОГИЯ ВНУШЕНИЯ НА РАССТОЯНИИ	175
----- БИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕЛЕСВЯЗЬ У ЖИВОТНЫХ	189
----- ЭЛЕКТРОМАГНИТНАЯ ГИПОТЕЗА ВНУШЕНИЯ	202
----- ОПЫТЫ НА ОЧЕНЬ БОЛЬШОМ РАССТОЯНИИ	216
----- ВОЗМОЖНОЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ	232
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВНУШЕНИЯ НА РАССТОЯНИИ	245
АНАЛИЗ СЕАНСА КЛАССИЧЕСКОГО ВНУШЕНИЯ	275
ГИПОТЕЗА ОБ АУТОГЕННОЙ ПРИРОДЕ ВНУШЕНИЯ	277
ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДИКИ НА БАЗЕ ГИПОТЕЗЫ	279
ТРЕНИРОВКА НАВЫКОВ ВНУШЕНИЯ НА РАССТОЯНИИ	282

Явления телепатии не могут подлежать сомнению. Не только
накопилось огромное количество соответствующего
фактического материала, но и чуть не каждый поживший
семьянин не откажется сообщить о лично им испытанных
телепатических явлениях. Почтенна попытка объяснить их с
научной точки зрения.

К. Э. Циолковский

ВВЕДЕНИЕ

Написать данную работу меня побудили результаты более чем двадцатипятилетних исследований в области внушения и, в частности, основного вопроса философии, применительно к внушению – что первично в феномене внушения – реакция внушаемого или реакция внушающего?

Материалы данной книги в части описания природы феномена внушения большей частью позаимствованы из книги В.М. Бехтерева «Внушение и его роль в общественной жизни», с комментариями автора, имеющими отношение к феномену внушения наяву без применения каких-либо техник внушения в состоянии гипноза.

Материалы данной книги в части описания и исследования феномена внушения на расстоянии большей частью позаимствованы из книги Л.Л. Васильева «Внушение на расстоянии».

Материалы практической части данной книги являются квинтэссенцией результатов собственных исследований автора с комментариями и пояснениями.

Все заинтересовавшиеся читатели могут продолжить практическое обучение навыкам внушения наяву на семинарах, проводимых автором. Записаться на такие семинары, а также задать вопросы или внести предложения можно по электронной почте 2203827@mail.ru

КЛАССИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВНУШЕНИЯ

Очевидно, что сущность внушения заключается не в тех или других внешних его особенностях, а в особом отношении внушенного к «я» субъекта во время восприятия внушения и его осуществления.

Вообще говоря, внушение есть один из способов воздействия одних лиц на других, которое производится намеренно или ненамеренно со стороны воздействующего лица и которое может происходить или незаметно для внушаемого лица, или даже с его ведома и согласия.

Для выяснения сущности внушения мы должны иметь в виду, что наше восприятие может быть активным и пассивным. При первом обязательно участвует «я» субъекта, которое направляет внимание, сообразуясь с ходом нашего мышления и окружающих условий, на те или другие внешние впечатления. Последние, входя в психическую сферу при участии волевого внимания и усваиваясь путем обдумывания и размышления, становятся достоянием личного сознания или нашего «я».

Этот род восприятия, приводя к обогащению нашего личного сознания, лежит в основе наших взглядов и убеждений, так как дальнейшим результатом активного восприятия является работа нашей мысли, приводящая к выработке более или менее прочных убеждений. Последние, входя в содержание нашего личного сознания, временно могут скрываться в т. н. подсознательной сфере или в сфере общего сознания, но так, что каждую минуту по желанию «я» они вновь могут быть оживлены путем воспроизведения пережитых представлений.

Но кроме активного восприятия многое из окружающего мира мы воспринимаем пассивно, без всякого участия нашего «я», когда внимание наше чем-либо занято, например при сосредоточении на какой-либо мысли, или когда внимание наше, вследствие тех или других причин, ослаблено, как это наблюдается например в состоянии рассеянности.

И в том, и в другом случае предмет восприятия не входит в сферу личного сознания, а проникает в те области нашей души, которые мы можем назвать общим сознанием. Это последнее является в известной мере независимым от личного сознания, благодаря чему все, что входит в сферу общего сознания, не может быть нами по произволу введено в сферу личного сознания. Но тем не менее продукты общего сознания при известных условиях могут входить и действительно входят в сферу личного сознания, причем источник их первоначального возникновения не всегда даже и распознается личным сознанием.

Целый ряд разнородных впечатлений, входящих в психическую сферу при пассивном восприятии без всякого участия внимания и проникающих непосредственно в сферу общего сознания, помимо нашего «я», образует те неуловимые для нас самих воздействия окружающего мира, которые отражаются на нашем самочувствии, придавая ему нередко тот или другой чувственный тон, и которые лежат в основе неясных мотивов и побуждений, нередко нами испытываемых при тех и других случаях.

Сфера общего сознания вообще играет особую роль в психической сфере каждого лица. Иногда впечатление, воспринятое пассивно, входит затем, благодаря случайному

сцеплению идей, и в сферу личного сознания в виде умственного образа, новизна которого нас поражает. В отдельных случаях образ этот, принимая пластические формы, возникает в виде особого внутреннего голоса, напоминающего навязчивую идею, или даже в виде сновидения или настоящей галлюцинации, происхождение которой обычно лежит в сфере продуктов деятельности общего сознания. Когда личное сознание ослабевает, как это мы наблюдаем во сне или в глубоком гипнозе, то на сцену сознания выдвигается работа общего сознания, совершенно не считающаяся ни со взглядами, ни с условиями деятельности личного сознания, вследствие чего в сновидениях, как и в глубоком гипнозе, представляется возможным все то, чего мы не можем даже и представить себе в сфере личного сознания.

Таким образом, для выяснения способа внушения необходимо иметь ввиду разделение нашей психической сферы на личное и общее сознание. Личное сознание, или так называемое «я», при посредстве воли и внимания обнаруживает существенное влияние на восприятие нами внешних впечатлений; оно же регулирует течение наших представлений и определяет выполнение наших произвольных действий. Все, что входит в сферу психической деятельности при посредстве личного сознания, обычно подвергается нами большей или меньшей критике и переработке, приводя к развитию наших взглядов и убеждений.

Этот путь воздействия окружающей среды на наш психическую сферу может быть назван путем «логического убеждения», так как конечным результатом упомянутой переработки всегда является в нас убеждение: «мы убедились в

истине, мы убедились в пользе, мы убедились в неизбежности того или другого», — вот что мы внутренне можем сказать себе после того, как в нас совершилась упомянутая переработка внешних впечатлений, воспринимаемых при посредстве нашего личного сознания. Но независимо от того в нашу психическую сферу, как мы уже говорили, могут входить разнородные впечатления при отсутствии к ним какого-либо внимания, иначе говоря, в состоянии рассеянности, когда волевое внимание поглощено какой-либо работой. В таком случае внешние впечатления входят в психическую сферу помимо нашего личного сознания и, следовательно, помимо нашего «я». Они проникают в нашу психическую сферу уже не с парадного хода, а, если можно так выразиться, с заднего крыльца, ведущего непосредственно во внутренние покои нашей души. Это и есть то, что мы называем внушением.

Таким образом, внушение представляет собою непосредственное прививание тех или других психических состояний от одного лица к другому. Иначе говоря, внушение есть ничто иное, как вторжение в сознание или прививание к нему посторонней идеи без прямого непосредственного участия в этом акте «я» субъекта, вследствие чего последнее в большинстве случаев является или совершенно, или почти безвластным его отринуть и изгнать из сферы сознания даже при том условии, когда оно сознает его нелепость. Проникая в сознание без активного участия «я» субъекта, внушение остается вне сферы личного сознания, благодаря чему и все дальнейшие его последствия происходят без контроля «я» и без соответственной задержки. Благодаря этому внушение приводит к появлению той или другой навязчивой идеи, к

осуществлению положительных и отрицательных галлюцинаций, или же вызывает развитие психически обусловленной судороги, контрактуры, паралича и т. п.

Вряд ли есть какая-либо возможность сомневаться в том, что внушение относится именно к порядку тех воздействий на психическую сферу, которые происходят помимо нашего «я» и проникают непосредственно в сферу общего сознания. Если нужно определение внушения в нескольких словах, то я должен повторить здесь то, что я сказал уже в первом издании своей брошюры — «Роль внушения в общественной жизни» (СПб., 1898 г.):

«Внушение сводится к непосредственному прививанию тех или других психических состояний от одного лица к другому, — прививанию, происходящему без участия воли (и внимания) воспринимающего лица и нередко даже без ясного с его стороны сознания».

Ясно, что в этом определении содержится существенное отличие внушения как способа непосредственного психического воздействия одного лица на другое от убеждения, производимого всегда не иначе, как при посредстве внимания и логического мышления и с участием личного сознания.

Все, что входит в сферу личного сознания, вступает в соотношение с нашим «я», и так как все в личном сознании находится в строгом соответствии и сочетании с «я» субъекта, — сочетании, служащем выражением единства личности, то очевидно, что все входящее в сферу личного сознания должно подвергаться соответственной критике и переработке со стороны «я».

Но также очевидно, что кроме этого способа влияния, действующего на другое лицо при посредстве личного сознания, есть другой способ воздействия в форме внушения, действующего на психическую сферу путем непосредственного прививания психических состояний, то есть идей, чувствований и ощущений и не требующая участия личного сознания и логики.

Очевидно, что внушение в отличие от убеждения проникает в психическую сферу помимо личного сознания, входя без особой переработки непосредственно в сферу общего сознания и укрепляясь здесь, как всякий вообще предмет пассивного восприятия.

Когда по внушению у человека развивается судорога в руке или, наоборот, рука совершенно парализуется, спрашивается, что обуславливает осуществление этого внушения? Очевидно, ничто другое, как непосредственное проникновение внушаемой идеи в сферу общего сознания, не координированную с «я» субъекта, вследствие чего последнее не властно над этим внушением и не может ему противодействовать. '

Но что мешает «я» с его волевым вниманием допустить внушение проникнуть в общее сознание? Отчего оно не вводит его при указанных условиях в сферу личного сознания? Оттого, что воля или парализуется верой в силу внушения или субъект не может на внушении сосредоточить волевого внимания; оно поэтому и входит в сферу общего, а не личного сознания, давая тем самым полный простор автоматизму.

Таким образом, если бы под внушением мы понимали всякое вообще непосредственное влияние на человека помимо его «я»

или личного сознания, то мы могли бы отождествить эту форму воздействия на нас окружающих условий с формой пассивного восприятия, происходящего без всякого участия «я» субъекта.

Но под внушением обыкновенно принято понимать воздействие не всех вообще окружающих условий, а воздействие одного лица на другое, которое происходит при посредстве пассивного восприятия, то есть помимо участия личного сознания или «я» субъекта, в отличие от воздействия иного рода, происходящего всегда при посредстве активного внимания с участием личного сознания и состоящего в логическом убеждении, приводящем к выработке тех или других взглядов.

Lowenfeld между прочим настаивает на различии в определениях самого процесса внушения (*suggestiren*) от результата его, известного под названием собственно внушения (*suggestion*). Само собою разумеется, что это два различные процесса, которые не должны быть смешиваемы друг с другом. Но, по нашему убеждению, только такое определение и может быть признано наиболее подходящим и более правильным, которое обнимает и самый способ воздействия, характерный для процесса внушения, и результат этого воздействия.

Дело в том, что для внушения характерны не только самый процесс или способ воздействия на психическую сферу, но и результат этого воздействия. Поэтому то и в слове «внушать» мы подразумеваем не только особый способ воздействия на то или другое лицо, но и возможный результат этого воздействия, и, с другой стороны, в слове «внушение» мы

подразумеваем не только известный достигнутый результат в психической сфере данного лица, но и в известной мере тот способ, который привел к этому результату.

Как уже ранее было выяснено, в понятии внушения прежде всего содержится элемент непосредственности воздействия. Будет ли внушение производиться посторонним лицом при посредстве слова или воздействия, или оно будет производиться при посредстве какого-либо впечатления или действия, то есть имеем ли мы словесное или конкретное внушение, везде оно влияет не путем логического убеждения, а непосредственно воздействует на психическую сферу, помимо сферы личного сознания или, по крайней мере, без переработки со стороны «я» субъекта, благодаря чему происходит настоящее прививание идеи, чувства, эмоции, или того или иного психофизического состояния.

Равным образом и те состояния, которые известны под названием самовнушения и которые не требуют посторонних воздействий, возникают обычно непосредственно в психической сфере, когда, например, то или другое представление проникло в сознание как нечто готовое, в форме внезапно явившейся и поразившей сознание мысли, в форме того или иного сновидения, в форме виденного примера и т. п.

Во всех этих случаях психические воздействия, возникающие помимо постороннего вмешательства, прививаются к психической сфере также непосредственно в обход критикующего и самосознающего «я» или того, что мы называем личным сознанием.

Таким образом внушать — значит более или менее непосредственно прививать к психической сфере другого лица идеи, чувства, эмоции и другие психофизические состояния, иначе говоря, воздействовать так, чтобы по возможности не было места критике и суждению; под внушением же следует понимать непосредственное прививание к психической сфере данного лица идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний, помимо его «я», то есть в обход его самосознающей и критикующей личности.

ВНУШЕНИЕ И УБЕЖДЕНИЕ

Из вышеизложенного очевидно, что внушение и убеждение являются двумя основными формами воздействия одного лица на другое. Хотя в числе способов психического воздействия одних лиц на других кроме убеждения и внушения мы можем различать еще приказание и пример, а также советы, пожелания и т. п., но несомненно, что в известной мере и приказание, и пример действуют совершенно подобно внушению и даже не могут быть от него отличаемы; в остальном же как приказание, так и пример, действуя на разум человека, могут быть вполне уподоблены логическому убеждению. Так приказ действует прежде всего силой страха за возможные последствия непослушания чрез сознание необходимости выполнения, в силу разумности подчинения в данном случае и т. п. В этом отношении приказание действует подобно убеждению.

Но независимо от того приказание действует по крайней мере в известных случаях и непосредственно на психическую сферу, как внушение. Лучшим примером влияния приказа как

внушения служит команда. Последняя бесспорно есть форма приказания, а кто не знает, что команда действует не только силой страха за непослушание, но и путем внушения или прививания известной идеи. С другой стороны, и пример, помимо своего влияния на разум путем убеждения в полезности того или другого, может еще действовать наподобие психической заразы, иначе говоря, путем внушения, как совершенно невольное и безотчетное подражание.

Кто не знает заразительного действия публичных казней? Кому не известно заразительное влияние самоубийства?

Всем известна, наконец, передача судорожных болезненных форм путем прямого подражания.

Таким образом, как приписание, так и пример действуют в одних случаях путем убеждения, в других случаях путем внушения; чаще всего они действуют одновременно и как убеждение, и как внушение. В силу этого они не могут быть рассматриваемы как самостоятельные способы воздействия одних лиц на других, подобно убеждению и внушению.

Равным образом и советы, пожелания, а равно и иные формы психического воздействия одних лиц на других также могут действовать на психику или в форме внушения, или в форме убеждения, смотря по отношению к ним того лица, которому они высказываются.

Итак, очевидно, что в то время как словесное убеждение обыкновенно действует на другое лицо силой своей логики и непреложными доказательствами, внушение действует путем непосредственного прививания психических состояний, то есть идей, чувствований и ощущений, не требуя вообще

никаких доказательств и не нуждаясь в логике. Оно действует прямо и непосредственно на психическую сферу другого лица путем приказа или уговора, путем увлекательной и взволнованной речи, путем жестов и мимики.

Легко видеть отсюда, что пути для передачи психических состояний с помощью внушения гораздо более многочисленны и разнообразны, нежели пути для передачи мыслей путем убеждения. Вот почему внушение в общем представляет собою более распространенный фактор, нежели убеждение.

Последнее может действовать преимущественно на лиц, обладающих здоровой и сильной логикой, тогда как внушение действует не только на лиц со здоровой логикой, но еще в большей мере и на лиц, обладающих недостаточной логикой, как например детей и простолюдинов.

Несомненно поэтому, что внушение или прививание психических состояний играет особо видную роль в нашем воспитании, по крайней мере до тех пор, пока логический аппарат ребенка не достигнет известной степени своего развития, позволяющего ему усваивать логические выводы не менее, нежели готовые продукты умственной работы других, усваиваемые с помощью так называемого механического заучивания и подражания, в которых немалую роль играет внушение, или психическая прививка со стороны воспитателей и окружающих лиц.

Равным образом и в простом классе населения внушение, или прививка идей, играет немаловажную роль, как фактор, существенно влияющий на мировоззрение отдельных лиц и даже целых обществ.

Всякий, обращавшийся с народом, знает это хорошо по собственному опыту и знает цену логических убеждений, которые, если и имеют успех, то лишь путем медленного усваивания их, тогда как внушение в форме уговора или приказания здесь почти всегда действуют быстро и верно, в случае конечно, если они не противоречат вкоренившимся убеждениям народа.

Влияние команды в войсках, как мы уже упоминали, сводится также преимущественно к внушению, которое действует сильнее всякого убеждения. Но и на интеллигентных лиц, обладающих вполне развитой логикой, внушение действует в известных случаях вряд ли менее сильно, нежели на детей и простолюдинов, по крайней мере, в таких случаях, когда оно не противоречит установившемуся мировоззрению.

Если внушение, как было выяснено выше, есть ничто иное, как воздействие одного лица на другое путем непосредственного прививания идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний без участия личного сознания внушаемого лица, то очевидно, что оно может проявляться легче всего в том случае, когда оно проникает в психическую сферу незаметно, вкрадчиво, при отсутствии сопротивления со стороны «я» субъекта, или, по крайней мере, при пассивном отношении последнего к предмету внушения, или же, когда оно сразу подавляет психическое «я», устраняя всякое сопротивление со стороны последнего. Опыт действительно подтверждает это, так как внушение может быть введено в психическую сферу или мало-помалу путем постоянных заявлений одного и того же рода и уговора, или же сразу наподобие повелительного приказа.

ВНУШЕНИЕ В ГИПНОЗЕ

Хотя все вышеуказанное достаточно точно определяет самый предмет, тем не менее нельзя не упомянуть, что о действии внушения и о распространении психической инфекции или заразы мы не могли составить себе ясного представления до тех пор, пока не были ближе выяснены условия, необходимые для осуществления внушения и распространения психической заразы.

Эти условия мы получили возможность выяснить лишь в позднейшее время вместе с развитием учения о намеренном внушении, производимом в гипнозе. Как о распространении физической заразы еще так недавно господствовали самые смутные представления до тех пор, пока не явилась возможность производить чистые культуры микробов и с помощью их производить искусственные прививки болезней, так точно и в вопросе о внушении и психической заразе существовало множество самых сбивчивых и неясных представлений до тех пор, пока не явилась возможность ближе изучить условия прививания тех или других психических состояний с помощью намеренного внушения.

Опыт показывает, что такое намеренное прививание тех или других психических состояний большею частью удается лучше всего в особом состоянии сознания, которое мы называем гипнозом и которое, на мой взгляд, есть ни что иное, как вызванное определенными приемами видоизменение обыкновенного сна. См. В.Бехтерев. Гипноз и его значение как врачебного средства. Нервные болезни в отдельных наблюдениях, 1894; Лечебное значение гипноза. СПб., 1900.

Как известно, в гипнозе легко удаются самые разнородные внушения. Впрочем, вопрос, можем ли мы внушить в гипнозе все, что мы пожелаем, до сих пор еще остается не вполне выясненным. По некоторым авторам, нет вообще никаких границ для внушения, другие, напротив того, держатся взгляда, что в гипнозе может быть внушаемо только то, что отвечает психической природе человека. Практически вопрос сводится главным образом к возможности внушать те или другие преступления, причем одни авторы были склонны утверждать, что гипнотик способен под влиянием внушения выполнить какое угодно преступление, тогда как другие авторы видели в этих утверждениях лишь простое увлечение лабораторными преступлениями, совершаемыми в гипнозе, справедливо замечая, что гипнотик не лишен вполне сознания и потому, когда ему внушают то или другое преступление, то он отлично осознает, что это преступление дело не серьезное, что оно на самом деле есть только воображаемое преступление и что все это делается только для его испытания и потому он выполняет его без большого сопротивления, как невинную шутку.

Что касается меня, то, руководствуясь своим опытом, я ничуть не становлюсь на сторону тех авторов, которые приписывают внушению в гипнозе роль всемогущего фактора, могущего из гипнотика сделать все, что угодно. Сила его внушения в этом, как и в других случаях, зависит бесспорно не от одного лишь умения внушить и поддержать внушение, но еще и от той почвы, на которую действует внушение, иначе говоря, от психической природы лица, подвергаемого внушению. Таким образом, психическое противодействие внушению, производимому в гипнозе, в значительной мере зависит как от

большей или меньшей глубины гипноза, так и от того, в какой мере это внушение находится в противоречии с идеями, склонностями и убеждениями лица, подвергающегося внушению. При отсутствии такого противоречия внушение действует сильно и верно; напротив того, при встрече в сильной натурой, держащейся противоположных взглядов, внушение может оказаться бессильным.

Но умаляется ли отсюда значение внушения как важного психического фактора? Ничуть. Ведь людей с сильным характером и стойкими идеями далеко немного. Да и мало ли есть людей настолько нравственно невоспитанных, что они не делают некоторых преступлений, например, против нравственности и имущественной собственности только в силу страха за ответственность перед законом. Не достаточно ли поэтому тем или другим способом усыпить в них путем внушения в гипнозе этот страх и вселить веру в возможность избежать ответственности пред законом, усилив в то же время в их воображении выгодные последствия преступления, чтобы склонить их на совершение этого преступления, которого при других условиях они никогда бы не сделали?

Но мы отвлеклись бы очень далеко, если бы подробно стали развивать этот вопрос. Поэтому, не касаясь более чисто практической стороны вопроса о значении гипнотических преступлений, мы заметим здесь, что гипноз представляет для нас глубокий интерес не с одной только практической стороны, но и в отношении изучения вопроса о наиболее благоприятных условиях внушения. Чем в самом деле объясняется то обстоятельство, что в гипнозе хорошо удаются внушения? Можно думать, что гипноз как состояние близкое

или родственное нормальному сну сам по себе уже составляет благоприятное условие для внушения. Но опыт показывает нам, что не всегда степень внушаемости идет рука об руку с глубиной сна. Есть очень глубокие степени гипноза, как, например, летаргическая фаза Charcot, которые совершенно недоступны внушению. Напротив того, в других случаях уже слабые степени гипноза отличаются необычайной внушаемостью.

Известно также, что и обыкновенный сон большею частью не составляет благоприятного условия для внушения, хотя в некоторых состояниях естественного сна имеются условия, столь же благоприятные для внушения, как и в гипнозе.

Отсюда ясно, что степень внушаемости определяется не самим гипнозом или сном, а тем особым состоянием сознания или психической деятельности, которое мы имеем в гипнозе, а иногда и в обыкновенном сне.

Эти условия, благоприятствующие внушению в гипнозе, заключаются в том, что при изменении нормального сознания, выражающемся большим или меньшим засыпанием «я» и не исключающем общения с внешним миром или, по крайней мере, не исключающем общения с гипнотизером, производимые последним внушения входят в психическую сферу непосредственно и независимо от личного сознания гипнотизируемого субъекта, иначе говоря, помимо его «я». Закрепляясь в тех глубинах души, которые нередко называли и называют бессознательными или подсознательными и которые правильнее называть сферой общего сознания, эти внушения впоследствии входят сами собой в сферу личного сознания и, не будучи распознанными, как посторонние внушения, так как

первоисточник их для личного сознания остается скрытым, подчиняют себе личное сознание в более или менее значительной мере.

Таким образом, вся сущность гипнотических внушений заключается в том, что у загипнотизированного наступает особое состояние пассивности, в силу чего внушения и действуют на него столь подавляющим образом.

Не подлежит однако сомнению, что состояние пассивности представляет собою лишь одно из благоприятнейших условий для введения внушения в бессознательную сферу. Оно составляет лишь подходящую обстановку для внушения, устраняя в большей или меньшей мере вмешательство личного сознания. Так как, однако, это состояние пассивности ничуть не идет рука об руку с глубиной сна, а зависит в значительной степени также от индивидуальных условий, то отсюда очевидно, что и степень восприимчивости к внушениям не стоит в прямом соотношении с глубиной гипноза.

ВНУШЕНИЕ В БОДРСТВЕННОМ СОСТОЯНИИ

Опыт показывает далее, что есть лица, для которых бодрственное состояние сознания представляет почти столь же благоприятное условие для внушения, как и гипноз. У такого рода лиц удастся всякое вообще внушение и в совершенно бодрственном состоянии, следовательно, при наличности воли. Словом, у этих лиц внушения могут быть производимы в бодрственном состоянии так же легко и просто, как у других в состоянии гипноза.

Для действительности внушения от такого лица не требуется ничего кроме того, чтобы он слушал и не противодействовал.

Если он начинает противодействовать внушению, достаточно усилить последнее, а если этого недостаточно, то стоит только внушить, что сопротивление невозможно, и внушению открывается полный простор.

Вся особенность этих лиц сводится к тому, что они допускают в свое сознание вторгнуться посторонней идее пассивно, не вмешиваясь своим «я» в сущность и в критику этой идеи, иначе говоря, пропуская ее в свое сознание без активного внимания подобно тому, как человек воспринимает что-либо в рассеянности.

Всякий знает, что, будучи рассеянными и невнимательными, мы можем давать на задаваемые вопросы совершенно не подходящие для нас ответы; можем признавать то, что мы несомненно отвергнули бы, если бы отнеслись к вопросу с вниманием, нередко мы не знаем даже, что данный вопрос был нам задаваем, иначе говоря, мы имеем настоящую амнезию. С другой стороны, при отвлечении внимания мы не замечаем нередко своих ощущений, можем даже заглушить резкие болезненные ощущения. В других случаях мы испытываем без всякой видимой причины безотчетную тоску или душевную боль, или же нам незаметно для нас самих может быть навязан тот или другой мотив, привита та или другая идея и т. п.

Словом, в состоянии рассеянности, когда наше «я» чем-нибудь занято или отвлечено в известном направлении, мы получаем состояние, благоприятствующее внушению, вследствие чего, будучи введено в психическую сферу, оно проникает в него помимо «я» или, по крайней мере, без его активного участия и не может быть подвергнуто соответствующей критике и переработке.

Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что облегченная восприимчивость к внушениям наблюдается иногда и в нормальном психическом состоянии. Но суть в том, что в таком случае внушаемые лица по отношению к производимым внушениям, веря в их магическую силу, не в состоянии обнаружить никакого психического противодействия и подчиняются им совершенно пассивно.

Благодаря этому, внушения легко входят в их психическую сферу помимо их «я», точнее говоря, помимо их личного сознания, следовательно прививаются непосредственно, так сказать, в самые недра психической сферы, помимо всякого участия воли и действуют так же неотразимо на субъекта, как и внушения, производимые в гипнозе.

Само собой разумеется, что у такого рода лиц внушением в бодрственном состоянии можно пользоваться для лечения так же легко, как и внушениями, производимыми в гипнозе.

Примером действительности подобного рода внушений, производимых в бодрственном состоянии, может свидетельствовать следующий случай.

Осенью 1896 г. мы приняли в клинику молодого человека, который страдал тяжелыми судорожными истерическими приступами и полным параличом нижних конечностей, развившимся в одном из истерических приступов.

Этот паралич длился уже более 1,5 месяцев, не поддаваясь никаким вообще терапевтическим приемам, и грозил таким образом перейти в те хронические параличи, которые длятся годами, не поддаваясь излечению.

Но во время исследования этого больного совместно с врачами клиники ему были закрыты глаза и затем путем

внушения он был тотчас же совершенно излечен от паралича и уже в гипнозе начал ходить. Когда он был разбужен, то к удивлению своему убедился, что он стоит на ногах и может свободно ходить.

Больной в восторге отправился сам в свою палату и привел в изумление всех тех, которые за несколько минут перед тем видели его в кресле-коляске в состоянии полного паралича нижних конечностей.

С этих пор у больного оставались одни истеро - эпилептические припадки, которые случались с больным довольно часто и продолжались нередко весьма продолжительное время, если они своевременно не были останавливаемы соответствующими внушениями.

Перед тем, как демонстрировать больного на лекции пред студентами, я исследовал его вновь и убедился, что внушения можно свободно производить ему в бодрственном состоянии. Тотчас же ему было произведено внушение о прекращении судорожных приступов и о его выздоровлении.

Внушение подействовало на больного так, что он совершенно поправился и припадки прекратились.

На другой день на лекции можно было больному в совершенно бодрственном состоянии внушать разнообразные судороги, контрактуры, параличи, иллюзии и галлюцинации, словом, все что угодно.

Я много раз спрашивал больного, как он может объяснить себе действие внушения наяву, но он на это выражал только удивление вместе с другими присутствовавшими лицами. У этого больного со временем, правда, проявились еще два или три слабых истерических припадка под влиянием особых

поводов, но это были лишь изолированные припадки, которые затем после новых внушений более уже не повторялись.

В другом случае у наборщика, страдавшего ясными признаками свинцового отравления, имелось наряду с правосторонней гемипарезией и болями левой части головы гемипарезия правой же стороны тела, особенно резко выраженная в правой руке. Больной должен был постоянно придерживать эту руку левой рукой, так как она его сильно беспокоила постоянными судорожными движениями, еще более усиливавшимися при всяком волнении и исследовании. Больной, будучи человеком несостоятельным, уже много месяцев, оставался без всякой работы, будучи в полном смысле беспомощным человеком. Но достаточно было ему однажды внушить, не прибегая к гипнозу, что судороги его прекратились и он снова владеет рукой свободно, и оказалось, что судороги сразу исчезли совершенно. С тех пор у больного в любое время можно было вызывать судорогу по произволу, благодаря простому внушению, и также просто ее уничтожить. То же самое оказалось возможным сделать с его болями и с гемипарезией, которые исчезли по одному слову внушения и могли быть вызываемы вновь в бодрственном состоянии любое число раз. Субъект этот по выздоровлении воспроизвел под влиянием внушения все свои болезненные расстройства, между прочим, и на лекции студентам и по внушению на той же лекции был от них избавлен.

Нет надобности говорить, что мы имели в клинике и в ее амбулатории много и других больных, у которых в бодрственном состоянии также легко осуществляются разнообразные внушения, как например иллюзии,

галлюцинации и пр., и которые этими внушениями в бодрственном состоянии легко излечивались от разнообразных нервных припадков. Обыкновенно ежегодно на лекциях, читаемых мною о гипнозе, я демонстрирую целый ряд больных с прекрасной внушаемостью в бодрственном состоянии.

Выше приведенные примеры, подобных которым можно было бы привести многое множество, не оставляют сомнения в том, что внушения в бодрственном состоянии в известных случаях могут быть столь же просто осуществляемы и столь же действительными, как и внушения в состоянии гипноза. Но даже и в тех случаях, когда не имеется подобной внушаемости в бодрственном состоянии, для воздействия внушения часто нет существенной необходимости во сне. Нужна лишь вера в силу производимого внушения и возможно полное сосредоточение мысли на содержании этого внушения, иначе говоря, нужно, чтобы субъект отдался действию этого внушения вполне. Когда врач достигнет этих условий в бодрственном состоянии, тогда он свободно может обходиться при лечении внушением без гипнотического сна, который в некоторых случаях даже мешает внушению, если, например, больной, веря в магическую силу лишь внушений, производимых в гипнозе, не засыпает в достаточной мере глубоко.

Таким образом, для внушения в сущности не нужно сна, не нужно даже никакого подчинения воли внушаемого лица, все может оставаться, как обыкновенно, и тем не менее внушение, входящее в психическую сферу помимо личного сознания, или

так называемого «я», действует на последнего как бы магически, подчиняя его внушенной идее.

Для доказательства этой истины нет надобности даже обращаться к тем или другим патологическим примерам, так как подобные же и притом не менее яркие примеры мы можем почерпнуть и вне клиник. Известно, какую магическую силу имеют в некоторых случаях заговоры знахарей, сразу останавливающие кровотечения, не менее известно и целительное значение так называемых симпатических средств, к которым так охотно прибегали в особенности в старое время при сильном распространении веры в эти средства. На этом внушении в бодрственном состоянии основано известное целебное значение королевской руки, магическое действие хлебных плюлюль, лечение желтым и красным электричеством Маттея, известное некогда в Петербурге лечение барона В. с помощью простой невской воды и других индифферентных средств, магическое слово аббата Фариа, одним повелением исцелявшего больных, известное в Париже лечение параличных больных одним зуавом, пользовавшимся для этой цели лишь повелительным внушением и т. п.

Одним из хороших примеров внушения в бодрственном состоянии, производимого на массу лиц одновременно, представляют известные сеансы месмеризма в период славы его основателя Месмера. Последний устроил особую лохань, вокруг которой одновременно магнетизировалось свыше тридцати лиц. Больные, разместившись вокруг лохани в несколько рядов и держась за подвижные резиновые ручки, связывались друг с другом веревкой вокруг туловища или соединялись друг с другом руками. Затем больные оставались в

ожидании. При этих сеансах наблюдалась полная тишина, но из соседней комнаты раздавались обыкновенно звуки гармоники, фортепьяно или пение человеческого голоса. Явления, которые наблюдались у больных и которые объяснялись особыми магнетическими токами, по описанию очевидца Бальи, заключались в следующем: «Некоторые больные совершенно спокойны и ничего не испытывают, другие же кашляют, харкают, чувствуют легкую боль, местную или общую теплоту и потеют; третьи ажиатируются и впадают в конвульсии, необыкновенные по своей численности, продолжительности и силе; иногда эти конвульсии продолжаются более трех часов и характеризуются невольными порывистыми движениями всех членов, всего тела, спазмами горла, вздрагиваниями подвздошья и надчревия, помутнением и блужданием взора, пронзительными криками, слезами, икотою и неудержимым смехом. Им предшествует или затем следует состояние утомления или сонливости, особого рода изнеможение и даже сон.

При малейшем неожиданном звуке больные вздрагивали, всякое изменение тона или темпа в игре на фортепиано влияло до того, что одно какое-нибудь затем более интенсивное движение действовало потрясающим образом и возобновляло усиленные конвульсии.

Правда, находились и такие субъекты, которые, стараясь подавить в себе это состояние, обращались друг к другу, аффективно болтали, смеялись, благодаря чему им естественно удавалось предотвратить кризис. Подчинившиеся же всецело магнетизеру быстро поддавались мнимому усыплению, его голос, жест и даже взгляд приводил их в себя.

Ввиду постоянства таких явлений нельзя воздержаться от признания могущественной силы, властвующей над больными и как бы исходящей от магнетизера. Это конвульсивное состояние называется кризисом. Замечено, что из больных, впадающих в кризис, большинство женщины, мужчин мало. Замечено также, что кризис наступает в течение одного или двух часов и что, появившись у одного, он затем постепенно, спустя немного времени, обнаруживается и у всех остальных». Аналогичные примеры возможны и ныне. Бине и Фере. Животный магнетизм. СПб., 1890, с. 15 и 16. Так, еще недавно в Берлине сильно обеспокоило власти распространение оккультизма, выразившееся между прочим в своеобразных способах врачевания. По словам газет, двумя англичанками, учительницами английского языка, в одном берлинском женском лицее была устроена своего рода клиника, в которой больных лечили без лекарств одними таинственными заклинаниями. Эти заклинания будто бы направляли на больного целительное веяние каких-то тайных сил, причем даже неверующие больные выздоравливали. Между прочим, очень многие дамы высшего берлинского общества уверовали в таинственный дар упомянутых англичанок. Успех их был чрезвычайный как в отношении славы, так и в отношении денег.

ЗНАЧЕНИЕ ВЕРЫ

Вера вообще играет необычайную роль как фактор, способствующий внушению. Один из ярких примеров подобного влияния веры представляют недавние подвиги в Америке немецкого эмигранта Шлятера, который, начав

башмачником в Данвере, вообразил, что его призвание заключается в том, чтобы просветить всю Америку евангельским учением. С этих пор он закрывает свою торговлю и, превращаясь в странника, выдает себя за мессию и исцеляет многих наложением своей руки. Вскоре молва о производимых им чудесах повлекла за ним толпы приверженцев, на глазах которых совершались чудесные исцеления. К нему стало стекаться множество больных, жаждущих наложения его руки, так что он уже не успевал удовлетворять всех, ищущих его помощи.

Заимствуем описание одной сцены, сделанное репортером и характеризующее яркими штрихами влияние Шлятера на толпу: «Со всех сторон были видны мужчины, женщины и дети с печатью душевного страдания на лице; с каждой минутой толпа увеличивалась, и скоро вся местность представляла море голов, насколько можно было охватить взглядом. Потом внезапное движение прошло по собранию, и всякий даже малейший шепот затих... пришел Schlater. Когда я приблизился к нему, мной овладел сверхъестественный страх, который было трудно проанализировать. Моя вера в этого человека росла вопреки моему разуму. Бодрствующее, контролирующее, мыслящее, рассуждающее "я" стало колебаться, терять свою силу, а рефлекторное, подбодрствующее начало укрепляться. Когда он отпустил мои руки, моя душа признала какую-то силу в этом человеке, чему, по-видимому, противились мой ум и мой мозг. Когда он раскрыл мои руки, я почувствовал, что мог бы упасть перед ним на колени и назвать его владыкой». Б. Сидис. Психология внушения. С. 302.

Особенной славой Шлятер пользовался в штате Колорадо. Затем он отправился в Мексику, после чего вскоре исчез, и никто не знал, что с ним случилось. Его приверженцы уверяли, что он отправился в другие страны для проповеди, другие — что он вознесся на небо. Пользуясь этим, то там, то сям стали являться его подражатели — лже-Шлятеры.

В конце концов скелет настоящего Шлятера был найден совершенно случайно под одним деревом двумя исследователями Сьера-Мадре в 50 милях от *casas grandes* в провинции Чигуагуе.

Этот поражающий пример, взятый из жизни современного общества, показывает нам со всею яркостью, каково может быть действие внушения в бодрственном состоянии при условии слепой веры в силу производимого влияния.

Истари известное целительное влияние веры, которому между прочим посвящены исследования Н. Tuke'a, Regnard'a, Littre, Banneville'a, Charcot (*La foie, qui guérit*), и др. здесь сказалось со всею яркостью. Помимо всего прочего вера является столь благоприятной почвой для самовнушения, что она нередко совершает этим путем чудесные исцеления и там, где обыкновенное внушение оказывается бессильным. В этом отношении пример Шлятера делает нам понятными многие из тех внезапных исцелений во время религиозного воодушевления, которые известны были уже в древности (например в египетских храмах Сераписа или в храмах Асклепия древней Греции), которые случались во все времена и которые повторяются ещё и поныне. Особенно известны исцеления, происходившие в начале нашей эры, а также в период средних веков (исцеления на могиле Людовика IX, в

базилике С. Дени и пр.), позднее — т. н. Сен-Медарские явления.

Иллюстрации ради я приведу здесь случай чудесного исцеления, случившегося несколько лет тому назад в Петербурге.

Мальчик Г. страдал параличом истерического происхождения, природа которого, к сожалению, осталась нераспознанною со стороны известного в Петербурге психиатра, признавшего его неизлечимым. Парализованный мальчик оставался беспомощным уже много лет, как вдруг однажды во сне он увидел лик Божьей Матери, приказавшей ему поклониться св. иконе, находящейся в часовне по Шлиссельбургскому тракту у Стекляного Завода и известной тем, что ударом молнии в 1888 г. было разрушено все внутри часовни, но сохранился лишь образ Божьей Матери, причем лик ее оказался усеянным в форме венца медными монетами из сборной народной кружки. Проснувшись, Г. настойчиво начал просить себя повезти к упомянутой иконе и, когда желание его было исполнено, то оказалось, что уже во время молебна он получил возможность стоять на ногах и с этих пор начал ходить.

Не менее поучительный случай произошел несколько лет тому назад в Москве с одним приват-доцентом Д., у которого известным специалистом был поставлен диагноз неизлечимой кожной болезни на голове в форме *sycosis*. Оказалось, что для исцеления его было достаточно, чтобы одна старуха повела его в церковь и там помолилась вместе с ним.

Еще ранее того в Москве же был случай чудесного исцеления слепоты, очевидно истерического характера, при одном

прикосновении к образу, бывшему в серебряной ризе, вследствие чего в период тогдашнего увлечения металлотерапией была склонность у некоторых врачей объяснять этот случай действием металла, тогда как он проще всего объяснялся влиянием веры. Целительное влияние последней мы видим и теперь при стечении богомольцев, как например во Франции в Лурде, в Ирландии в м. Кнок, у нас в Киеве и других местах, особенно же при тех или других торжественных случаях, например во время больших религиозных празднеств, когда религиозное воодушевление стекающегося народа достигает необычайной степени.

Но не обнаруживается ли в большей или меньшей мере влияние веры и по отношению к врачу, подходящему к кровати больного? Всякий знает, какое магическое оздоравливающее действие может приобрести одно утешительное слово со стороны врача и, наоборот, как иногда убийственно в буквальном смысле слова действует на больного суровый холодный приговор врача, не знающего или не желающего знать силы внушения.

Сколько пациентов, обращаясь к врачу для лечения своей зубной боли, должны сознаться уже в приемной врача, что помощь им становится излишней вследствие того, что зубная боль исчезла еще прежде, чем больной мог увидеть своего врача.

Надо впрочем заметить, что далеко не все лица верят слепо в могущество того или другого врача по отношению к своей болезни, а потому и психическое влияние врача на своих пациентов бывает неодинаковым.

НЕВОЛЬНОЕ ВНУШЕНИЕ И ВЗАИМОВНУШЕНИЕ

Вообще надо признать, что, так как большинство лиц не может удержать себя от невольного сопротивления посторонним психическим воздействиям, то естественно, что действие внушения в бодрственном состоянии в более или менее резко выраженной степени удастся далеко не у всех. Для осуществления внушения в этих случаях именно и нужна та упомянутая выше подготовляющая обстановка, которая устраняет невольное сопротивление со стороны лица, подвергающегося внушению.

Тем не менее в обыденной жизни мы встречаемся нередко с действием невольного внушения, производимого при естественном общении одного лица с другим.

Это внушение происходит незаметно для лица, на которое оно действует, а потому обыкновенно и не вызывает с его стороны никакого сопротивления. Правда, оно действует редко сразу, чаще же медленно, но зато верно укрепляется в психической сфере.

Чтобы пояснить этот факт примером, я напомним здесь, какое магическое влияние на всех производит, например, появление одного веселого господина в скучающем обществе. Все тотчас же невольно, не замечая того сами, заражаются его весельем, приободряются духом, и общество из скучного, монотонного делается очень веселым и оживленным.

В свою очередь, оживление общества действует заразительно и на лицо, внесшее это оживление, в силу чего его душевный тон еще более приподнимается.

Вот один из многих примеров действия невольного внушения или естественного прививания психических состояний от одних лиц к другим.

Так как в этом случае дело идет о взаимном психическом влиянии одного лица на других и обратно, то правильнее всего это состояние называть невольным взаимовнушением.

Нужно при этом иметь в виду, что действие невольного внушения и взаимовнушения гораздо шире, чем можно было бы думать с самого начала.

Оно не ограничивается только отдельными более или менее исключительными лицами, подобно намеренному внушению, производимому в бодрственном состоянии, и также не требует для себя никаких особых необычных условий, подобно внушению, производимому в гипнозе, а действует на всех и каждого при всевозможных условиях.

Само собою разумеется, что и в отношении непроизвольного прививания психических состояний существуют большие различия между отдельными лицами в том смысле, что одни, как более впечатлительные, более пассивные и следовательно более доверчивые натуры, легче поддаются непроизвольному психическому внушению, другие же менее; но разница между отдельными лицами существует лишь количественная, а не качественная, иначе говоря, она заключается лишь в степени восприимчивости к ненамеренному или невольному внушению со стороны других лиц, но не более.

Невольное внушение и взаимовнушение, таким образом, как мы его понимаем, есть явление более или менее всеобщее.

Возникает однако вопрос, каким способом могут прививаться к нам идеи и вообще психические состояния других лиц и

подчинять нас своему влиянию? Есть полное основание думать, что это прививание происходит исключительно при посредстве органов чувств.

В науке неоднократно возбуждался вопрос о мысленном влиянии на расстоянии со стороны одного лица на другое, но все попытки доказать этот способ передачи мыслей на расстоянии более или менее непреложным образом рушатся тотчас же, как только его подвергают экспериментальной проверке, и в настоящее время не может быть приведено в сущности ни одного строго проверенного факта, который бы говорил в пользу реального существования телепатической передачи психических состояний.

Поэтому, не отрицая в принципе дальнейшей разработки вышеуказанного вопроса, мы должны признать, что предполагаемая некоторыми подобная передача мыслей при настоящем состоянии наших знаний является совершенно недоказанною.

Таким образом, отбросив всякое предположение о возможности телепатической передачи идей на расстоянии, мы вынуждены остановиться на мысли, что прививка психических состояний от одного лица другому может передаваться теми же путями, как передается вообще влияние одного лица на другое, то есть при посредстве органов чувств.

Вряд ли можно сомневаться в том, что главнейшим передатчиком внушения от одного лица другому служит орган слуха, так как словесное внушение является, вообще говоря, наиболее распространенным и, по-видимому, наиболее действительным.

Но не подлежит сомнению, что и другие органы, особенно зрение, могут служить также посредниками в передаче внушения. Не говоря о влиянии мимики и жестов, я укажу лишь на тот факт, что весьма немногие лица могут видеть зевоту, чтобы не зевнуть самим; равным образом вид съедаемого лимона вызывает невольно сжатие губ и обильное слюноотделение.

Известен анекдот, что этим путем был остановлен целый оркестр одним зрителем, который занялся на глазах музыкантов поеданием лимона.

Все это суть примеры зрительного внушения, которое, как легко видеть, действует в известных случаях не менее верно, нежели внушение слуховое.

Можно привести также примеры передачи внушения при посредстве осязательного и мышечного чувства. Всякий знает, что взаимное пожатие рук нередко является очень действительным средством передачи душевных чувств и симпатии между близкими лицами.

Далее известен пример, что один студент-медик испытал сильный страх при мысли, что скальпелем он отрезал себе палец, тогда как на самом деле по пальцу его скользнула лишь тупая спинка скальпеля.

Другим примером внушения при посредстве осязательного органа может служить известный рассказ о приговоренном к смерти преступнике, которому при закрытых глазах было внушено, что вскрыта одна из вен и что кровь его постоянно истекает.

Через несколько минут он оказался мертвым, несмотря на то, что вместо крови по телу его струилась теплая вода.

Что касается внушения при посредстве мышечного чувства, то оно изучалось неоднократно на истеричных в Саль-петриере, причем оказалось, что этим путем в известных случаях внушение может производиться весьма успешно. Достаточно истеричной больной в гипнозе сложить руки, как они складываются при молитве, и тотчас же лицо ее принимает выражение мольбы. Если в другом случае сложить ее правую руку в кулак, то лицо ее принимает выражение угрозы.

Очевидно следовательно, что и мышечное чувство, вообще весьма мало приспособленное для общения отдельных лиц, дает возможность передавать внушения.

Вообще надо признать, что передатчиками внушения могут служить различные органы чувств, не исключая осязания и мышечного чувства, но само собою разумеется, что такие органы, как слух и зрение, как аппараты, наиболее приспособленные для общения людей друг с другом, являются важнейшими органами, при посредстве которых чаще всего и вернее всего передаются внушения.

В сущности, невольное внушение и взаимовнушение, будучи явлением всеобщим, действует везде и всюду в нашей повседневной жизни. Не замечая того сами, мы приобретаем в известной мере чувства, суеверия, предубеждения, склонности, мысли и даже особенности характера от окружающих нас лиц, с которыми мы чаще всего обращаемся. Подобное прививание психических состояний происходит взаимно между совместно живущими лицами, иначе говоря, каждая личность в той или другой мере прививает другой особенности своей психической природы и, наоборот, принимает от нее те или другие психические черты. Происходит, следовательно, в полном

смысле слова психический взаимообмен между совместно живущими лицами, который отзывается не на одних только чувствах, мыслях и поступках, но даже и на физической сфере, поскольку на ней вообще может отражаться влияние психической деятельности.

Это влияние особенно сказывается на мимике, придающей лицу определенное выражение и обрисовывающей в известной мере его черты. Факт этот между прочим объясняет нам то обстоятельство, что, как уже давно было замечено, существует в значительном числе случаев большое сходство в чертах мужа и жены, которое очевидно более всего зависит от психической ассимиляции путем взаимовнушения обоих лиц, находящихся в сожительстве. В счастливых браках это сходство черт лица встречается по-видимому еще чаще, нежели в массе всех вообще браков.

Но нет ничего убедительнее в смысле непосредственной передачи психических состояний от одного лица другому, как передача патологических явлений.

Всякому известно, что истерика, случившаяся в обществе, может повлечь за собою ряд других истерик; с другой стороны, заикание и другие судорожные формы легко передаются предрасположенным субъектам совершенно непосредственно, путем невольного и незаметного прививания или внушения.

Отличным примером этого может служить следующий случай, бывший во время американских душевных эпидемий, известных под именем возрождения: «Джентльмен и леди, достаточно известные в фешенебельном обществе, были привлечены на полевой митинг в Cave Ridge. По дороге туда

они делали много презрительных замечаний по адресу бедных, потерявших голову созданий, валявшихся с воплями в грязи и в шутку обещали друг другу помогать, если кем-нибудь из них овладеют конвульсии. Недолго они посмотрели на странную сцену, происходившую перед ними, как молодая женщина потеряла сознание и упала на землю. Ее спутник, забыв свое обещание, тотчас ее покинул и бросился бежать изо всех сил. Но бегство не спасло его. Еще не удалившись на 200 ярдов, он тоже упал в конвульсиях».

Не менее поучительные случаи мы имеем в массовых самоубийствах и в так называемых случаях наведенного или, точнее, прививного помешательства (*folie a deux*). В тех и других случаях дело идет о действии внушения, благодаря которому и происходит зараза самоубийств, с одной стороны, и, с другой — передача болезненных психических состояний от одного лица другому. Известны примеры, когда случаи прививного помешательства, исследованного подробно Lassegue'ом и Falret, Legrand du Saulle'ом, Schman'ом, Regis, Marandon'ом, Premier'ом, Яковенко, Агадраньянцом (из нашей клиники) и мн. др., наблюдались иногда даже в целой семье, состоящей из 4,5 и даже 6 и 8 лиц. Эти случаи представляют таким образом уже настоящую психическую семейную эпидемию.

С другой стороны, психиатрам давно известен факт, что при совмещении душевнобольных в известных случаях происходит заимствование бреда одними больными от других, и в таком случае иногда бред больных соответственным образом видоизменяется, в силу чего и случаи эти получают название видоизмененного помешательства (*folie transformee*).

Даже здоровые лица иногда усваивают бред больных (Solder, Moreau, Morel, Baillarger и др.).

Известно также, что наилучшим средством устранения такого заимствованного бреда является немедленное разъединение лиц, влияющих друг на друга.

МАССОВЫЕ ИЛЛЮЗИИ И ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

В вышеприведенных примерах дело идет без сомнения о таких патологических случаях, которые отличаются особой восприимчивостью к психическим влияниям со стороны других лиц. Однако, не подлежит сомнению, что в некоторых случаях передача психической инфекции представляется крайне облегченной и среди совершенно здоровых лиц.

Особенно благоприятными условиями для такой передачи являются господствующие в сознании многих лиц идеи одного и того же рода и одинаковые по характеру аффекты и настроения. Благодаря этим условиям развиваются между прочим иллюзии и галлюцинации тождественного характера у многих лиц одновременно.

Эти коллективные, или массовые, галлюцинации, случающиеся при известных условиях, представляют собою одно из интереснейших психологических явлений. Почти в каждой семейной хронике можно слышать рассказы о видении умерших родственников целой группой лиц.

Известен рассказ об одном поваре на корабле, который неожиданно скончался, что поразило всех пассажиров корабля. Были произведены обычные в таких случаях морские похороны, то есть труп был спущен в море, и вечером того же дня многие из пассажиров видели умершего повара, идущего

за кораблем и ковыляющего на одну ногу. Нечего и говорить, что всех это повергло в неописанный страх и что многие пассажиры провели тревожную ночь.

Наутро дело разъяснилось. Вместо повара оказался обрубок дерева, привязанный к корме корабля.

Рассказывают, что в прежнее время, когда корабли двигались под парусами и когда под тропиками их заставлял штиль и они должны были долгое время оставаться в безбрежном пространстве во время страшного зноя, у пассажиров иногда развивались массовые иллюзии и галлюцинации, при чем им нередко казалась вблизи земля с необычайно красивыми видами и живописными очертаниями берегов.

Один из интересных примеров массовых иллюзий и галлюцинаций представляет между прочим случай, происшедший с французскими военными судами в 1846 году. Фрегат «Belle-Poule» и корвет «Verseau» были застигнуты страшным ураганом близ островов Соединения. Первый из них вынес ураган благополучно, но потерял из виду корвет «Verseau» и, считая бесполезным разыскивать его в открытом океане, направился к условленному заранее пункту встречи у восточного берега Мадагаскара, к острову Св. Марии. Здесь корвета не оказалось, причем все поиски вблизи острова были бесплодными. Естественно, что вслед за этим начался для экипажа «Belle-Poule» мучительный период ожидания. Каждый день приносил все более и более беспокойства за судьбу несчастного корвета, экипаж которого состоял из 300 человек. В таком мучительном ожидании прошел целый месяц. Наконец однажды в жаркий солнечный день после полудня сигнальщиком, сидевшим на мачте, был замечен на западе

вблизи берега корабль, лишенный мачт. Весь экипаж устремил свои взоры на указанный пункт и убедился, что сообщение сигналиста было справедливо.

Само собою разумеется, что это событие взволновало всех, причем волнение достигло еще большей степени, когда все увидели пред собой не разбитый корабль, а плот, наполненный людьми и буксируемый морскими шлюпками, с которых подавали сигналы о гибели. Это видение продолжалось несколько часов, причем с каждой минутой выяснялись все более и более ужасающие подробности этой сцены. На помощь погибавшим по приказу командира был тотчас же отправлен стоявший на рейде крейсер «Archimede». День уже приходил к концу и начинала спускаться южная ночь, когда «Archimede» подошел к месту своего назначения. Надо заметить, что все это время экипаж крейсера «Archimede» видел погибавших на плоту людей; были даже слышны крики о помощи, заглушаемые плеском весел. Эта поразительная иллюзия рассеялась лишь тогда, когда спущенные с крейсера шлюпки подошли к предмету, принятому за плот с людьми и оказавшемуся массой вырванных с берега огромных деревьев, принесенных сюда течением. Вместе с этим надежда видеть пассажиров разбитого корабля «Verseau» окончательно погибла, и самая их судьба покрылась густым мраком неизвестности.

Нечего и говорить, что в развитии этой массовой галлюцинации, так сказать, сквозит влияние внушения. Несомненно, что бедствия, пережитые в море, сильно возбудили нервы пассажиров крейсера «Belle-Poule» и «Archimede», а беспокойство и страх за участь 300

сотоварищей, бывших на «Verseau» много содействовали известному направлению умов. Естественно, что мысли всех сосредотачивались на предположении возможной гибели своих несчастных сотоварищей. Все разговоры сводились к одной и той же теме. В такое-то время сигналист замечает на горизонте в стороне солнечного заката странный предмет с неясными очертаниями, и под влиянием мысли о крушении корвета с его глаз воссоздается образ последнего. Одних его слов, что вдали виднеется разбитый корабль, было достаточно, чтобы внушить всем одну и ту же иллюзию. Далее идет развитие той же самой внушенной иллюзии. При обмене мыслей о видимом предмете все соглашались, что это не разбитый корабль, а плот, наполненный людьми и буксируемый шлюпками, с которых раздаются сигналы бедствия. Такая общая иллюзия и галлюцинация длится до тех пор, пока посланные шлюпки не врезаются в густую листву плавающих деревьев.

Не подлежит сомнению, что подобные же явления возможны и в других случаях и, может быть, даже случаются чаще, чем обыкновенно принимают. Вероятно, многие еще помнят, что при обострившихся отношениях наших с Германией начались странные полеты в Россию прусских воздушных шаров. Целые массы лиц свидетельствовали об одновременном видении этих шаров многими лицами, не смотря на то, что современная аэронавтика не давала основания верить в действительность этих полетов. В виду этого не без основания была высказана мысль, что эти полеты прусских шаров относились к области массовых галлюцинаций, обусловленных направлением умов в

сторону возможных неприязненных действий против нас со стороны Германии.

Не повторилась ли та же история и с шаром Андре, улетевшим к северному полюсу? Сколько было получено в свое время телеграмм из разных концов северного полушария о видении шара Андре целой массой лиц. Не имелось ли и здесь дело с массовой иллюзией или галлюцинацией подобно тому, как это было, по-видимому, с прусскими воздушными шарами? Такое объяснение по крайней мере напрашивается само собою, когда читаешь мельчайшие подробности о видении шара Андре несколькими лицами той или другой местности.

Не менее известны исторические примеры коллективных галлюцинаций. К числу таких галлюцинаций относится между прочим видение небесной рати одним отрядом русских войск пред Куликовской битвой, видение крестоносцами закованной в латы и нисходящей с неба небесной рати под предводительством св. Георгия, Димитрия и Теодора, видение светлого рыцаря на Елеонской горе, махающего крестом, во время штурма Иерусалима, известное видение креста на небе с надписью «сим победишь», испытанное Константином Великим и его свитой пред началом решительной битвы и мн. др.

Массовые религиозные видения случались неоднократно и в позднейшее время. Так, в период тяжелой холерной эпидемии в 1885 году жители деревни Корано близ Неаполя начали видеть Мадонну в черном одеянии, молящуюся за спасение людей на ближайшем холме, где стояла часовня. Слух об этом происшествии быстро распространился по окрестностям, и в Корано начал стекаться народ. Видение продолжалось до тех

пор, пока правительство не предприняло решительных мер против дальнейшего распространения этой эпидемической галлюцинации. Часовня была перенесена на другое место, холм же был занят отрядом карабинеров, после чего видение прекратилось (Verga). Известна также галлюцинаторная эпидемия, развившаяся в среде крестьян Прирейнской провинции во время Франко-Прусской войны и выразившаяся массовыми видениями религиозного и военного содержания, как, например, видениями на коньках крыш, на стеклах и других предметах изображений Мадонны, распятия, зуавов, пушек и т. п.

По словам врача нашей клиники д-ра М. И. Никитина, во время недавних религиозных празднеств на глазах его произошла массовая галлюцинация.

В одном колодце многие из богомольцев стали видеть предмет своего поклонения так, как он обыкновенно изображался на иконах; некоторые видели даже, что лик производил движение рукой. Такое видение, испытанное большим количеством богомольцев одновременно, продолжалось в течение нескольких минут, пока одна только что подошедшая к колодцу богомолка, которая не была осведомлена о предмете видения в колодце, на вопрос — видит ли что-нибудь в глубине последнего — ответила решительно, что ничего не видит, кроме камней, лежащих на дне колодца. С этого момента массовая галлюцинация быстро рассеялась.

Подобные видения объяснимы только с точки зрения взаимовнушения совершенно невольного со стороны одних лиц на других.

Когда господствует в населении или в группе лиц то или другое настроение и когда мысль работает в известном направлении, тогда у того или другого лица, особенно с психической неуравновешенностью, легко появляются обманы чувств, по содержанию отвечающие настроению и направлению его мысли, которые тотчас же путем невольного внушения словесного или иного, сообщаются и другим лицам, находящимся в одинаковых психических условиях.

Особенно поучительным в этом отношении по сопутствующим обстоятельствам нам кажется рассказ очевидца переданной в «Разведчике» массовой галлюцинации, случившейся в ночь со 2 на 3 июня в Андижанском гарнизоне вскоре после известной резни 18 мая. Андижанский гарнизон изнемогал под бременем все возрастающих трудностей караульной службы. Арестованные росли в числе с каждым часом; конвойная служба и дальние разведки поглощали ежедневно всю андижанскую конницу; справедливо опасались возможной вспышки фанатизма к близившемуся моменту казни: бродили слухи, что туземцы готовы ринуться выручать своих святых, своих коноводов и вожаков, причем многочисленных толпам головорезов, казалось, легко было бы стереть с лица земли андижанскую горсточку русских людей, среди которых находились важные лица: временно командующий войсками со свитой, высшие военно-судебные лица...

Если тем, кто знал полностью андижанские обстоятельства, положение рисовалось далеко не в розовом свете, представьте же себе тех, до которых все это достигало в раздутых до

химеричности формах, и вы себе легко представите состояние темной солдатской среды.

Особенно усердными поставщиками разных нелепостей в солдатскую среду были денщики.

Ночь, когда случилась в Андижане тревога, была темная-претемная южная ночь, пасмурная. Ей предшествовал дождь, кажется, с грозой.

Вновь прибывшие стрелки были расположены в казармах и в лагерях. Казармы тогда еще слабо освещались внутри, а бараки почти так же, как в роковую ночь 18 мая, то есть весьма скудно. Все остальное пространство и города, и окрестностей тонуло в густейшем мраке. Фонари в городе Андижане не зажигались в эту ночь по славному русскому обычаю не зажигать их, если по расписанию полагается луна, хотя бы ее скрывали тучи (sic!).

Было за полночь. Солдаты и в казармах, и в лагерях спали вповалку, крепко держа ружья и ощупывая вприсонках патроны. Тишина царствовала поистине удручающая и томящая.

Вдруг откуда-то издалека долетел какой-то неясный шум, заставший всех нас вздрогнуть, а через секунду ужаснуться, а потом ахнуть, ибо шум все рос, рос... вот — уже это гомон толпы, вот вырываются отдельные дикие крики, потом целые снопы криков, визгов, воплей.

Потом ко всему этому присоединилось «ура», сперва редкое, потом громкое, потом громовое... победное «ура»... «Ура» все росло, охватывая лагерь, казармы.

Вдруг затрещала ружейная пальба. Свидетель пришел в лагерь, когда еще один дневальный, приложившись, пускал последний

заряд вдогонку убегавшему врагу. В эту минуту все остальные люди стояли, уже построившись в своих бараках-навесах, старательно оглядываемые и успокаиваемые своими начальниками. Каждый откровенно говорил, куда он палил и сколько раз, но откуда пошла стрельба и тревога, никто толком не знал ни в лагерях, ни на постах.

Между тем причиной ложной тревоги было то, что раненый в бреду вскочил и с воплями пустился бежать: после того повскакали также и все остальные раненые.

Охотничья команда, ближайшая к лазарету, моментально разбуженная, схватила ружья и с криками «ура!» бросилась на выручку своих раненых.

Это всколыхнуло лагерь! Люди стали вскакивать, напяливать на себя что попало, загалдели, заорали. Гаркнули «ура», которое, разрастаясь и перекатываясь, докатилось до отдаленнейших уголков гарнизона.

Потом кто-то бухнул в темноту из винтовки, и массовая галлюцинация выросла во всей своей красе — все видали, слышали и стреляли врага. Люди сделались глухи на секунды к голосу начальников, к сигналам.

К счастью все обошлось без потерь, если не считать нескольких ушибов и царапин.

СТЕРЕОТИПНЫЕ ОБМАНЫ ЧУВСТВ И САМОВНУШЕНИЕ

С той же точки зрения следует объяснить и стереотипные обманы чувств, свойственные лишь известным семьям, в которых этим галлюцинациям придают то или другое, большую частью роковое значение.

Известно, что в Габсбургском доме, например, такую галлюцинацию, которой придают роковое значение предвестника смерти, является видение черной женщины. Появление этой женщины уже издавна считается верным вестником приближения чьей-либо кончины и передается из уст в уста в виде семейной, или родовой, внушенной идеи, которая и олицетворяется при соответствующих случаях в форме стереотипной галлюцинации.

Изредка в тех или других семьях можно встретиться и с другого рода внушенными идеями, которые также играют немаловажную роль в жизни членов данной семьи. Я имел сведения, например, об одной семье, в которой из рода в род передавались боязнь к огню из-за возможности погибнуть от него, и, действительно, многие из членов семьи погибли от неосторожного обращения с огнем или даже от самоубийства путем самосожжения. В другом роду удерживалось представление, что смерть его членов происходит от огнестрельного оружия путем ли самоубийства или той или другой случайности, и оказалось действительно, что даже последние потомки этого рода, несмотря на страшную боязнь, проявляемую ими к огнестрельному оружию, погибали от выстрелов из ружья или револьвера, или совершенно случайно или намеренно в форме самоубийства.

Следует иметь в виду, что в подобного рода случаях на помощь внушению идет нередко и самовнушение, под которым мы понимаем прививание психических состояний, обусловленное не посторонними влияниями, а внутренними поводами, источник которых находится в личности самого больного, подвергающегося самовнушению.

Всякий знает, что человек может настроить себя на грустный или веселый лад, что он может при известных случаях развить воображение до появлений иллюзий и галлюцинаций, что он может даже вселить в себя то или другое убеждение. Это и есть самовнушение, которое, подобно внушению и взаимовнушению, не нуждается в логике, а, напротив, действует нередко даже вопреки всякой логике.

Кому неизвестно, что достаточно дать волю своему воображению и оно готово рисовать всевозможные страшные образы в темноте ночи, несмотря на то, что мы можем быть твердо убеждены, что ничего страшного на самом деле не существует.

Но это только один из слабых примеров действия самовнушения, которое в известных случаях может приводить к настоящим обманам чувств.

Надо думать, что и стереотипное видение черной женщины перед смертью в доме Габсбургов получает объяснение не в одном только взаимовнушении, но, быть может, и в самовнушении, невольном настраивающем воображение в определенном направлении. Путем невольного самовнушения, по-видимому, могут быть объяснены и некоторые другие темные психические явления, как например предчувствие.

Известно также, что самовнушение в некоторых случаях, подобно гипнотическому внушению, может обнаруживать резкое влияние на сосудодвигательную и растительную сферы организма. Этим путем, между прочим, объясняются различные стигматы и даже периодические кровоизлияния из тех областей тела, из которых сочилась кровь у распятого Христа, как показывает известный в медицинской литературе и

тщательно проверенный видными научными авторитетами пример Луизы Лато.

Но мы отвлеклись бы далеко в сторону от главного предмета нашей беседы, если бы задались целью подробнее разъяснить только что указанные явления нашей психической жизни.

СУДОРОЖНЫЕ ЭПИДЕМИИ В ИСТОРИИ

Не менее ярко сила внушения сказывается в так называемых психопатических эпидемиях.

На этих психопатических эпидемиях отражаются прежде всего господствующие воззрения народных масс данной эпохи, данного слоя общества или данной местности. Но не может подлежать никакому сомнению, что ближайшим толчком для развития этих эпидемий являются: внушение, взаимовнушение и самовнушение.

Господствующие воззрения являются здесь благоприятной почвой для распространения путем невольной передачи от одного лица другому тех или других психопатических состояний. Эпидемическое распространение так называемой бесоодержимости в средние века бесспорно носит на себе все следы установившихся в то время народных воззрений на необычайную силу дьявола над человеком; но тем не менее также бесспорно, что развитие и распространение этих эпидемий обязано в значительной мере и силе внушения. Вот, например, средневековый пастор во время церковного богослужения говорит о власти демона над человеком, увещевая народ быть ближе к Богу, и во время этой речи Место не позволяет более останавливаться на этом животрепещущем вопросе; но вся картина

самоистребительных происшествий в Терновских хуторах решительно не поддается иному объяснению, если не принять в этом деле влияния внушения и взаимовнушения на почве уже укоренившихся суеверий, сыгравших здесь бесспорно крупную роль. Подробное описание Терновских событий кроме газет можно найти в статье проф. И. А.Сикорского: Вольные смерти в Терновских хуторах. Вопросы нервно-психической медицины за 1897 г. в одном из патетических мест, к ужасу слушателей, воображаемый демон проявляет свою власть над одним из присутствующих, повергая его в страшные корчи. За этим следует другая и третья жертвы. То же повторяется и при других богослужениях.

Можно ли сомневаться в том, что здесь дело идет о прямом внушении бесоодержимости, переходящем затем и в жизнь народа и выхватывающем из последнего свои жертвы даже и вне богослужебных церемоний.

Когда укоренились известные верования о возможности воплощения дьявола в человеке, то это верование само по себе уже действует путем взаимовнушения и самовнушения на многих психопатических личностей и приводит таким образом к развитию демонопатических эпидемий, которыми так богата история средних веков.

Благодаря самовнушению те или другие мистические идеи, вытекавшие из мировоззрения средних веков, нередко являлись вместе с тем источником целого ряда конвульсивных и иных проявлений большой истерии, которые благодаря господствовавшим верованиям также получали склонность к эпидемическому распространению.

Таково очевидно происхождение судорожных и иных средневековых эпидемий, известных под названием пляски св. Витта и св. Иоанна, народного танца в Италии, носящего название тарантеллы, и, наконец, т. н. квиэтизма. Даже знакомясь с описанием этих эпидемий современниками, нетрудно убедиться, что в их распространении играло роль взаимовнушение.

Замечательна эпидемия самобичевания, распространившаяся из Италии по Европе в 1266 г., о которой историк сообщает следующее: «Беспримерный дух самообвинения внезапно овладел умами народа. Страх перед Христом напал на всех; благородные и простые, старые и молодые, даже дети лет пяти бродили по улицам без одежд с одним только поясом вокруг талии. У каждого была плеть из кожаных ремней, которой они бичевали со слезами и вздохами свои члены так жестоко, что кровь лила из их ран».

Затем в 1370 году не менее поразительным образом распространилась по Европе мания плясок, которая в Италии приняла своеобразную форму тарантизма. В это время танцоры наполняли улицы европейских городов. Все бросали свои обычные занятия и домашние дела, чтобы отдаться неистовой пляске.

В Италии пляска распространилась под влиянием уверенности, что укус тарантулом, часто случавшийся в Италии, становится безопасным для тех, кто танцевал под музыку так называемой тарантеллы. Эта мания тарантеллы распространилась с необычайной быстротой по всей Италии и, вследствие поглощения ею огромного количества жертв, сделалась в полном смысле слова социальной язвой Италии.

Не менее поразительны и эпидемии конвульсионеров. Вот, например, небольшая выдержка о средневековых конвульсионерах из Луи-Дебоннера:

«Представьте себе девушек, которые в определенные дни, а иногда после нескольких предчувствий внезапно впадают в трепет, дрожь, судороги и зевоту; они падают на землю, и им подкладывают при этом заранее приготовленные тюфяки и подушки. Тогда с ними начинаются большие волнения: они катаются по полу, терзают и бьют себя; их голова вращается с крайней быстротой, их глаза то закатываются, то закрываются, их язык то выходит наружу, то втягивается внутрь, заполняя глотку. Желудок и нижняя часть живота вздуваются, они лают, как собаки, или поют, как петухи; страдая от удушья эти несчастные стонут, кричат и свистят; по всем членам у них пробегают судороги; они вдруг устремляются в одну сторону, затем бросаются в другую; начинают кувыркаться и производить движения, оскорбляющие скромность, принимают циничные позы, растягиваются, деревенеют и остаются в таком положении по часам и даже по целым дням; они на время становятся слепыми, немыми, параличными и ничего не чувствуют. Есть между ними и такие, у которых конвульсии носят характер свободных действий, а не бессознательных движений».

Прочитав это описание современника, кто из лиц, знакомых с нервными болезнями, не станет сомневаться в том, что здесь дело идет о припадках большой истерии, развивающейся, как мы знаем, нередко и ныне эпидемически?

Еще более поучительная картина представляется нам в описании судорожных эпидемий, развивавшихся в Париже в

прошлом столетии, объединяющим объектом которых явилось Сен-Медарское кладбище с могилой дьякона Пари, некогда прославившегося своим аскетическим образом жизни. Это описание принадлежит известному Луи Фигье.

«Конвульсии Жанны, излечившейся на могиле Пари от истерической контрактуры в припадке судорог, послужили сигналом для новой пляски св. Витта, возродившейся вновь в центре Парижа в XVIII в. с бесконечными вариациями, одна мрачнее или смешнее другой.

Со всех частей города сбегались на Сен-Медарское кладбище, чтобы принять участие в кривляниях и подергиваниях. Здоровые и больные, все уверяли, что конвульсионизируют, и конвульсионизировали по-своему. Это был всемирный танец настоящая тарантелла.

Вся площадь Сен-Медарского кладбища и соседних улиц была занята массой девушек, женщин, больных всех возрастов, конвульсионизирующих как бы вперегонки друг с другом. Здесь мужчины бьются об землю, как настоящие эпилептики, в то время как другие немного дальше глотают камешки, кусочки стекла и даже горящие угли; там женщины ходят на голове с той степенью странности или цинизма, которая вообще совместима с такого рода упражнениями. В другом месте женщины, растянувшись во весь рост, приглашают зрителей ударять их по животу и бывают довольны только тогда, когда 10 или 12 мужчин обрушиваются на них зараз всей своей тяжестью.

Люди корчатся, кривляются и двигаются на тысячу различных ладов. Есть впрочем и более заученные конвульсии, напоминающие пантомимы и позы, в которых изображаются

какие-нибудь религиозные мистерии, особенно же часто сцены из страданий Спасителя.

Среди всего этого нестройного шабаша слышатся только стон, пение, рев, свист, декламация, пророчество и мяуканье. Но преобладающую роль в этой эпидемии конвульсионеров играют танцы. Хором управляет духовное лицо, аббат Бешерон, который, чтоб быть на виду у всех, стоит на могиле. Здесь он совершает ежедневно с искусством, не выдерживающим соперничества, свое любимое «па», знаменитый скачек карпа (*saute de Carpe*), постоянно приводящий зрителей в восторг.

Такие вакханалии погубили все дело. Король, получая ежедневно от духовенства самые дурные отзывы о происходившем в Сен-Медаре, приказал полицейскому лейтенанту Геро закрыть кладбище. Однако эта мера не прекратила безумных неистовств со стороны конвульсионеров. Так как было запрещено конвульсионировать публично, то припадки янсенистов стали происходить в частных домах и зло от того еще более усилилось. Сен-Медарское кладбище концентрировало в себе заразу; закрытие же его послужило для распространения ее.

Всюду на дворах, под воротами можно было слышать или видеть, как терзается какой-нибудь несчастный; его вид действовал заразительно на присутствующих и побуждал их к подражанию. Зло приняло такие значительные размеры, что королем был издан такой указ, по которому всякий конвульсионировующий предавался суду, специально учрежденному при арсенале, и приговаривался к тюремному заключению. После этого конвульсионеры стали только

искуснее скрываться, но не вывелись». Ренъяр. Психические эпидемии.

Познакомившись с этими своеобразными общественными явлениями, можно ли сомневаться в том, что эпидемии конвульсионизирующих развивались благодаря взаимовнушению на почве религиозного мистицизма и тяжелых суеверий.

МЫСЛЕННОЕ ВНУШЕНИЕ ИЛИ ФОКУС?

(Печатается по: Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии, 1904, № 8).

Вопросы мысленного внушения не могут не интересовать человечество до тех пор, пока существование этого внушения не будет окончательно решено в том или другом смысле на основании достоверных данных. Ввиду этого собрание фактического материала, относящегося к данному вопросу, должно быть на первом плане, так как соответственная оценка этого материала и должна послужить к окончательному выяснению этого крайне важного и в то же время в высшей степени деликатного вопроса.

Руководясь этим, мы не можем не обратить внимание читателей на опыты мысленного внушения, произведенные д-ром Котиком и д-ром Певницким в соучастии с другими врачами над Софьей Штаркер, делавшей представления в одном из одесских балаганов.

Надо заметить, что подобные представления в народных театрах, по-видимому, не составляют исключительной редкости, и еще не далее как в апреле 1903 г. мне самому удалось наблюдать подобную же демонстрацию мысленного внушения в одном из народных театров Вены, где самая

демонстрация явлений производилась при следующих условиях.

Молодая особа садилась на стул посреди сцены перед публикой, и ей плотно завязывались глаза большим платком. Затем предлагалось кому-либо из публики участвовать в опыте и задумать то или другое слово — безразлично какое бы то ни было. Участник опыта садился вблизи отгадывательницы, которая клала ему на лоб свою руку и после небольшого промежутка времени говорила вслух те слова, которые он задумывал. Так проделывалось с несколькими лицами, причем самое отгадывание как конкретных, так и отвлеченных слов производилось с видимою легкостью и безошибочно. Затем проделывались опыты с отгадыванием предметов, находящихся в карманах присутствующей публики при посредстве пожилого человека-индуктора, с которым обыкновенно производились опыты этого рода. Для этой цели последний обходит публику, нащупывает вещи в кармане и в случае, если он их не узнает на ощупь, просит их вынуть, чтобы он мог убедиться, что именно пред ним имеется; затем, думая о них и не произнося ни одного слова, он спрашивает отгадчицу: что здесь или что это такое? Все вопросы ставились вполне однообразно, вещи в большинстве случаев оставались в карманах зрителей и лишь в случае, если не были узнаны на ощупь, показывались индуктору, но так, что их мог знать только он сам, их собственник и ближайшие соседи; отгадчица же при этих опытах находилась на расстоянии по крайней мере 15-40 шагов и все время оставалась с завязанными глазами; следовательно, видеть предметы не могла ни в каком случае.

Никакого условного общения между индуктором и отгадчицей также не могло быть, так как вопросы первого всегда были однообразны и без каких-либо особых изменений в интонации голоса, а о каком-либо механическом общении не могло быть и речи. Ответы для огромного большинства предметов давались отгадчицей верные, причем простые предметы, как апельсин, лимон, гребенка, веревка, ножик, зубочистка и пр., давались быстро и уверенно, предметы же менее обычные отгадывались хотя также в огромном большинстве случаев точно, но менее скоро. Отгадывание некоторых предметов требовало даже порядочного промежутка времени. Изредка при этом делались ошибки; но ошибки эти почти тотчас же исправлялись после указания на неправильность ответа со стороны индуктора. Иногда ошибки указывали на предмет лишь приблизительно, например вместо «записная книжка» был дан ответ «билет», когда затем индуктор указал на ее ошибку и потребовал, чтобы отгадчица думала дальше, она после некоторого времени сказала верно: «Книжка»; на вопрос: «Какая?» — ответила: «Записная». Далее следовали вопросы о том, что в книжке записано, и индуктор последовательно заставил отгадчицу сказать по крайней мере десятка два записей, которые были сделаны в этой книжке, причем все эти записи прочитывались относительно быстро и с пунктуальной точностью без всяких даже малейших знаков со стороны индуктора.

По общей постановке дела с отгадыванием мыслей здесь, очевидно, было много сходства с тем, как проделывала свои опыты Софья Штаркер. К сожалению, я лишен был возможности проделать целый ряд опытов с отгадчицей при

инных условиях, могу лишь сказать, что, будучи сам ближайшим наблюдателем тех демонстраций, о которых шла речь выше, я не нашел в них решительно ничего такого, чтобы можно было признать за обман или фокус. Тем не менее для решения вопроса о мысленном внушении крайне желательно не одно только констатирование факта, но и всестороннее изучение тех условий, при которых производятся самые опыты.

Если подтвердится, что в случаях такого рода мы имеем дело с настоящим мысленным внушением, то объяснение самих явлений с помощью передачи энергии от одного лица другому навязывается само собою. Как бы то ни было, мы не должны упускать из виду, что вопрос о мысленном внушении постепенно выходит из области загадочного и неизвестного, так как с развитием учения о психике как проявлении энергии и с открытиями Blondlot и Charpentier об исходящих из нервной ткани во время ее деятельности лучах самая возможность мысленного внушения становится явлением, ничуть не противоречащим нашим основным научным воззрениям. Бехтерев В. Психика и жизнь. 2-е изд. 1906. С. 167-168.

Ввиду этого крайне желательно, чтобы к изучению явлений мысленного внушения серьезные научные деятели перестали относиться с тем пренебрежением, которое, за малыми и всем хорошо известными исключениями, проявлялось в их среде до позднейшего времени.

1906 г.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ВДУШЕНИЯ НА РАССТОЯНИИ

В своей книжке, посвященной научному истолкованию так называемых "таинственных явлений" человеческой психики, Л.А. Васильев уже имел случай рассказать читателям о словесном внушении и об удивительных явлениях, внушением вызываемых. Многократным повторением слов: "Засыпайте, засыпайте! Спите! Спите глубже, спокойнее!" тому, кто внушает, удаётся погружать некоторых испытуемых в гипнотический сон. Особенности этого сна были подробно изучены в нашей стране В.М.Бехтеревым, а его физиологическая основа вскрыта опытами И.П.Павлова, его учением о высшей нервной деятельности. В гипнотическом сне чрезвычайно повышается внушаемость. Благодаря этому гипнотикам удаётся словесно внушить очень многое: разного рода движения, те или иные поступки, иногда очень сложные; различные ощущения, иллюзии, даже галлюцинации; и более того, создаётся возможность воздействовать словом на физиологические отправления организма, казалось бы, вовсе не управляемые волей, психикой испытуемого. Например, вызвать у него внушённый ожог.

Некоторые из этих явлений удаётся в ослабленном виде вызывать словесным внушением и у неусыпленных испытуемых, если только им свойственна уже в бодрственном состоянии повышенная "сверхнормальная" внушаемость.

Подобного рода факты были в какой-то мере известны ещё греческим и римским врачам, но прошли столетия, прежде чем

гипноз и внушение были признаны окончательно установленными и составили содержание особой науки - гипнологии.

В той же книжке, в главе, посвящённой вопросу о том, существует ли мозговое радио, автор уже коснулся темы данной брошюры: непременно ли внушение должно быть словесным, т.е. вызываться понятными испытуемому словами? Возможно ли ещё и "бессловесное", "мысленное" внушение, такое, когда экспериментатор внушает что-либо не произносимыми вслух словами, а всего лишь мысленно повторяемым приказом, находясь иногда на значительном расстоянии от испытуемого?

Мысленное внушение принадлежит к таким вопросам, которые в течение столетий то овладевают вниманием учёных, то выбрасываются в мусорный ящик псевдонаучных исканий человеческого ума (в истории науки их было не мало) то снова всплывают на поверхность, обогащённые новыми наблюдениями, и опять забываются на многие годы.

В зарубежных странах, особенно в США, Англии, Франции, Голландии, Индии, Аргентине, а также в некоторых социалистических странах Исследованию названного явления уделяют большое внимание. В капиталистических государствах имеются институты, лаборатории, даже университетские кафедры (например, в Утрехте), занимающиеся исследованием мысленного внушения и других, связанных с ним, "парапсихических" явлений.

Время от времени из-за рубежа проникают к нам сведения о сенсационных опытах и открытиях в области изучения мозга и психики. Так, например, в декабре 1959 г. и феврале 1960 г. во французских научно-популярных журналах появились статьи с описанием сенсационного опыта, якобы проведенного летом 1959 г. на борту американской атомной подводной лодки "Наутилус". Лодка с находившимся на ней участником опыта (А) на 16 суток погрузилась на дно Атлантического океана. Другой участник опыта (В), оставшийся на берегу, два раза в день, в строго определенное время, мысленно вникал испытуемому А одну из пяти фигур: круг, квадрат, крест, звезда, волнистые линии.

Многочисленные карточки с изображением этих фигур автоматически перемешивались особым прибором, который через равные интервалы времени выбрасывал эти карточки одну за другой. Точно в то же самое время испытуемый А на расстоянии многих сотен километров, через толщу морской воды и герметически замкнутую металлическую обшивку лодки пытался воспринять эти мысленно передаваемые сигналы и записывал их на бумаге. Опыт проводился в условиях безупречного, по всей видимости, контроля за участниками опыта, продолжался 16 дней и дал результат, более чем в 3 раза превосходящий тот результат, какой можно было ожидать по теории вероятностей: свыше 70% правильных ответов вместо ожидаемых 20% .

Мы, конечно, вправе верить или не верить подобным сведениям, приходящим из-за рубежа, признавать или не

признавать явления мысленного внушения установленным фактом, однако полное отрицание и игнорирование их вряд ли можно считать благоразумным. Надо быть в курсе того, что уже сделано и что делается по данному вопросу в капиталистических странах, не говоря уже о том, что надо всему этому дать правильное, материалистическое объяснение. Вот почему в Физиологическом институте Ленинградского университета в 1960 г. под руководством автора этих строк была организована первая в Советском Союзе лаборатория для изучения мысленного внушения.

Прежде всего, нужно было ознакомиться с обширной литературой, накопившейся за последние два-три десятилетия. В некоторой степени это удалось сделать и частично использовать изученную литературу при написании этой брошюры.

Начнём с изложения истории вопроса о мысленном внушении. Читатель, наверное, захочет узнать, кто и когда впервые отважился отнестись к мысленному внушению не как к суеверию или досужей выдумке, а как к предмету, достойному внимания и серьёзного изучения.

С давних времён в биографиях и автобиографиях выдающихся людей, в мемуарной литературе, в журнальных и газетных статьях приводились разнообразные, поражающие своей загадочностью случаи, почерпнутые из повседневной жизни. В общей форме они могут быть выражены такими словами: если некто А в данный момент умирает, подвергается опасности

или с ним происходит какое-нибудь важное, волнующее событие, то случается, что другое лицо (назовем его Б), связанное с первым узами родства, любви или дружбы, в это же самое время на расстоянии (иногда очень большом) переживает психическое состояние (чувство, зрительный образ), которое так или иначе отражает событие, происходящее с лицом А.

Часто это происходит во сне, в виде сновидения, а у нервно больных людей в период обострения психической восприимчивости; но такие случаи бывают и у вполне здоровых лиц в состоянии полного бодрствования. Приведу два примера, заимствованных из надёжных литературных источников.

В предисловии к первому посмертному академическому изданию сочинений М.В.Ломоносова (1765 г.) содержится рассказ его друга академика Штолина, записанный им со слов самого Михаила Васильевича в следующих выражениях:

"На возвратном пути морем в отечество (из Германии. - Л. В.) единожды приснилось ему, что видит выброшенного, по разбитии корабля, отца своего на необитаемый остров в Ледяном море, к которому в молодости своей, бывал некогда с ним принесён бурей. Сия мечта впечатлелась в его мыслях. Прибыв в Петербург, первое его попечение было навеститься от Архангелогородцев и Холмогорцев об отце своём. Нашёл там родного своего брата и, услышав от него, что отец их того же года, по первом вскрытии вод, отправился, по

обыкновенно своему, в море на рыбный промысел; что минуло уже тому четыре месяца, и ни он, ниже кто другой из его артели, поехавших с ним, ещё не воротились. Сказанный сон и братние слова наполнили его крайним беспокойством. Принял намерение проситься в отпуск, ехать искать отца на тот самый остров, который видел во сне, чтоб похоронить его с достою честию, если подлинно найдёт там тело его. Но обстоятельства не позволили ему произвести намерения своего в действо. Принуждён был послать брата своего, дав ему на дорогу денег, в Холмогоры, с письмом к тамошней артели рыбаков, усиленно их в оном прося, чтобы, при первом выезде на промысел, заехали к острову, коего положение и вид берегов точно и подробно им писал; обыскали бы по всем местам, и если найдут тело отца его, так бы предали земле. Люди сии не отреклись исполнить просьбы его, и в ту же осень нашли подлинно тело Василия Ломоносова точно на том пустом острове, и погребли, возложив на могилу большой камень. Наступившею зимою был он (М.В.Ломоносов) о всём оном извещён".

За давностью лет трудно судить о том, имел ли этот случай характер мысленного внушения и от кого это внушение исходило. Но вот другой, более отчётливый случай, записанный всем известным критиком музыкальных и художественных произведений В.В.Стасовым.

"У моей сестры был в конце 40-х годов жених, блестящий гвардейский офицер, служивший в конной артиллерии, очень образованный и светский. Приближалась помолвка, свадьба

казалась близкой и совершенно несомненной. И этот жених вдруг её покинул и почти мгновенно женился на другой (по требованию отца)... Моя сестра сошла с ума. Это было страшное, мучительное время в нашем семействе. Все мы жили одним только общим несчастьем, никуда не ходили и ни с кем не виделись. Страшная трагедия целый день шла в доме... Но тут-то нам довелось быть свидетелями невообразимых чудес. Наш доктор, тогда один из выдающихся врачей Петербурга, решил лечить нашу сестру магнетизмом (т.е. гипнотическими сеансами. - Л.В.). У него были чёрные пронцательные глаза, и перед нами прошли сцены, которым мы все никогда не поверили бы, если бы нам рассказывали их другие, а не сами их видели. Мы никогда не верили ни верчению столов, ни вызываниям духов, ни прочим модным забавам и затеям, но что мы тут увидели, тому нельзя было не поверить.

Усыплённая глазами доктора и магнетическими повеваниями его рук или надетым ей на руку намагнетизированным кольцом, моя сестра сама начинала приказывать, чем её лечить, и мы, стоявшие кругом её постели братья и сёстры, записывали, что тогда ею говорилось и приказывалось. У нас до сих пор сохранились тетради с нашими записями. Всего поразительнее было то, как иногда среди своей тихой, медленной речи, каким-то гробовым голосом она вдруг вскрикивала, словно кто больно уколол её булавкой: "Он едет!" Мы бросались к отворённому балкону - и в самом деле видели из-за занавесок, что он, беззаботный равнодушный и жестокий, проезжал мимо.

Её перевезли (по её приказу) в Парголово, где никто из нас до тех пор не бывал, и лечение продолжалось. Под конец лета, среди магнетического сна, она однажды вскрикнула: "Он в парке", и скоро потом пришла домой наша тётя, от обедни в первом Парголово, и рассказывала, что в парке встретила его с молодой женой. Это был второй или третий день их свадьбы; они приехали вдвоём погулять за городом и конечно не подозревали, что наше семейство именно в этих краях теперь живёт. К осени Надя стала поправляться, и мы вздохнули свободно".

В 1882 г. в Лондоне было основано "Общество для изучения загадочных явлений психики". Его основная задача состояла в собирании и строжайшей проверке достоверности случаев, подобных тем, которые только что были нами приведены. В этом деле приняли участие крупные английские учёные - психологи, физиологи, физики. Трое из них - Гернеи, Майерс и Подмор в 1886 г. опубликовали результаты этих исследований в объёмистой книге и ввели в обращение сохранившийся до сих пор греческий термин "телепатия" (дословно - чувствование на расстоянии). Они же подразделили телепатические явления на "спонтанные" (происходящие самопроизвольно в обыденной жизни) и "экспериментальные" (преднамеренно вызываемые экспериментатором у испытуемых лиц посредством специально поставленных для этого опытов).

Надо сказать, что телепатические опыты впервые начали производить магнетизёры, последователи австрийского врача

Месмера, предшественники современных гипнологов. В 1850 г. профессор физиологии и вместе с тем врач-магнетизёр англичанин Майо писал: "Замагнетизированное лицо, утратившее способность собственного осязания, или вкуса, или обоняния, осязает, вкушает и обоняет всё то, что воспринимается внешними чувствами магнетизёра". Это называлось тогда "общностью ощущений", объяснялось передачей "флюида" (иначе "животного магнетизма") от магнетизёра к магнетизируемому и вместе с "магнетической теорией" было отвергнуто и предано забвению.

Однако четверть века спустя крупный английский физик Баррэт возобновил опыты такого рода. Ему случилось экспериментировать с деревенскими детьми, погружая их в гипнотический сон. Одна девочка оказалась исключительно чувствительной не только к обычному словесному внушению, но и к внушению бессловесному - мысленному. Вот как описывает свои опыты сам автор.

"Я перенёс кое-что из кладовой для съестных припасов на стол около себя и, стоя позади девочки, глаза которой я тщательно завязал, взял немного соли и положил себе в рот; мимолетно она сплюнула и воскликнула: - Почему вы кладёте мне в рот соль? Затем я отведал сахар; она сказала: - Это лучше! На вопрос, на что это похоже, она отвечала: - Это сладкое! Потом я попробовал горчицу, перец, имбирь и т.п. и всё девочка называла и ощущала, по-видимому, на вкус, когда я клал пряности в свой рот. Я положил руку на зажжённую свечу и слегка обжёгся; девочка продолжала сидеть ко мне

спиной с завязанными глазами и, однако, в тот же момент закричала, что обожгла руку, причём обнаружила явное страдание".

В 1876 г. проф. Баррэт решился доложить свои удивительные наблюдения на собрании Британской ассоциации для распространения наук, выдвинув при этом гипотезу непосредственной передачи мысли от мозга к мозгу. Это был первый научный доклад на данную тему; как и следовало ожидать, успеха он не имел. Но мало-помалу подобные опыты стали производить и другие учёные, в том числе знаменитый французский физиолог Шарль Рише, лауреат Нобелевской премии. Особенно чувствительные к мысленному внушению испытуемые, подобные девочке проф. Баррэта, встречаются очень редко. Поэтому Рише начал ставить сотни и тысячи опытов на обычных (специально для опытов не отобранных) испытуемых, оставляя их в бодрственном состоянии. Чтобы определить степень достоверности получаемых результатов, Рише стал обрабатывать их методами статистики. По его данным, число правильных угадываний задуманных игральных карт обычно превышает число случайных угадываний, указываемых теорией вероятностей, но это превышение не всегда бывает достоверным. И опять-таки только у некоторых редко встречающихся испытуемых (их стали называть "сенситивами") получают более убедительные результаты. Заслуга Рише состоит, таким образом, в том, что он первый стал применять количественные методы изучения телепатических явлений, дающие результаты, пригодные для

математического анализа. Ему же принадлежит и общепринятый теперь термин - мысленное внушение.

Стоит отметить, что этот выдающийся физиолог имел в своей жизни факты спонтанного проявления парапсихических способностей, подкреплявшие его убеждение в реальном существовании этих явлений. Ученик и последователь Рише, д-р Жан Ру, передаёт в одной из своих статей следующий рассказ учителя.

"В 1907 г. около 8 часов утра я ещё довольно глубоко спал. Мне снилось, что я нахожусь в обществе г-жи Шарко, с которой я не был знаком, никогда не разговаривал, которую никогда не видел. Мы ехали, с нею в автомобиле по платановой аллее. Она вела машину и так быстро, что я опасался несчастного случая. Мой сон был прерван почтальоном, доставившим мне заказное письмо. Когда я взял это письмо, мне сейчас же представилось (почему? - это очень странно), что существует какая-то связь между письмом и моим сновидением... И действительно, письмо было послано моим другом полковником Шав, который просил в нём моей рекомендации для Жана Шарко, сына профессора и г-жи Шарко. Жан Шарко, которого я также не знал, должен был через несколько недель приехать на своей яхте на Азорские острова, где я тогда находился".

Совпадения такого рода имеют чрезвычайно малую вероятность, граничащую с невероятностью. Поэтому они поражают и часто убеждают в существовании мысленного

внушения тех, кому доводилось иметь их в своём жизненном опыте. В новейшее время нечто подобное произошло и с другим знаменитым учёным - Гансом Бергером, основателем электроэнцефалографии (регистрации биотоков коры головного мозга с помощью осциллографа). После лично пережитых случаев спонтанной телепатии Бергер стал усердным исследователем мысленного внушения и написал на эту тему небольшую монографию, изданную в 1940 г. То же самое можно сказать и о некоторых всем известных писателях. Например, авторами научных статей и экспериментальных исследований по мысленному внушению были Марк Твен и Эптон Синклер. Яркие описания подобных явлений встречаются в художественных произведениях таких писателей, которых менее всего можно заподозрить в пристрастии к мистике: Эмиля Золя (роман "Париж"), Ромена Роллана ("Жан Кристоф"), В. Г. Короленко (рассказ "Федор Бесприютный"), Куприна ("Олеся", "Молох"), Константина Симонова (повесть "Дни и ночи").

Теперь мы можем точнее определить основные понятия и термины, общие как для спонтанной, так и экспериментальной телепатии. Это пригодится нам в дальнейшем изложении вопроса.

Телепатия - это особая форма информации или общения живых существ, выражающаяся в непосредственном (т. е. без посредства известных нам органов чувств) влиянии нервно-психических процессов одного существа на нервно-психические процессы другого существа. Из этого

определения видно, что в каждом случае телепатии участвуют, по крайней мере, два существа ("телепатическая пара") - то, у которого первично возник данный нервно-психический процесс, и то, у которого в связи с этим возник такой же или более или менее сходный нервно-психический процесс. Лицо, оказывающее на другое лицо телепатическое влияние, передающее ему телепатическую информацию, принято называть "телепатическим индуктором", или "агентом". Лицо, которое непосредственно на расстоянии воспринимает такое влияние или информацию, называют "телепатическим перципиентом". Процесс, который происходит в нервно-психической сфере индуктора, обозначают словами "телепатическая индукция", а процесс, который происходит в нервно-психической сфере перципиента, называют "телепатической перцепцией". Само содержание телепатической индукции и перцепции принято называть "телепатемой". То, что телепатически воспринимает перципиент, далеко не всегда в точности соответствует тому, что было телепатически послано индуктором. Поэтому необходимо различать два понятия - "телепатема индуктора" и "телепатема перципиента". Старинное слово "телепатема" теперь часто заменяется выражением "телепатическая информация".

В начальный период изучения телепатии Баррэт, Майерс и многие другие пионеры парапсихологии усматривали в телепатических явлениях подтверждение своим идеалистическим воззрениям и даже религиозным верованиям. Они верили, что души умерших могут телепатически влиять на

живых с целью доказать им свою "самоличность", своё существование после смерти. Телепатия оказалась, таким образом, на службе у модного тогда спиритизма - веры в духов. Эта мистическая романтика на многие десятилетия скомпрометировала исследования телепатических явлений в глазах трезво мыслящих учёных. Скомпрометирован был и самый термин "телепатия", да и вся зародившаяся тогда парапсихология.

На дальнейшую судьбу парапсихологических исследований решающее влияние оказала борьба двух извечно противоположных философских воззрений, которая с особой силой развернулась в те годы в области психологии. Психологи-идеалисты, составлявшие большинство, упорно держались за старое: дух первичен, материя вторична, всего лишь производное - духа; материя подчинена принципу причинности, категориям времени и пространства; дух же свободен, он не знает причинной зависимости, действует вне времени и пространства. Психологи-материалисты отстаивали обратное: дух, душа - производное мозга, его функция; психические явления неразрывно связаны с мозговыми физиологическими процессами и вместе с ними строго детерминированы, протекают во времени и в пространстве. Чаша весов в этом великом споре стала склоняться на сторону психологов-материалистов лишь после того, как им на помощь выступили ведущие физиологи, вооружённые экспериментальными методами исследования мозговых функций: в России - И.М.Сеченов, во Франции - Шарль Рише,

затем В.М.Бехтерев и, наконец, И.П.Павлов - творец физиологии высшей нервной деятельности.

Тот же путь проходит теперь и парапсихология. Изучая самые сокровенные, по большей части идущие из подсознательной сферы, уклоняющиеся от повседневной нормы - "паранормальные" - проявления психики, парапсихология, естественно, отстаёт в своём развитии от других разделов психологической науки. В ней и сейчас очень сильны идеалистические тенденции, стремления видеть в телепатических и других подобных им явлениях нечто свободное от причинной зависимости, протекающее вне времени и пространства. К этому мы ещё вернёмся в заключительных главах. Теперь же остановимся лишь на одном типичном примере - высказываниях по данному вопросу видного современного физика и вместе с тем парапсихолога Паскуаля Иордана. Здесь уже нет бьющего в глаза спиритуализма Баррэта и Майерса. На идеалистические по существу тенденции наброшен покров, сотканный из далеко идущих, крайних положений современной физики.

В статье, озаглавленной "Парапсихологический смысл исследования в атомной физике", этот автор пытается провести некоторые аналогии в развитии этих двух, казалось бы, столь различных научных направлений. Опираясь на высказывания авторитетнейших физиков Нильса Бора и Вернера Гейзенберга, он утверждает, что общепризнанная в настоящее время квантовая теория явилась опровержением принципа причинности в области атомной физики. "Внутри

самих вещей, - утверждает Иордан, - мы должны признать существование присущей им, подлинной, объективной индетерминированности (indeterminancy)".

Далее на нескольких примерах (на наш взгляд неубедительных) автор стремится показать, что этот "принцип атомной физики" применим и к проблеме причинности в биологии, психологии, особенно же парапсихологии. Ни слова не сказав о достижениях Сеченова, Павлова и других, установивших принцип детерминизма (причинной обусловленности) в физиологии высшей нервной деятельности и психологии, Иордан возрождает обветшавшее учение о свободе воли. "По существу невозможно, - пишет он по этому поводу, - предсказать, подсчитать заранее или предопределить акты решений живого существа. Невозможность сделать это не обусловлена современным состоянием знания, но вытекает в основном из самой природы вещей".

Что касается явлений парапсихологического порядка, то Иордан не только отказывается признать их причинно обусловленными, но и считает, что они протекают вне воспринимаемого нами трёхмерного пространства и вне времени. Упоминая о случаях телепатии, наблюдавшихся при очень больших расстояниях между индуктором и перципиентом, Иордан считает необходимым раз и навсегда отказаться от попыток объяснить такие явления передачей какой-либо энергии "в трёхмерной раме нашей действительности". То, что далеко отстоит в трёхмерном

пространстве, может оказаться рядом в пространстве высших измерений. Это поясняется примером: "две точки на листе бумаги, находящиеся далеко друг от друга, могут сблизиться как только мы сложим лист вдвое" (т.е. от двухмерного пространства перейдём к трёхмерному).

Наконец, Иордан вслед за проф. Алоизом Венцлем допускает "возможность восприятия двухмерного времени", что якобы тоже может иметь значение для понимания некоторых парапсихических явлений. Надо отказаться от обычного понимания времени, пространства, причинности, чтобы уяснить себе сущность парапсихических явлений - вот что предлагает Иордан.

Воинствующими идеалистами выявляют себя и ведущие современные парапсихологи-экспериментаторы Рейн и Соул. Менее заражены духом философского идеализма французские парапсихологи, последователи Рише. Более всего склонные к позитивизму, они стремятся "очистить" парапсихологию от какой бы то ни было философии, а тем более религии. Таков, например, в своих высказываниях Роберт Амаду, автор обстоятельно написанной монографии, трактующей о происхождении и современном состоянии парапсихологии. По его мнению, как защитники, так и противники этой науки должны руководствоваться словами великого исследователя Пастера: "Здесь нет ни религии, ни философии, ни атеизма, ни материализма, ни спиритуализма. Это вопрос фактов и только фактов". Очень редки за рубежом парапсихологи-материалисты. К их числу, как мне кажется, можно причислить

Рафаэля Херумьяна; хорошо владея русским языком, разбираясь в исследованиях Павлова, Введенского, Ухтомского, Быкова, он прилагает усилия к тому, чтобы парапсихические явления осмыслить физиологически, в духе материалистической философии.

Перед советскими учёными стоит нелёгкая задача критически рассмотреть все утверждения современной зарубежной парапсихологии. В исследовании парапсихических явлений, и в первую очередь телепатии, участвуют наряду с психологами физики и физиологи. Это - пограничная, весьма сложная область знания, требующая комплексного изучения.

Соответственно этому в предлагаемой брошюре сперва предоставляется слово психологам (главы II, III, IV, V, VI, VII), затем проблема телепатии рассматривается в биологическом (главы VIII, IX) и далее в физическом аспекте (главы X, XI). В заключительной главе (XII) говорится о теоретическом, философском значении данной проблемы и об её возможном практическом применении.

СЛУЧАИ, ПРИНИМАЕМЫЕ ЗА ВНУШЕНИЕ

Мы дальше увидим, что только экспериментальное исследование мысленного внушения может дать надёжное доказательство существования телепатических явлений. Тем не менее, не следует пренебрегать изучением и многообразных случаев спонтанной телепатии. Её проявления часто помогают уяснить себе результаты телепатических экспериментов. С другой стороны, случаи спонтанной телепатии продолжают

оставаться источником суеверных представлений о душе, о возможности её существования вне мозга, о "власти духа над материей". Этот источник давно пора обезвредить; но обезвредить его можно не игнорированием, не априорным отрицанием, а только терпеливым расследованием того, что в данном случае относится к вымыслам, ошибкам наблюдения, к случайному совпадению и что, быть может, придётся признать реально существующим фактом.

Случаи, в которых можно предполагать проявление спонтанной телепатии, происходят чаще, чем может показаться на первый взгляд. Известный французский астроном Камилл Фламмаршон, собравший свыше 1000 случаев спонтанной телепатии, пишет: "Беседы мои с людьми в течение полувека показали, что по меньшей мере один из десяти знает из собственного опыта или из опыта близких людей о каком-либо случае телепатии". Огромное большинство таких случаев не записывается, никем не учитывается и легко забывается. В упомянутой книге Гернея, Майерса и Подмора описано свыше 700 таких случаев; большая их часть удостоверена письмами, выписками из дневников, показаниями свидетелей и т.п. За рубежом в крупных научных центрах изучения парапсихических явлений регистрация и изучение случаев спонтанной телепатии продолжается и поныне. Например, в парапсихологической лаборатории Дукского университета (США) зарегистрировано свыше 8000 таких случаев, а в 1955 г. в Кембридже (Англия) состоялась специальная конференция по спонтанным парапсихическим явлениям. Автор этих строк также собрал

немалое число описаний случаев подобного рода, сообщенных письменно или устно гражданами Советского Союза.

Всякое изучение надо начинать с классификации изучаемого материала. Было сделано несколько попыток классифицировать различные случаи спонтанной телепатии по тем или иным её признакам, но эти попытки не могут считаться удовлетворительными. Я расположу эти случаи в возрастающем порядке: начну с самых неопределенных и смутных проявлений спонтанной телепатии и кончу такими явлениями, которые поражают своей яркостью и необычностью.

Примером первой, самой слабой степени спонтанной телепатии может служить один из случаев, отмеченных в уже упомянутой книге Гернея, Майерса и Подмора за № 22.

"16 марта 1884 г. я одна сидела в гостиной, читала интересную книгу и чувствовала себя отлично, как вдруг овладело мною какое-то неизъяснимое чувство страха и ужаса, я посмотрела на часы: было ровно 7 час. вечера. Я уже совсем не могла читать, встала, и стала ходить по комнате, стараясь стряхнуть с себя тягостное ощущение, но не могла: мне сделалось холодно и у меня явилось твёрдое предчувствие, что я должна умереть. Это ощущение продолжалось около получаса, а потом прошло, но я весь вечер была сильно потрясена; я легла спать, чувствуя себя очень слабой, как после тяжкой болезни".

Как оказалось, в тот же день и час умерла её двоюродная сестра, очень ей близкая, о болезни которой она ничего не знала. Этот случай произошёл в Англии очень давно, а вот аналогичный случай из недавно полученного мною письма. Он замечателен тем, что произошёл дважды с одним и тем же лицом.

"В 1919 г., когда мне было 16 1/2 лет, у меня умер отец. Он болел долго. Я окончила школу и только что поступила на работу. В день его смерти я была в учреждении, о нём не думала, всецело была поглощена новой для себя работой. И вдруг среди дня, в ту минуту, когда я несла какие-то большие папки, со мной случилось странное: внезапно на меня налетела тревога, настоящий "нравственный вихрь" (как я потом назвала это), настолько сильный, что если бы он был физическим, то смог бы сбить меня с ног. Я швырнула папки на стол и остановилась в полном смятении от этого непонятого явления. И вот, как налетело; так же и исчезло. Сотрудница, работавшая тогда со мной, глядя на меня, очень удивилась и спросила - что случилось? Но я так и не могла ничего объяснить ни ей ни себе.

Придя домой, я узнала, что днём умер отец в полном сознании. При нём были брат и сестра. А мама, которая, казалось бы, была ближе к отцу, ничего не почувствовала (она работала в одном со мной учреждении в другом отделе). Что же это было? Я тогда же решила, что отец сильно (если можно так выразиться) подумал обо мне перед смертью, и я оказалась

таким человеком, который воспринял это. В мистику я никогда не верила.

На второй же год - снова подтверждение. У нас снова беда в семье: попал под трамвай братишка 17 лет. Ему сделали ампутацию ноги. Ночью никого, даже мать, не пустили в больницу. Но операция прошла хорошо. Убитые горем мать, сестра и я сидели и обсуждали эту беду. В конце концов мы успокоили друг друга тем, что доктор обещал жизнь, что сделаем протез, будем ухаживать за ним и т.п. И вот стали даже ужинать. И вдруг тот же вихрь, "нравственный вихрь", налетает на меня так же точно, как в прошлый раз. И если тогда я не поняла, что это такое, то теперь мне было всё ясно. Я, помню, бросила вилку и заплакала, повторяя: "Он умер, умер". Мама тоже заплакала, а сестра возмущалась тем, что я выдумываю и только мать огорчаю. Но я повторяла одно и то же. Мне всё было ясно.

Так оно и случилось: братик, спавший долго от слабости, среди ночи открыл глаза и стал обводить ими всех присутствующих (а все собрались вокруг этого милого мальчика, все жалели его), но не нашёл, видимо, родного лица, вздохнул глубоко и умер. Так рассказывали. Он умер от слишком большой потери крови. Как вы думаете, разве это не что иное, как передача мыслей? И время-то совпало в обоих случаях. И опять я одна почувствовала это, а мама - нет.

Больше в жизни таких случаев со мной не было. Все родные умерли. Или это было далеко, или никто из них не подумал

обо мне, я не знаю. Но эти два случая меня поразили, и я старалась найти разгадку, но не находила её в научных книгах. Видимо, люди не занимались такой проблемой. Поэтому статья тов. Анфилова как-то, даже успокоила меня: значит, всё же начали интересоваться этим, и я права, что никакой мистики здесь не было. Л.Е.Миллер, Москва (далее следует адрес), 25 февраля 1961 г."

Здесь мы имеем телепатические переживания в форме эмоционального беспокойства, ещё неоформленного, ни на кого и ни на что не направленного. В такой неопределенной форме телепатические переживания обычно мало обращают на себя внимания и редко регистрируются.

Вторая ступень (если классифицировать эти явления) состоит в следующем: перцепиент получает эмоциональный импульс, направленный на определённое лицо; он знает, что произошло какое-то событие с этим лицом (чего не было в предыдущих случаях), но ещё не знает, что именно произошло. Здесь перед нами некоторое оформление беспокойства, направленного на определённое лицо (индуктора). Примером может служить случай № 79 из книги трёх английских авторов, приведённый в моей книжке "Таинственные явления человеческой психики" на стр. 92.

Следующую ступень самопроизвольного телепатического феномена (явления) мы имеем в тех случаях, когда налицо представление о подробностях, деталях происшедшего события, причём на данной ступени эти детали проявляются в

символической форме. Получается впечатление, будто бы телепатия индуктора, не будучи в состоянии точно оформиться, вызывает психическую реакцию перципиента, облечённую в символическую форму. Примером этой ступени может служить такой случай из книги тех же английских, авторов:

"В одну ночь я видел во сне, что с Г. (с которым был знаком) прохаживаюсь по коридорам Вестминстерского аббатства. Он внезапно со мной простился, говоря, что должен пойти к какой-то могиле. Я во сне умолял его туда не идти, а со мной вместе выйти из коридоров. "Нет, нет! - ответил он. - Я должен идти, я предназначен судьбою идти". С этими словами он меня оставил, пошёл к могиле и провалился под пол. Утренняя почта принесла письмо от его брата, который сообщил мне, что в предыдущую ночь Г. скончался от порока сердца" (случай 129).

Рассмотрение этого случая показывает, что здесь телепатия, во-первых, направлена на определённое лицо, и, во-вторых, содержит представление о том, что именно произошло с этим лицом (оно умерло); но это представление переживается ещё в неясной символической форме.

На четвёртой ступени человек непроизвольно переживает уже галлюцинаторные видения отчетливого характера. Здесь мы имеем так называемую телепатическую галлюцинацию. Перципиент совершенно для себя неожиданно видит как бы "фантом" (призрак) того человека, с которым произошло

несчастье. Эти случаи не так уж редки. Вот один из многих примеров, приведённых в цитируемой книге.

"В два часа дня мой секретарь читал мне какие-то туземные документы; моё внимание было поглощено ими и мне не приходилось думать о сестре. Вдруг я, к своему великому удивлению, увидел, что моя сестра, одетая (как мне показалось) в ночной костюм, идёт прямо передо мною через палатку из одной двери в другую" (случай 226). Это было в Индии. Как раз в это время сестра перципиента неожиданно умерла в Англии.

В моей коллекции имеется документально удостоверенный случай, относящийся к этой же ступени. Перципиентом был 15-летний юноша, гимназист Б.Н.Шабер, проживавший в Витебске; агент - его "лучшая подруга", того же приблизительно возраста, Н.А.Невадовская, жившая с матерью в Петрограде. Случай произошел 17 декабря 1918 г. и в тот же день был удостоверен шестью свидетельскими подписями. Копии с этого документа и с двух других, относящихся к этому делу, по ходатайству Комиссии по изучению мысленного внушения, учреждённой акад. В.М.Бехтеревым при Петроградском институте мозга, были сняты 20 октября 1920 г. и заверены делопроизводителем Витебского политехнического сельскохозяйственного института с приложением печати этого учреждения и с двумя свидетельскими подписями. Вот описание этого случая, посланное в Институт мозга Б. Н. Шабером 23 июля 1922 г.

"В декабре 17-го числа 1918 года в 8 1/2 час. утра я увидел на стене, в которую упирались мои ноги (я лежал на кровати), овальной формы светлое пятно, которое на моих глазах стало расти, превратившись в светлую фигуру девушки. В этом видении я узнал свою лучшую подругу Надежду Аркадьевну Невадовскую, находившуюся в то время в г. Петрограде. Улыбнувшись мне, она произнесла какую-то фразу, из которой я уловил только последнее слово - "тлена". После этого фигура девушки стала как бы уходить в стену и затем исчезла. Точный мой рассказ о происшедшем был в тот же день зафиксирован на бумаге и скреплён подписями 6-ти лиц (С.Ф.Макуня, И.М.Макуня, А.Д.Полесская-Шапилло, А.Б.Кордукевич, Л.Васильковская и А.Н.Домбровский). 23 декабря 1918 г. мною было получено от матери Нади, Евгении Николаевны Невадовской, письмо, в котором она извещала меня о смерти Нади, последовавшей в 8 час. 25 мин. утра 17 декабря 1918г. Последние слова покойной были: "Боря, нет праха, нет тлена". Факт получения письма и суть его содержания зафиксированы подписями 6-ти вышеупомянутых лиц. Если Комиссия пожелала бы ознакомиться с подробностями настоящего случая, равно как и с предшествовавшими ему событиями, то я с удовольствием предоставил бы в её распоряжение подробное описание случая и заверенные копии (или оригиналы) документов. Студент Б.Шабер".

Полученные комиссией документы

"Мы, нижеподписавшиеся, удостоверяем, что Борис Николаевич Шабер 17 декабря 1918 года рассказал нам о

странном видении Надежды Аркадьевны Невадовской, явившейся ему утром сегодняшнего дня (двадцать пять мин. девятого). Б.Н.Шабер слышал последнее слово видения - "тлена" и присовокупил, что вечером прошлого дня 16 декабря он слышал чей-то далёкий, знакомый, как бы заглушённый расстоянием зов: "Боря, Боря!". Витебск, 17.XII.1918 г."

Из числа лиц, подписавших подлинник, эту копию, заверенную печатью, скрепили своими подписями - И.Макуня (преподаватель математики) и П.Крассовский (юрист). Адреса подписавших приводятся.

"Мы, нижеподписавшиеся, удостоверяем, что 23-го сего декабря 1918 года Борисом Николаевичем Шабером получено из Петрограда от матери Н.А.Невадовской, Евгении Николаевны, письмо с извещением, что её дочь была ранена 16 декабря с.г. и скончалась от этой раны в 8 1/2 (восемь с половиной) часов утра 17 декабря. Последними её словами были: "Нет праха, нет тлена". Витебск, 23.XII.1918 г." Копия удостоверена печатью и подписями И.Макуни и П.Крассовского.

Имеется ещё выдержка из этого письма матери, содержащая подробности смерти дочери; но мы её здесь не приводим, так как она в основном лишь повторяет уже изложенное. По сообщению Шабера, Е.Н.Невадовская не перенесла трагической гибели дочери и вскоре покончила самоубийством. Редкая особенность этого случая состоит в

одновременном проявлении двух телепатических галлюцинаций - зрительной и слуховой.

Мы поднимаемся, наконец, на ещё более высокую, пятую, ступень: перципиент переживает полную телепатическую галлюцинацию, как бы перенесясь в ту конкретную среду, которая в данный момент окружает агента, и видит воочию всё совершающееся событие. Примером может быть следующий случай (из книги Гернея, Майерса и Подмора).

"Некто Юрбуртон приехал на несколько дней к брату, не застал его и нашёл извинительную записку. "Вместо того, чтобы лечь в постель, я задремал в кресле, но ровно в 1 час (ночи) вскочил вполне бодрствующий, воскликнув: "Боже, он упал!" Я видел, как мой брат вышел из гостиной в ярко освещённые сени, задел ногою за ступеньку верхней части лестницы и упал головою вперёд, опираясь только на локти и руки. Мало обратив внимания на это явление, я опять на полчаса задремал и проснулся, когда вошёл мой брат, говоря: "О, ты тут, а я только что чуть не сломал себе шею. Выходя из бальной комнаты, я ногою задел о ступеньку и головой вперёд скатился с лестницы"" (случай 108). Здесь уже вся картина события предстала перед глазами перципиента. Подобный же случай произошёл в моей семье и в своё время получил довольно широкую огласку (его приводил в своих публичных лекциях по гипнозу и внушению В. М. Бехтерев).

Мне было тогда двенадцать лет, я только что перешёл во второй класс гимназии и приехал на дачу, находившуюся

недалеко от г. Пскова. Моя мать, тяжело болевшая печенью, уехала с мужем (моим отцом) лечиться в Карлсбад (ныне Карловы Вары), оставив меня, сестру и брата на попечение своих младших сестёр. Мы, дети, получили большую, чем обычно, свободу действий и пользовались этим. Однажды под вечер мы решили повторить одно из приключений детей капитана Гранта, спасшихся на дереве от наводнения. Наш выбор пал на развесистую иву, склонившуюся над водой на другом берегу реки. Я изображал Паганеля и так вошёл в эту роль, что, как и он, сорвался с дерева, упал в воду и, не умея плавать, стал тонуть. Только ухватившись за попавшую под руку ветку, мне с большим трудом удалось выбраться на крутой берег. Брат и сестра с немим ужасом смотрели с дерева на эту сцену. Особенно волновала нас неизбежность наказания. Скрыть от тёток своё приключение мы не могли: я промок до нитки, а моя новенькая гимназическая фуражка с белым верхом - предмет моей гордости и любования, - подхваченная течением, уплыла к запруде и скрылась в пене и брызгах. Дома наши юные тётки, скрепя сердце, согласились не писать в Карлсбад о случившемся (им это тоже было невыгодно), взяв с нас слово, что мы не повторим ничего подобного. Каково же было удивление и смущение - и наше, и тёток, - когда в первый же день приезда мать со всеми подробностями рассказала всю нашу историю, указала на злополучную иву, упомянула о фуражке, уплывшей к запруде, и т.д. Всё это она увидела во сне в Карлсбаде и, проснувшись в слезах и смятении, уговорила мужа тотчас же послать телеграмму домой - всё ли благополучно с детьми. Отец признался, что на телеграфа он тогда не пошёл, а, чтобы

успокоить больную, подремал с полчаса в вестибюле гостиницы и вернувшись, сказал, что телеграмма послана.

Но почему же всё время идёт речь о смертельной опасности, о несчастье, о крупных и таинственных событиях в жизни личности? Не покажется ли это читателю подозрительным? В моей уже упомянутой книжке (см. стр. 93) приведён замечательный пример из собрания трёх английских авторов, когда ничтожное происшествие, связанное с самыми обыденными переживаниями (посылка теще зятю корзинки с куриными яйцами), было телепатически передано перципиенту во всех деталях.

Об аналогичном случае, недавно описанном одним американским психиатром, сообщают сотрудники Московского института мозга Г.Поляков и О.Адрианов.

"Одному из пациентов этого психиатра приснилось, что он тянет электрический провод. Странной деталью этого сновидения была лежащая на полу в центре комнаты дренажная трубка. Оказалось, что той же ночью, когда пациент видел этот сон, психиатр устанавливал на своей террасе проводку от радиоприёмника к наружной антенне. Особый интерес представляет то обстоятельство, что, как и в сновидении больного, посредине террасы на полу лежала дренажная трубка. Когда сравнили нарисованную пациентом схему расположения провода, который он тянул во сне, с действительным расположением провода на террасе врача, то получилось полное совпадение. Необходимо к этому добавить,

что больной никогда не был у врача на дому, не знал его адреса и жил на расстоянии 10 миль от него". "По теории вероятности, - добавляют от себя авторы этой заметки, - очень трудно допустить в этом происшествии, как и в других аналогичных явлениях, простое случайное совпадение целого ряда признаков в переживаниях человека и реальной действительности. А раз так, то приходится серьёзно ставить вопрос о возможности передачи при каких-то особых, пока ещё не выясненных условиях мыслей, действий или переживаний одного человека другому, минуя известные каналы общения людей между собой: устную и письменную речь, телефон, телеграф, радио и т.п."

У читателей может, однако, возникнуть вопрос: почему же приведённые мною случаи относятся к старым годам, в лучшем случае к первым годам существования Советского Союза? Может быть, теперь таких рассказов у нас уже не услышишь? Это далеко не так. Автор получает письма со всех концов нашей страны, в которых нередко содержатся упоминания о явлениях спонтанной телепатии. После каждого прочитанного доклада на тему о гипнозе, о словесном или бессловесном внушении лектору приходится выслушивать два-три рассказа о подобных же явлениях. Рассказывают о них слушатели самого различного возраста, общественного положения, образования и специальности. Вот хотя бы одно письменное удостоверение такого рода, заслуживающее доверия (автор письма - учительница).

"Я могу сообщить Вам один кажущийся совершенно невероятным факт. Осенью 1942 г. мой муж был в военной школе политсостава в Шадринске. Я знала, что на фронт его пошлют после мая. Я работала тогда в горкоме союза начальной и средней школы (председателем союза). Однажды, в марте, я пришла домой очень усталой. Жилая тогда далеко от центра, дорога - вся пешком. Помню, села в кресло в столовой и моментально уснула. И вдруг вижу - получила от мужа телеграмму такого содержания: "Выезжаю сегодня Свердловск, едем фронт, целую Юрий". Вскочила, нет телеграммы! Но я так ясно её видела, что поверила сама, что такая телеграмма мне быть должна. Я не стала даже кушать, бросилась моментально обратно в город. Прибежала в ГОРОНО к заведующему Цыпину Леониду Ивановичу и стала просить его, чтобы он мне дал командировочное удостоверение, сказала, что муж едет на фронт, что я получила от него телеграмму. С первым же поездом в Свердловск, в 5 ч. утра, я выехала. Там у меня жила дочь, муж которой работал в НКВД. Приехала к ней (она сейчас живёт со мной - Скутина Маргарита Васильевна), рассказала ей о полученной мной во сне телеграмме. Билет я купила до Шадринска. Нам надо было ехать на станцию и закомпостировать его. Мы оделись, но около часу не могли уйти из дому. Сидели в шубах, чего-то ждали, разговаривая. Вдруг - барабанный стук в дверь. Дочь кинулась открывать её - мой муж стоял в дверях... "Мама здесь?" - первое, что он спросил. "Здесь!" - ответила Рита. "Я так и знал!" Оказалось, что он действительно мне такую телеграмму написал, но не отправил, хотя много раз пытался, но всё раздумывал, успею

ли я её получить, или это будет лишняя трёпка нервов. Я "получила" эту неотправленную телеграмму. Поезд-эшелон мужа стоял в Свердловске два часа, и я смогла проводить его на фронт...

Все факты, о которых я Вам писала, известны всем членам моей семьи. Сын Василий Георгиевич Агеносов - директор средней школы № 32, он помнит все мельчайшие подробности этих странных моих видений. 9 мая 1961 г. С. Агеносова"

Наряду с телепатическими сновидениями и галлюцинациями некоторые авторы приводят примеры "телепатических иллюзий". Воспринятая от индуктора, но ещё не проявившаяся в сознании перципиента телепатема может повлиять на восприятие перципиентом окружающих предметов и породить те или иные иллюзии. Чаще всего это проявляется в так называемых "иллюзиях встречи". Например, я иду по улице, погружённый в свои мысли, и не думаю ни о ком из своих знакомых. Вдруг вижу, что навстречу идет Б., которого давно не видел, о котором давно уже не вспоминал. Вглядевшись, замечаю, что это вовсе, не Б., даже непохожий на него человек. Но немного времени спустя встречаю действительно Б., иногда уже на другой улице или через несколько улиц. Всё происходит так, как будто бы Б. стал невольным индуктором, оказавшим на меня телепатическое воздействие, которое заставило меня "узнать" его в совсем незнакомом мне человеке.

О подобных случаях много писал в своих статьях о телепатии Марк Твен. Однажды, путешествуя по Канаде, он приехал в город Монреаль. Здесь ему был оказан торжественный приём. В большом зале жители города подходили к знаменитому писателю и пожимали его руку. Образовалась длинная очередь. Во время этой скучной церемонии Марк Твен увидел в конце очереди друга своей юности мисс Р., с которой он давно не встречался, и с нетерпением стал ожидать, когда же она к нему подойдёт. К его удивлению, этого не произошло. Но потом, уже в другом помещении, он увидел настоящую мисс Р.. Она только что приехала из Квебека и, не входя в зал, решила встретить его по окончании торжественной церемонии, в более интимной обстановке.

Критики не без основания считают, что все описанные нами в этой главе житейские происшествия не могут служить научным доказательством реального существования телепатии. Не могут потому, что всякий раз в таких случаях всё же остается не вполне устранённая (и едва ли устранимая) возможность случайного совпадения во времени двух сходных событий - того, что происходит с одним действующим лицом, и того, что приблизительно в то же время переживает кто-либо другой. В повседневной жизни случаются иногда столь же невероятные совпадения, в которых телепатическая связь, если бы даже она существовала, не могла бы играть никакой роли. За последние 20 лет я записал в особой тетради 25 таких маловероятных совпадений из своей жизни. Одно из них я уже привёл в своей предыдущей брошюре: в тот самый момент, когда я прочитывал в газете фамилию Мазепа, голос диктора

произнес по радио ту же самую фамилию, назвав оперу Чайковского "Мазепа".

Иногда такие совпадения очень напоминают то, что называют "непосредственной передачей мыслей". Примером может служить следующая моя запись:

"30 июля 1956 г., в день моего возвращения с курорта Кемери, я сидел на диване рядом с женой и рассказывал ей о своей жизни на этом курорте, между прочим, и о том, как меня кормили в тамошней столовой. При этом я употребил редкое слово "кормёжка". Жена, слушая меня, в то же время перелистывала какую-то толстую книгу. В тот самый момент, когда я произнёс слово "кормёжка", она прервала меня, заявив, что то же самое слово только что попало ей на глаза в просматриваемом тексте и показала мне следующую фразу: "В общем у меня мало хлопот с кормёжкой моих редувиев". Жена держала в руках книгу "Жизнь насекомых" Ж. Фабра (из серии "Школьная библиотека", 1938).

В специальной литературе описаны и такие случаи подобного рода, которые легче объяснить спонтанной телепатией, чем случайным совпадением. Профессор философии г-жа М. де Ти подробно описывает свои наблюдения над умственно дефективным братом. В возрасте 47 лет он имеет умственное развитие 18-месячного ребенка. Он не способен к связной речи и косноязычно произносит лишь очень немногие известные ему слова. В статье приводятся 24 случая, когда этот больной человек с удивительной быстротой и точностью (без

каких бы то ни было искажений) произносил совершенно неизвестные ему слова и научные термины в тот самый момент, когда, они по какому-либо поводу зарождались в уме одного из присутствующих лиц. Вот один из примеров:

Однажды М. де Ти, готовясь к научному докладу, прочла в одной книге о том, что художник Николай Пуссен родился в Эстрепаньи. Это было около 5 часов дня. Брат Роберт отсутствовал. В 7ч. 30 м. Вечера её отец в сопровождении Роберта явился к обеду. Желая проверить осведомлённость своего отца, М. де Ти поспешила его спросить: "Где родился Николай Пуссен?" Отец этого не знал, но если бы и знал, не успел бы ответить: Роберт "отозвался как эхо": "В Эстрепаньи". Комментируя этот случай, проф. де Ти считает совершенно невероятным, чтобы Роберт мог знать то, чего до прочтения книги не знала она сама, чего не знал её отец, да и никто другой в доме. Это исключается. Исключается в данном случае и возможность случайного совпадения. Следовательно, заключает автор статьи, мы имеем здесь случай спонтанной телепатии. Никаких нарочитых опытов мысленного внушения никто никогда с этим несчастным человеком не производил.

Ведущие современные парапсихологи (д-р Райн, проф. Соул и др.) не считают, однако, даже и такие наблюдения достаточным доказательством реальности телепатической связи. Неоспоримыми они считают только экспериментальные данные, получаемые с применением количественных методов изучения мысленного внушения. С этим мнением нельзя не согласиться.

К рассмотрению таких методов и получаемых с их помощью результатов мы теперь и перейдём.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ВНУШЕНИЕ НА РАССТОЯНИИ

Впервые применённые (как уже было сказано в первой главе) Шарлем Рише количественные экспериментальные методы получили дальнейшее развитие в 30-е годы текущего столетия. В 1927 г. американский профессор В. Мак Дугалл (Mc.Dougall) обратился к учёному миру с призывом содействовать развитию парапсихологии. На этот призыв среди других учёных отозвался молодой в то время биолог Райн (J.B.Rhine) - один из основателей современных количественных исследований в парапсихологии. В Англии тогда же вступил на этот путь Соул (S.G.Soal), ныне профессор математики в Лондонском университете. Сперва он пришёл к заключению, что, удача в телепатических опытах основана на простой случайности; но, проведя огромное число таких опытов, он изменил своё мнение и стал убеждённым защитником реальности мысленного внушения. Последователи Шарля Рише появились в те же годы и во Франции - на родине знаменитого физиолога. Один из них, Дезуаль, считал возможным успешно применять теорию вероятностей даже при небольшом числе опытов мысленного внушения.

Предоставим слово самому Дезуалю и посмотрим, как он ставил свои опыты и как применял к ним теорию вероятностей.

"Я предупредил испытуемого о том, что буду мысленно внушать ему изображение одного из французских денежных знаков, и приступил к внушению; испытуемый объявил: "Этот десятифранковый билет", что было правильно. Я спросил его, видит ли он билет в прямом положении или перевернутым, и испытуемый ответил правильно: "Перевернутым". Наконец, я задал ему ещё один вопрос: "В каком состоянии находятся уголки билета?" и снова получил правильный ответ: "Верхний левый угол загнулся". Внушаемый образ был воспринят во всех подробностях".

Подсчитаем теперь вероятность этого результата, предположив, что он был получен вследствие случайной удачи. При внушении французских денежных знаков число возможных случаев равно 12 (монеты в 1, 2, 5, 10 су и в 1, 2 франка; кредитные билеты стоимостью в 5, 10, 50, 100, 500 и 1000 франков). Вероятность совпадения в этом случае равняется $1/12$; для угадывания перевернутого положения билета вероятность равна $1/2$; и для правильного указания на загнутость одного из углов вероятность равна $1/5$ (отсутствие загнутости и один загнутый угол из четырёх составляют 5 возможных случаев). Полная вероятность равняется:

$$p = (1/12) \times (1/2) \times (1/5) = 1/120$$

Если я поставил 10 таких опытов (причём каждому из них соответствует вероятность $1/120$) и если ответы оказались правильными в 6 опытах из 10 (что можно получить с

хорошим перципиентом довольно легко), то вероятность совпадений, основанная на случайной удаче, выразится так:

$$p = (10!/640!) \times (1/120)^6 \times (119/120)^4$$

что приближённо будет:

$$p = 7 \times 10^{-12}$$

На более понятном языке это означает, что имеется всего 7 шансов на 1 триллион случаев для того, чтобы 6 опытов из 10 оказались удачными, если бы этот результат был основан на одних только случайных совпадениях.

Приведённый пример, взятый из собственных опытов Дезуаля, показывает, каким образом исчисление вероятностей даёт возможность судить о показательной ценности полученного в опытах результата. Итак, заключает этот автор, иногда бывает достаточно поставить небольшое число опытов, чтобы сделать очевидным наличие телепатического феномена и исключить объяснение, основанное на признании одних только случайных совпадений.

С 1934 г. д-р Райн пользуется для опытов мысленного внушения уже упоминавшимися нами картами с пятью фигурами, изображенными на рис. 1 (так называемые карты Зенера - круг, крест, квадрат, пятиконечная звезда, три, или как вариант - две, параллельные волнистые линии). Соул предпочитает пользоваться картами с изображением пяти

животных (лев, слон, зебра, жираф, пеликан), полагая, что мысленно внушать эти красочные изображения легче, чем абстрактные фигуры карт Зенера. Перципиент заранее знает эти фигуры, ему мысленно внушается каждый раз одна из пяти фигур, и он должен узнать, какая именно. К проведению опытов по такой "методике узнавания", как её можно назвать, теперь предъявляются очень жёсткие требования. Без выполнения хотя бы одного из них последующая статистическая обработка полученных результатов может потерять свою доказательность.

1. Необходимо совершенно исключить возможность всех мыслимых подсказок, воспринимаемых органами чувств: произвольное нашёптывание, отражение передаваемого объекта на стёклах очков или даже на роговице глаз экспериментатора, какие-либо мимические или пантомимические знаки, даже субсенсорные (сознательно не ощущаемые) раздражители, которые могли бы привести к правильному ответу. Для того чтобы избежать этих источников ошибок, испытуемый отгораживается от экспериментатора непрозрачным экраном или помещается в кабину, а ещё лучше, переводится в другую комнату. Карты должны находиться в непрозрачных конвертах, чтобы подопытное лицо не могло увидеть даже обратную их сторону.

2. Надо также исключить возможность умственных догадок перципиента. Например, не следует во время опыта оповещать испытуемого, правильно или неправильно называет он внушаемые ему фигуры, изображённые на картах. Зная это, он

может рассчитать, какие карты ещё остались в пакете, какие вышли (всего в пакете обычно содержится 25 карт, т.е. каждая из пяти фигур повторяется пять раз). Поэтому введено правило сообщать результаты испытуемому лицу только по окончании опыта.

3. Применение теории вероятностей правомерно только тогда, когда имеется случайная последовательность явлений. Поэтому большое внимание обращено на обеспечение самого тщательного стасовывания карт. В первоначальных опытах Райна и Соула карты стасовывались несколько раз руками; потом их стали перемешивать автоматически особым аппаратом; теперь стал применяться метод, при котором перед опытом готовится пакет из 25 карт лицом, в проведении опыта не участвующим, причём карты располагаются в пакете по заранее составленным таблицам случайной последовательности чисел.

4. Кроме того, при оценке результатов принимаются во внимание и другие источники возможных ошибок, как-то: замеченное у перцепиентов предпочтение одних передаваемых фигур другим, а также случайные или чем-либо обусловленные ошибки экспериментаторов при записывании или сверке результатов опытов. Чтобы избежать ошибок такого рода, принято вести два протокола каждого опыта двумя лицами независимо друг от друга.

При соблюдении перечисленных требований американскими и английскими исследователями в больших сериях опытов было

множественно получено сверхвероятное число правильных отгадываний внушаемых объектов. Например, в большой, несколько лет продолжавшейся серии опытов Соул получил положительный результат, выражавшийся вероятностью (вернее, невероятностью) $p = 5 \cdot 10^{-35}$. Недавно. (1956 - 1957 гг.) тот же автор в телепатических опытах с двумя молодыми двоюродными братьями (из которых один был агентом, другой - перципиентом), проведя 15000 отдельных проб, получил на каждом пакете из 25 карт в среднем почти 9 удач вместо ожидаемых по теории вероятностей 5 удач. В этих опытах дважды были угаданы все 25 карт в пакете, четыре раза - 24 карты, сорок раз - от 23 до 19 карт. Этот результат опять-таки в огромное число раз превышает то, чего можно было бы ожидать по теории вероятностей.

Трудно представить себе без математического подсчёта, как ничтожно мала вероятность чисто случайного отгадывания подряд 25 карт. Такой результат выражается отношением единицы к числу пять, возведённому в двадцать пятую степень:

$$1 : 5^{25} = 1 : 298\ 023\ 223\ 876\ 953\ 125$$

Это означает, что такой случай (25 отгадываний подряд), по теории вероятностей, может произойти из указанного "астрономического" числа проб всего один раз. А чтобы произвести такое число проб, несколько поколений исследователей должны были бы всю свою жизнь с утра до вечера без усталости ставить подобные опыты.

Столь резко выраженные сверхвероятные результаты получаются в опытах с особенно одарёнными в телепатическом отношении испытуемыми. Но такие лица встречаются редко. В опытах на обычных испытуемых получаются более скромные результаты (в среднем 6 - 7 угадываний на пакет из 25 карт); однако при достаточно большом числе проб и этот результат оказывается, по данным статистики, несводимым к простой случайности.

При столь же большом числе проб, но при полном выключении возможности телепатического вмешательства результат в среднем не больше и не меньше пяти совпадений на 25 карт. Такой проверочный опыт был не раз поставлен в лаборатории доктора Райна следующим образом. Одновременно пускались в ход два уже упоминавшихся аппарата, автоматически выбрасывавших через каждые три минуты карты с одной из пяти фигур Зенера. Каждая карта, выбрасываемая аппаратом А, сопоставлялась с картой, выбрасываемой в тот же момент аппаратом Б. Понятно, что совпадения двух одинаковых фигур обязаны при данных условиях опыта одной лишь чистой случайности.

Мало кому известно, что в те же 30-е годы, когда д-р Райн начинал свои исследования в США, подобные же количественные опыты, и с той же целью - установить самый факт мысленного внушения - ставил в Ленинграде крупный советский физик академик В.Ф.Миткевич. По-видимому, он заинтересовался этим вопросом под влиянием В.М.Бехтерева, с которым был близко знаком. Результаты его исследований

остались неопубликованными, но в моём архиве сохранилось составленное самим Миткевичем краткое описание применявшейся им методики. Привожу это описание дословно:

"Индуктор приводит в действие некоторую примитивную рулетку, без участия воли индуктора избирающую одно из группы равновероятных событий (например, появление перед глазами индуктора чёрного или белого экрана).

На основании показаний рулетки индуктор мысленно приказывает перципиенту угадать данное событие (угадать "чёрное" или "белое"?).

Этот процесс телепатической передачи от индуктора к перципиенту некоторого зрительного впечатления ("чёрное" или "белое") должен подряд повторяться столько раз, сколько на основании предварительных (проверочных) опытов и теории вероятностей потребуется для того, чтобы факт мысленной передачи перципиенту случайных впечатлений индуктора мог быть признан достоверным" (на рис. 2 приведены рулетки, применявшиеся Миткевичем).

По теории вероятностей, 40 - 50 таких проб уже достаточно для того, чтобы получить около 50% правильных ответов, обусловленных простой случайностью. Если же опыт дает более 50% правильных ответов, то можно говорить с большей или меньшей вероятностью об участии в результатах опыта

мысленного внушения (разумеется, при исключении всех возможных подсказок).

Положительная сторона этой методики состоит в том, что каждая отдельная проба занимает немного времени и допускает альтернативную оценку результата - правильный или неправильный ответ, да или нет. Благодаря этому методика позволяет быстро накапливать большой цифровой материал, вполне пригодный для статистической обработки. Однако, эта методика имеет и свои отрицательные стороны: представление (или восприятие) белого или чёрного цвета индуктору трудно переживать с достаточной интенсивностью; кроме того, в течение опыта индуктору приходится многократно переключать своё внимание с "белого" на "чёрное" и обратно, что мешает сосредоточиться на одном и потому является невыгодным условием для создания интенсивной телепатической индукции.

Несмотря на это, по утверждению акад. Миткевича, методика обычно давала в его опытах положительный результат, т.е. при достаточном числе проб получалось больше 50% правильных ответов. Мы поставили перед собой задачу проверить это утверждение Миткевича, проведя предложенную им методику на достаточном числе испытуемых.

В 1934 г. мною с сотрудниками было поставлено 26 таких опытов (по 80 отдельных проб в каждом) на 24 здоровых и больных (истерия, неврастения) испытуемых. Индуктор помещался в той же комнате, что и перципиент, за его спиной,

на расстоянии нескольких метров. Пустив в ход рулетку и дождавшись, когда она остановится с обращённым к нему чёрным или белым диском, индуктор старался мысленно внушить испытуемому ощущение данного цвета (чёрного или белого). После словесного сигнала индуктора - "готово", "есть" - перципиент, глаза которого были надёжно завязаны, уже через несколько секунд давал ответ, т.е. называл цвет - "чёрный" или "белый". Внушаемый цвет и ответ перципиента тут же заносили в протокол опыта. В каждом опыте с данным перципиентом такого рода мысленное внушение повторялось 40 раз подряд (с короткими перерывами через каждые 10 проб). Затем перципиенту давался отдых на 10 - 15 минут, и опыт повторялся во второй раз. Таким образом, в общей сложности получалось 80 отдельных проб, из которых определялось число правильных ответов.

Изучение полученного цифрового материала показало, что наибольшее число правильных ответов достигало 62, наименьшее падало до 32. Среднее арифметическое равнялось 44,32 вместо 40 - величины, следуемой по теории вероятностей. Превышение полученного в опытах результата над вероятным числом удач равнялось 4,32.

Вопрос состоит в том, может ли это превышение быть признано достоверным, выходящим за пределы случайной ошибки, теоретически возможной при данных условиях опыта. Для получения ответа на этот вопрос мы воспользовались простейшим приёмом статистики. Для нашего среднего арифметического ($M = 44,32$) была вычислена средняя ошибка

m, которая оказалась равной 1,16. Применяя формулу $M \pm 3m$, мы видим, что полученная из опыта величина M, в зависимости от простой случайности, может колебаться в пределах $\pm 3,48$, т. е. от 40,84 до 47,80.

Иными словами, даже в наихудшем возможном случае (40,84), полученный из опытов результат всё же несколько превышает среднюю величину, следуемую по теории вероятностей (40). А это значит, что полученное нами превышение Данных опыта над данными, теоретически вычисленными, является хотя и незначительным, но статистически достоверным.

Иными словами, участие в наших опытах мысленного внушения, как фактора, способствующего угадыванию перципиентом передаваемых ему зрительно ощущений (белое, чёрное), может считаться статистически оправданным фактом. (Если только исключить возможность каких-либо "подсказывающих" моментов, которые в постановке наших опытов были, по-видимому, устранены.)

Ценность методики акад. Миткевича может быть кроме того, подтверждена рассмотрением результатов полученных в некоторых отдельных опытах на лучших наших перципиентах. В качестве иллюстрации приведу два примера:

1. Испытуемая А.В.С. - 24 лет, страдавшая истеропсихопатией и легко гипнотизируемая. Приведённая в состояние гипноза, испытуемая находится в камере, индуктор (А-р А.В.Дубровский) - на расстоянии нескольких метров от

камеры; при опыте присутствуют: Л.Л.Васильев и И.Ф.Томашевский. Экспериментаторам впервые приходит в голову мысль - в течение всего опыта (40 проб) передавать представление одного только (белого) цвета.

При первом десятке проб испытуемая дает лишь 4 правильных ответа; при втором - 5; при третьем - 8 и, наконец, при четвертом - все 10. Это, по-видимому, показывает, что многократно возобновляемо, в течение опыта мысленное внушение белого цвета, постепенно создавало у испытуемой прочную установку на белый цвет. В самом деле, при последующих пробах экспериментаторы заменили белый цвет чёрным; испытуемая как бы по инерции ещё три раза, назвала "белый", после чего переключилась на "чёрный", назвав его несколько раз подряд. Следует добавить, что при обычной постановке опыта ("белое" и "чёрное"- в разбивку) та же испытуемая (как и другие перципиенты) никогда не называла один и тот же цвет более трёх раз подряд.

2. Испытуемая К.Г.Ф. - 35 лет (истеричка) находится в камере в состоянии гипноза; при ней - наблюдатель д-р А.В.Дубровский; дверца камеры открыта. Индуктор И.Ф.Томашевский, а также присутствующие Н.И.С-ов, Р.И.Скарятин и Л.Л.Васильев находятся вне поля зрения испытуемой. Внушение "белого" или "чёрного" производится с применением рулетки акад. Миткевича. Опыт поставлен с целью продемонстрировать эту методику Н.И.С-ову, впервые присутствовавшему на наших опытах. Опыт и протокол к нему ведёт сам тов. С-ов.

В результате из 10 поставленных проб испытуемая дала подряд 10 правильных ответов, что в контрольных опытах со случайным совпадением является довольно редким случаем. Вероятность такого случая исчисляется так: $1 : 2^{10} = 1 : 1024$, т.е. одна удача на тысячу двадцать четыре пробы.

Большую доказательную силу имеют также опыты, выполненные по совсем другой, так называемой мощной методике мысленного внушения в Гронингемском университете (Голландия). Психологи Бругманс, Гейманс и Винберг помещали перципиента в похожую на шкаф картонную камеру, закрытую спереди, с боков и сверху. Перед камерой стоял стол, на который была положена большая доска (типа шахматной), разделённая на 48 квадратов. На ней было 6 рядов, пронумерованных по краю от 1 до 6, и 8 колонок, обозначенных латинскими буквами А - Н. Таким образом, каждый из 48 квадратов обозначался, как у шахматистов, буквой и цифрой, например s С4. Экспериментаторы вытягивали из одной перетасованной колоды карточек номер (1 - 6), а из другой колоды букву (А - Н). Таким образом, в каждом опыте по жребию выбирался один из квадратов. Затем экспериментаторы предлагали перципиенту просунуть правую руку в широкую щель, проделанную внизу передней стенки камеры, и указать рукой мысленно внушаемый ему квадрат. При этом экспериментаторы как бы мысленно направляли руку перципиента к задуманному квадрату.

Из числа многих испытанных таким образом перципиентов выделился студент Ван Дам, успешно угадывавший внушаемый квадрат. В начале проведения этих опытов экспериментаторы оставались в той же комнате, где в камере с завязанными глазами сидел Ван Дам. Близость экспериментаторов к перципиенту снижала доказательность получаемых результатов. Поэтому вторая половина опытов с Ван Дамом была проведена при более строгих условиях, исключавших возможность какой-либо невольной подсказывающей сигнализации перципиенту со стороны экспериментаторов.

Ван Дам оставался один в своей комнате. Экспериментаторы находились этажом выше - в комнате, находившейся над комнатой перципиента. В полу верхней комнаты было проделано окошко, заделанное толстым стеклом. Через это окошко из затемнённой верхней комнаты экспериментаторы могли видеть руку перципиента, выsunутую из камеры, и мысленно направлять её движения. При этих условиях результаты опытов с Ван Дамом не ухудшились; напротив, процент удач ещё более повысился.

В общей сложности из 187 проб Ван Дам в 60 случаях точно указал мысленно внушаемый ему квадрат, что составляет 31% правильных ответов.

Этот результат во много раз превышает то число, которое указывается теорией вероятностей для случайно удачных совпадений (4 на 187). Вероятность вычислялась по формуле:

(округлённо - 4).

Небольшая доза алкоголя (30 г), принятая перципиентом, ещё более увеличивала число удачных опытов (без алкоголя 22 из 104 проб, т.е. 21%; после его приёма 22 из 29 проб, т.е. 75%). Эти замечательные по постановке и результатам опыты, выполненные ещё, в 1920 г. и опубликованные в 1922 г., к сожалению, не были повторены последующими исследователями.

С каждым годом всё большее число исследователей убеждается в реальном существовании мысленного внушения и переходит к изучению различных сторон этого сложного явления. Это не значит, однако, что мысленное внушение уже получило за рубежом всеобщее признание учёных. Отнюдь нет! Споры "за" и "против" продолжают там и поныне.

С разных сторон критикуются и только что приведённые опыты Бругманса. Так, по Керрингтону (H. Carrington), экспериментаторы могли неправильно регистрировать результаты опытов, поскольку они наблюдали движения руки перципиента с расстояния нескольких футов и через толстое стекло. Этому источнику ошибок не было в первой половине опытов, но против этих опытов возражают Соул и Бейтман, указывая, что экспериментаторы, знавшие выбранный квадрат и находившиеся вблизи перципиента, могли делать движения, послужившие для Ван Дама слуховой подсказкой. Этот пример показывает, как трудно бывает экспериментаторам

удовлетворить всем, нередко противоречивым, требованиям критиков.

Недавно, английский философ Джордж Прайс в статье "Наука и сверхъестественное" объявил все опубликованные по мысленному внушению экспериментальные работы небезупречными в методическом отношении. Его не убеждают и сверхвероятные результаты количественных опытов Соула и Райна.

Свою статью Прайс начинает признанием успехов парапсихологии. Он пишет: "Особенностью настоящего времени является то, что в течение последних 15 лет (т.е. с 1940 по 1955 г. - Л.В.) едва ли появилась хотя бы одна научная статья с критикой работы парапсихологов. Эта победа является результатом тщательного экспериментирования в широких масштабах и разумного аргументирования. Лучшие из экспериментов Райна и Соула по угадыванию карт показывают огромную разницу по сравнению с возможным случайным совпадением. При этом возможность участия сенсорных подсказок почти исключается, так как карты и перципиент находятся в разных зданиях.

Десятки экспериментов получили положительные результаты... а математические расчёты были одобрены ведущими статистиками".

Казалось бы, чего же больше желать? Прайса всё это, им же самим сказанное, не удовлетворяет. Он ставит перед собой

задачу убедить читателя в том, что мысленное внушение и другие, связанные с ним парапсихические явления, "несовместимы с современной научной теорией", что они противоречат категориям пространства, времени, причинности и что, следовательно, признание их равносильно признанию чуда.

Продолжая развивать эту мысль, Прайс пишет: "Если парапсихология и современная наука несовместимы, почему тогда не отказаться от парапсихологии? Мы знаем, что противоположная гипотеза, состоящая в том, что некоторые люди лгут и обманывают себя, вполне укладывается в рамки науки". Выбор лежит между верой во что-то "подлинно революционное", "радикально противоречащее современной научной мысли" и верой в возможность преднамеренного обмана или самообмана. Что же является более разумным? Прайс выбирает второе, бросая тем самым тень на добросовестность парапсихологов: они или сами обманывают легковверных читателей их работ, или являются жертвами обманных проделок перципиентов.

Можно только удивляться этой аргументации Прайса, современника великих революционных переворотов в области физики. Разве квантовая механика, теория относительности, факты, выходящие за рамки ранее известных принципов сохранения массы и энергии, не были на первых порах вопиющей "несовместимостью с современной им теорией науки"? Можно ли априорно отрицать возможность таких же "несовместимостей" и в области психофизиологии,

несравненно менее обследованной и неизмеримо более сложной, чем область физики? Необъяснимое с позиций современной науки нельзя объявлять сверхъестественным и на этом "основании" отвергать, так как второе не следует из первого. Так поступая, материалист рискует отдать на откуп идеалистам новое в науке и тем самым затормозить прогресс научной мысли.

Результаты парапсихологических исследований, например, опытов Соула или Райна, критик мог бы дисквалифицировать двойким образом: или 1) найдя в этих опытах такую методическую погрешность, которая могла бы помочь перципиенту отгадать задуманное задание, или 2) доказав факт мошенничества участников опыта - какого-либо сговора между ними, тайной сигнализации и т.п. Прайс, конечно, не утверждает, что Соул, Райн или кто-либо из участников их опытов попросту жульничали (у него нет для этого фактических доказательств). Он утверждает только, что опыты были поставлены так, что экспериментатор (например, тот же Соул) при желании смог бы подделать результаты и что поэтому следует требовать лучших доказательств, чем данные Соула, чтобы "поверить в сверхъестественное".

Далее Прайс подробно разбирает постановку опытов Соула, в которых обычно участвовали три лица: экспериментатор, находившийся при агенте, который мысленно внушал задание перципиенту, помещённому в смежной комнате. Прайс описывает шесть возможных комбинаций ("процедур") сговора между агентом и перципиентом или самим экспериментатором,

проведение которых могло бы обеспечить удачный ход опытов.

В заключение своей статьи Прайс заявляет, что его удовлетворил бы всего лишь один положительный эксперимент, но такой, при котором "ошибка или мошенничество были бы столь же невозможными, как невозможно сверхъестественное".

В опытах мысленного внушения передаваемые задания должны задаваться генератором случайных чисел; перципиент может находиться где угодно, только не рядом с агентом. При наличии тайного сговора между участниками эксперимента, предупреждает Прайс, очень трудно надёжно уберечься от тех или иных средств связи. Например, агент может сигнализировать одному из присутствующих посредством каких-либо незаметных движений, а этот последний может воспользоваться карманным радиогенератором для передачи информации перципиенту. Словом, альтернативу - обман или "чудо" - разумнее решать в пользу обмана.

Статья Прайса не осталась без ответа со стороны парапсихологов, в частности самих Райна и Соула. Их полемика с Прайсом напечатана в одном из парапсихологических журналов в номере за 1955 г.

Мне неоднократно приходилось слышать следующее заявление критиков: "Дайте сперва окончательное, обязательное для всех и каждого доказательство реальности

мысленного внушения, а потом уже изучайте и описывайте его свойства, его физическую природу и пр." Можно предвидеть, что такое же возражение будет сделано и по поводу этой брошюры. С таким возражением автор согласиться не может: это не ускорит, а задержит исследование вопроса.

Пусть, любая серия опытов из приведенных в этой главе, взятая в отдельности, недостаточна для установления факта мысленного внушения, но все серии количественных опытов в своей совокупности, все случаи спонтанной телепатии делают существование мысленного внушения в высокой степени вероятным. Этого достаточно, чтобы, не дожидаясь признания всех и каждого, ставить дальнейшие исследования этого явления так, как будто бы его реальное существование уже было окончательно установлено.

Ведь по ходу таких исследований как раз и могут быть найдены все условия, необходимые и достаточные для бесперебойного экспериментального вызывания явлений мысленного внушения, что и будет наилучшим доказательством их реальности. Такое уже не раз случалось в истории науки. Например, изучение свойств и закономерностей физиологического действия, даже практическое применение гормонов и витаминов началось задолго до того, как эти вещества были выделены в чистом виде и искусственно синтезированы, т.е. установлены "окончательно".

СРАВНЕНИЕ С РЕЗУЛЬТАТАМИ ОПЫТОВ

В предыдущих главах мы познакомились с проявлениями спонтанной и экспериментальной телепатии. На первый взгляд может показаться, что между ними больше различий, чем сходства. В случаях ярко выраженной спонтанной телепатии у перципиента неожиданно возникает отчётливый образ телепатически передаваемого события, достигающий иногда галлюцинаторной силы и яркости. Телепатема перципиента, как и телепатема индуктора, обычно сопровождается переживанием той или иной эмоции - сильного чувства, волнения, душевного подъёма. Эти случаи можно назвать "макротелепатическими" явлениями, "телепатическими грозами". Совсем не так выглядит передача телепатического влияния в опытах мысленного внушения, проводимых по количественной методике. Здесь воспринятое перципиентом мысленное внушение индуктора остаётся неосознанным, теряется среди случайных совпадений и может быть выявлено только применением статистических методов. Это - явление "микротелепатического" характера.

Столь резкое различие этих явлений побудило некоторых исследователей, например итальянского парапсихолога Э.Боццано, утверждать, что и природа их столь же различна: телепатия - это одно, мысленное внушение - совсем другое, их не следует смешивать, они качественно различны. По Боццано, спонтанные телепатические влияния могут передаваться на огромные расстояния, тогда как мысленное внушение, вызываемое в эксперименте, якобы быстро

ослабевает и сходит на нет с увеличением расстояния между внушающим и внушаемым.

Это воззрение нельзя считать правильным: различие между проявлениями спонтанной и экспериментальной телепатии не качественное, а всего лишь количественное. Вопреки утверждению Боццано, теперь показано, что опыты мысленного внушения карт Зенера удаётся с успехом производить на значительные расстояния; например, из одного здания в другое на расстоянии 100 и 250 метров. В этих условиях при 1850 пробах было получено большое "позитивное отклонение" (на 188 правильных ответов больше, чем предусматривается теорией вероятностей). Вероятность такого отклонения, если бы оно было обусловлено одной лишь случайностью, ничтожно мала. Об опытах с передачей мысленного внушения на расстояние десятков и сотен километров будет сказано в предпоследней главе.

На явления спонтанной телепатии более подходят результаты, получаемые с применением не количественных, а качественных методов мысленного внушения. Таковы "методы воспроизведения" мысленно внушаемых заданий - рисунков, различных предметов, движений, актов поведения, каких-либо происшествий и т.п. В отличие от описанных в предыдущей главе "методов узнавания", при проведении методов воспроизведения число возможных заданий инструкцией не ограничивается. Оно может быть неопределённо велико. Характер заданий перципиенту заранее не сообщается или

сообщается лишь в общих чертах. Например, даётся инструкция: "Постарайтесь нарисовать предмет, который я задумал и буду мысленно вам внушать". Или же погруженному в гипнотический сон перципиенту без какого-либо словесного предупреждения внушается тот или иной зрительный образ, драматическое событие, некогда пережитое индуктором, и т.п.

Вот два таких случая, заимствованных из собрания Лондонского общества психических исследований.

"Мистер Смит, сотрудник уже известного нам Гернея, приведя испытуемую Б. в гипнотическое состояние, попытался со всею возможной ясностью вообразить себе стоящий на столе большой открытый зонтик. Через минуту или около того испытуемая, смеясь, заявила: "Как это странно, большой открытый зонтик стоит на столе". Я должен признаться, - добавляет к этому м-р Смит, - что никогда больше не был в состоянии повторить этот опыт".

Заметим, что этот опыт напоминает вышеупомянутый случай спонтанной передачи прозаического образа корзинки с яйцами. Ещё большее сходство со спонтанной телепатией выступает в тех опытах, в которых индуктору удаётся мысленным внушением вызвать галлюцинацию живого лица. Вот один такой случай из того же литературного источника.

"Однажды вечером в ноябре 1881 г., прочитав о сильном влиянии, которое может производить человеческая воля, я всеми силами своего существа решил "психически

присутствовать" в комнате одного дома, отстоящего мили на три от моего жилища. Я назначил для своего "появления" там 1 час ночи; при этом я страстно хотел, чтобы моё присутствие было замечено". Оказалось, что находившаяся в комнате в это время, но ещё не спавшая мисс L.V. действительно увидела его стоящим около своей кровати и так испугалась, что криком разбудила младшую сестру, которой привиделась та же самая мысленно внушённая галлюцинация.

В этом случае грань между спонтанной и умышленно вызываемой телепатией окончательно стёрлась. Однажды мне довелось самому быть свидетелем подобного же явления. В двух смежных комнатах, разделённых закрытой дверью, одновременно проводились опыты мысленного внушения. В одной комнате индуктором был доктор Н.А.Панов и тут же находился его загипнотизированный перципиент; назовём; д-ра Панова - А1, а его перципиента - Р1. В другой комнате агентом был доктор В.И.Рабинович - А2, а перципиентом - Р2. Д-р Панов внушал перципиенту малозначительное задание, и его перципиент ничего не воспринял. Д-р Рабинович, напротив, мысленно передавал своему перципиенту, остававшемуся в бодрственном состоянии, задание, резко окрашенное эмоцией; он представил себе бывшую в действительности сцену гибели своего брата: брат тонет, он находится на берегу, видит, как кто-то бросается в воду и вытаскивает уже мёртвое тело. Что же получилось? Хотя индукция А2 направлена на перципиента Р2, воспринял её не он, а перципиент Р1. Последний не воспринял телепатеми, которая была ему непосредственно направлена д-ром

Пановым, а уловил другую телепатему, направляемую д-ром Рабиновичем не по его адресу. Находясь в гипнотическом состоянии, перципиент Р1 вдруг стал проявлять признаки волнения и на вопрос гипнотизёра - что его беспокоит? - довольно полно передал словами драматическую сцену на берегу. Очевидно, восприимчивость к мысленному внушению у загипнотизированного Р1 была значительно больше, чем у бодрствовавшего Р2.

Этот опыт очень напоминает рассказ Л.Е.Миллер, приведённый во второй главе. В обоих описанных ею случаях спонтанной телепатии телепатема была уловлена только ею одной, хотя, надо полагать, в обоих случаях телепатема предназначалась не столько ей, сколько её матери.

В упомянутом во второй главе случае спонтанной телепатии (№ 79) перципиент испытывает непреодолимое желание идти искать своего, как оказалось, умиравшего в эти минуты отца, который в данном случае являлся невольным индуктором. Подобная ситуация создается в опытах мысленного внушения, носящих название "вызова перципиента". Такие опыты ставились, например, тремя советскими учёными - проф. Желиховским (физиком), проф. Нормарком (химиком) и Котковым (врачом-психотерапевтом) в Харькове в середине 20-х годов. Перципиентом была студентка 18 - 19 лет, чрезвычайно восприимчивая как к словесному, так и к мысленному внушению. В своём письме автору этих строк доктор Котков так описывает эти опыты:

"Находясь у себя на квартире, я в строго обусловленное с Желиховским и Нормарком время вызывал девушку в лабораторию к Нормарку, пользуясь методом мысленного внушения. Когда наступал "экстаз торжества удачи" (так автор письма называет возникавшую у него уверенность в том, что внушение достигло своей цели. - Л.В.), я прекращал опыт и шёл в лабораторию. Обычно я или заставал девушку уже там, или она приходила немного позже меня. Когда у неё спрашивали, зачем она пришла, она обычно отвечала смущённо: - Не знаю... Так просто... Захотелось прийти..."

Как уже говорилось, степень доказательности случаев спонтанной телепатии меньше степени доказательности опытов мысленного внушения, особенно тех, которые проводятся, с применением количественных методик и с последующей статистической обработкой результатов. С этим спорить нельзя. Можно, однако, сказать, что степень достоверности спонтанных проявлений телепатии значительно повысилась после того, как было показано, что эти проявления по своей природе качественно не отличаются от статистически достоверных результатов, полученных в опытах мысленного внушения.

Большой вес приобрели также и результаты качественных опытов мысленного внушения, например передачи зрительных образов вещей и рисунков. Ценность таких опытов - не в доказательстве реальности мысленного внушения: скептика эти опыты не убедят. Их значение в том, что они лучше всяких других выявляют особенности телепатической индукции и

перцепции, а также (что особенно важно) бросают луч света на психологические и отчасти физиологические процессы, лежащие в основе мысленного внушения (об этом будет сказано в последующих главах). Именно поэтому подобные методы применялись исследователями чаще всех других.

Мысленно внушаемый зрительный образ обычно вырисовывается в сознании перципиента мало-помалу, с частыми искажениями, ошибками, отвлечениями в сторону и лишь постепенно достигает большей или меньшей ясности. Чтобы не быть голословным, приведу протокольную запись одного из опытов известного немецкого парапсихолога д-ра Тишнера.

"Объект мысленного внушения - ножницы. Опыт начинается в 8 ч. 14 м. вечера. Через две минуты перципиентка начинает говорить: "Это кажется мне очень большим. Я ещё слишком занята своими мыслями... теперь это мне представляется скорее маленьким, узким, коротким предметом... как будто что-то закрученное, похожее на пробочник... может быть, нож или что-нибудь такое. Мне кажется это очень трудно узнать... К сожалению, я рассеянна очень... всё теснятся впечатления сегодняшнего дня. Теперь вижу образ г-жи Тишнер. Это монета? (д-р Тишнер ответил, что нет). Теперь это что-то как бы круглое, блестящее... оно всегда блестит? Теперь это как бы кольцо... Это снова как бы из металла... Блестит, как стекло или металл... круглое и, однако, вытянутое в длину... как будто это ножницы, внизу две круглые штучки, и дальше это вытянутое в длину... должно быть, это ножницы..."

Непосредственно затем (в 8 ч. 26 м.) с выражением уверенности испытываемая повторила: - Это ножницы!"

Условия этого характерного опыта: перципиентка помещалась за ширмой, завешенной, кроме того, большим платком; внушающий (индуктор) сидел спиной к ширме на расстоянии нескольких метров от неё. Зеркал и каких-либо отражающих поверхностей в комнате не было. Проводил опыт д-р Тишнер; индуктору он вручал какой-либо предмет и затем записывал словесные реакции перципиентки, следя в то же время за поведением того и другого.

Однажды мне пришло в голову повторить этот опыт д-ра Тишнера, т.е. мысленно внушить кому-нибудь зрительный образ ножниц. Индуктором был я, перципиенткой - моя жена Т.Б. Она была слегка нездорова и лежала на кровати; индуктор сидел за её изголовьем, держа на коленях записную книжку и рисуя в ней мысленно передаваемые зрительные образы. В данном случае были нарисованы ножницы с раздвинутыми концами. Опыт проводился между 11 и 12 часами ночи; в комнате был полумрак. Перципиентка получила инструкцию: лёжа на спине, привести себя в пассивное состояние, говорить всё, что приходит на ум. Индуктором тут же, в записной книжке, записывались словесные реакции перципиентки. Вот что было записано:

"Окунаюсь во что-то... Мундир с пуговицами и фуражкой... Галстук бантом". Вопрос индуктора: "О каком галстуке говоришь?" Ответ: "О твоём" (у индуктора галстук, был

завязан "бабочкой"). Перципиентка (тотчас же после этого): "А теперь - о ножницах". На вопрос, каким образом пришло на ум слово "ножницы", отвечает: "Мысленно произнесла слово "ножницы", оно непосредственно пришло на язык".

Правильный ответ был дан гораздо быстрее и с меньшими отклонениями, чем в аналогичном опыте Тишнера; но, как это часто бывает в опытах такого рода, вскоре появились сомнения в доказательной ценности полученного результата.

После опыта перципиентка вспомнила о том, что недавно прочла статью по телепатии (какую именно, она сказать не могла), в которой в числе других примеров описывался удачный опыт с мысленным внушением объекта - ножницы. Это обстоятельство и галстук индуктора, похожий по форме на раздвинутые ножницы, могли навести мысль перципиентки на правильный ответ. Приведённый пример показывает, с какой осторожностью надо проводить опыты такого рода.

Подводя итог сказанному в этой главе, ещё раз напомним: на первых ступенях приведённой во второй главе градации спонтанные телепатические явления выражаются у перципиента малоопределёнными, смутными переживаниями, напоминающими то, что обычно бывает в опытах мысленного внушения зрительных образов. С другой стороны, в некоторых (правда, очень редких) опытах мысленного внушения телепатема перципиента достигает яркости и выразительности типичных проявлениях спонтанной телепатии.

ПОИСКИ НАИЛУЧШИХ УСЛОВИЙ ОПЫТОВ

Главная задача экспериментатора всегда состоит в том чтобы по возможности овладеть изучаемым явлением, научиться вызывать его по своему усмотрению любое число раз. Эта задача стоит и перед исследователями мысленного внушения. Для её разрешения необходимо и достаточно установить оптимальные, т.е. наиболее благоприятные условия, при которых опыты мысленного внушения лучше всего и чаще всего удаются. Для удобства изложения подразделим эту очень сложную и до сей поры окончательно неразрешённую задачу на три части:

1. Оптимальные условия индукции (что лучше всего передаётся в опытах мысленного внушения, как должен переживать индуктор внушаемое задание?).
2. Оптимальные условия перцепции (в каком нервно-психическом состоянии должен находиться перципиент для того, чтобы наилучшим образом воспринимать телепатему индуктора?).
3. Каковы оптимальные условия передающей среды, разделяющей индуктора и перципиента? Что препятствует, что способствует передаче внушения на расстоянии, какова роль самого расстояния?

Эти три вопроса соответствуют трем моментам телепатического акта: 1) телепатеме индуктора, 2) телепатеме перципиента и 3) самому процессу пространственной

передачи телепатемы. В этой главе остановимся на первых двух пунктах, последний будет освещён в десятой и одиннадцатой главах брошюры.

Оптимальные условия телепатической индукции

Наиболее распространенный взгляд на этот вопрос состоит в следующем; наилучшим образом передаётся то содержание сознания, на котором индуктор максимальным образом концентрирует своё внимание. Иными словами, лучше всего передаются наиболее сознаваемые в данный момент переживания индуктора, и весь секрет мысленного внушения сводится к его умению устойчиво концентрировать своё внимание. Старинные авторы особенно упирали на этот пункт. Укажу например, на свидетельство французского врача Жибото (Gibotteau), который в 1892 г. имел случай наблюдать явления, производившиеся "деревенским колдуном". Этот "колдун" якобы обладал исключительной способностью внушать что-либо своим пациентам на расстоянии. Расспрашивая этого доморощенного индуктора о том, как он производит свои внушения, доктор вынес следующее впечатление: для того чтобы передать мысленный образ, необходимо создать его в своём уме с возможной интенсивностью и затем внезапно ослабить его: как бы "выбросить из головы"; необходимо уметь произвольно, "заряжать и разряжать свой ум".

Этот процесс внезапного погашения образа, по свидетельству Жибото, как раз и даёт наилучшие результаты.

Приблизительно такое же заключение высказывают и другие авторы, Например Каслян (Caslant), который, в своей работе о телепатических явлениях, говорит следующее: "Для того чтобы достигнуть наилучшего результата индукции, необходимо мысленно сформулировать тот образ, который желательно передать; затем, сознательно отправив его испытуемому, попытаться мгновенно забыть о нём".

Теперь о втором условии. Ряд авторов указывает на то, что мы поступим не лучшим образом, если будем индуцировать объект, который для нас эмоционально безразличен. Например, я не могу с большой интенсивностью и эмоциональностью переживать зрительный образ стула, спичечной коробки и т.п.; но если передо мной письмо любимого человека, живого, а тем более недавно умершего, я буду переживать этот объект всем своим существом.

По заверению ряда авторов, наиболее удачные результаты опытов мысленного внушения получаются именно тогда, когда мы передаём объекты, для нас эмоционально окрашенные. Такого мнения держался ленинградский парапсихолог д-р Г.В.Рейц, который в большой серии опытов мысленно внушал своим испытуемым объекты трагического характера - верёвку повесившегося, картину казни и т.п. Только при этом условии ему удавалось достигать точной и полной телепатической передачи. Я думаю, что это соображение правильно. Наибольшие шансы быть переданными перцепиенту имеют те психические переживания индуктора, которые захватывают всё его существо. Ведь и при спонтанной телепатии агент или

умирает, или испытывает сильное душевное потрясение, которое передаётся перципиенту на сотни и тысячи километров с необычайной яркостью и полнотой.

Третье условие следующее. Многие индукторы считают необходимым не только интенсивно переживать внушаемое задание, но и вместе с тем мысленно направлять его на перципиента, возможно более ярко представив себе его образ. На это указывал Каслян в уже приведённой цитате. Ведущий в нашей стране гипнолог проф. К.И.Платонов специализировался на так называемой гипногенной методике мысленного внушения. О своих опытах мысленного внушения сна и пробуждения перципиентке М. проф. Платонов писал мне следующее:

"Важно отметить, что когда я оказывал воздействие на испытуемую в форме мысленного приказа "Засыпайте!", "Спите!", то последний был всегда безрезультатен. Но при моём зрительном представлении образа и фигуры заснувшей М. (или же проснувшейся М) эффект всегда был положительным".

Полнее всех других авторов сформулировал условия телепатической индукции последователь проф. Платонова врач-психотерапевт К.Д.Котков. В опытах мысленного усыпления и пробуждения уже упоминавшейся в предыдущей главе испытуемой д-р Котков применял следующие методические приёмы.

"Я садился в удобное кресло, в абсолютной тишине. Закрывал глаза. Мысленно я шептал своему объекту слова внушения: "Спи! Спи! Спи!". Это я назову первым фактором мысленного внушения.

Второй фактор. Я до галлюцинаторности или самой яркой сновидности представлял себе образ объекта. Я рисовал её в своём воображении глубоко спящую, с занятыми глазами.

И, наконец, третий фактор. Я считаю его самым важным. Я назову его фактором хотения. Я сильно желал, чтобы девушка уснула. Наконец, это желание переходило в уверенность, что она уже спит, и в какой-то своеобразный экстаз торжества удачи.

Я сигнализировал этот момент и прекращал опыт. Время точно фиксировалось. Я ждал сигнала начать, пробуждение и проводил его по тому же методу. Снова сигнализировал о пробуждении объекта. Пробуждалась она также в момент моей сигнализации. Все эти три фактора действовали одновременно длительностью в 3 - 5 минут.

Объект приглашался на опыты под предложениями, которые не могли навести его внимание ни на какие догадки, зачем он приглашён. Во время опыта внимание девушки занималось максимально всем, чем только возможно было его занять. Ей не давалось возможности сосредоточиться на чём-либо самостоятельно.

Первые опыты были проведены в одном здании. Нас разделяло несколько комнат. Потом перешли к опытам, когда мы находились в разных концах города. Успешность была одинакова. Связь была так хорошо налажена, что не терялось ни одной минуты наблюдений. Всё фиксировалось самым точным образом.

Один только дефект в этой работе одинаково волновал всех участников опыта (проф. Желиховского, доцента Нормарка и автора этого письма. - Л.В.), это то, что девушка всё же была предупреждена об опытах. Но всё делалось так ловко и аккуратно, что об опытах она не знала. Это доказывалось тем, что она до самого последнего момента, до самого последнего опыта спрашивала нас, когда же наконец начнутся опыты с нею".

С течением времени вопрос о телепатической индукции осложнился новыми наблюдениями. Стало известно, что сплошь и рядом перципиенту передаются также и такие состояния сознания индуктора, которые последним вовсе не осознаются, оставаясь в глубинах его латентной (скрытой) памяти.

Это утверждается большинством современных исследователей мысленного внушения; но и в старинной литературе вопроса можно найти некоторые данные, подтверждающие этот взгляд. Ещё Рише наблюдал следующий любопытный факт. Однажды, желая передать своему испытуемому возможно более трудное задание, Рише стал перелистывать справочник, содержащий

список фамилий французских писателей и поэтов. Стараясь выбрать фамилию малоизвестную, он остановился на поэте Легуве, но попутно его внимание задержалось на Жозефе Шенье. Это имя мелькнуло в сознании и тотчас погасло. Рише сосредоточил своё внимание на фамилии Легуве, но испытуемый совершенно неожиданно дал ответ: Жозеф Шенье. Телепатически переданным оказалось не то, что передавалось сознательно, а то, что вскользь мелькнуло в сознании индуктора, с тем чтобы тотчас же погрузиться в область его подсознательного.

На Афинском конгрессе психических исследований (в 1930 г.) д-р Танагра посвятил этому вопросу целый доклад, в котором со всей решительностью утверждал, что гораздо чаще, чем можно думать, перципиенту передаётся не сознаваемое содержание психики индуктора, а латентное, подсознательное. Танагра привёл ряд примеров из своих опытов с известным греческим перципиентом Констанцией, которая во время опытов находилась в гипнотическом сне. Вот один из примеров.

Индуктор, некая г-жа Кисса, мысленно представила себе трагическую сцену, которая разыгралась в дни её молодости. Много лет назад на званом вечере в доме её родителей скоропостижно скончался один из гостей. Тело перенесли в соседнюю комнату и положили на кровать. Во время опыта Констанция подробно описала всю эту сцену, причём заявила, что среди присутствовавших был ребёнок 8 - 10 лет. Г-жа Кисса отрицала присутствие ребёнка. Но когда она рассказала

об этом опыте своему уже взрослому сыну, он вспомнил, что, действительно, был разбужен поднявшейся в доме суматохой и видел, как труп перенесли в ту комнату, где он сам находился. Таким образом, присутствие сына, совершенно забытое индуктором, было воспринято перципиентом с меньшей яркостью, чем сознательно переживаемые образы прошлого.

Приведя ещё три таких случая, д-р Танагра приходит к заключению, что концентрировать внимание на мысленно внушаемом объекте не обязательно для успеха опыта. Нередко одного взгляда, брошенного на предмет, бывает достаточно, чтобы с необычайной ясностью зрительный образ этого предмета передавался перципиенту, а в другой раз самого напряжённого сосредоточения внимания индуктора недостаточно, чтобы испытуемый воспринял посылаемую ему телепатему.

В современных количественных опытах, требующих быстрого накопления большого цифрового материала для статистической обработки, телепатическая индукция производится в течение всего нескольких секунд. Так, например, в известных опытах Соула перципиент должен был телепатически воспринимать карты, на которые последовательно и в определённом ритме (через каждые 2,6 секунды) взглядывал находившийся в соседней комнате индуктор. Этого было достаточно, чтобы получить сверхвероятный процент правильных ответов.

Я и мои коллеги по бехтеревской Комиссии по изучению мысленного внушения пришли к такому же заключению ещё в начале 20-х годов. В наших опытах было использовано 900 различных объектов (предметов, рисунков) для мысленной их передачи перципиенту, находившемуся за капитальной стеной в другой комнате. При индукторе и перципиенте находились наблюдатели, которые записывали каждое их слово. В этих опытах было замечено, что иногда перципиент воспринимает не фиксируемый взглядом индуктора мыслимо внушаемый объект, а какое-нибудь случайное зрительное впечатление, полученное индуктором. Вот один из многих тому примеров.

Объект фиксации - небольшой овальный портрет женщины под стеклом в тёмно-красной кожаной квадратной раме. Во время его фиксации взглядом индуктору бросилось в глаза отражение на стекле портрета нитей электрической лампочки, по своим очертаниям напомнившее ему латинскую букву "N", и он шепнул находившемуся при нём наблюдателю: "Наполеон, I; мелькнула буква эн". Через 25 секунд после этого замечания последовали слова перципиента, записанные его наблюдателем: "Пальма, венок, консул", а ещё через несколько секунд: "Вижу не то Наполеона, не то Веспасиана". Слышимость из одной комнаты в другую была комиссией тщательно проверена. Эта возможность была исключена.

Оптимальные условия телепатической перцепции

Переходим к вопросу об оптимальных условиях перцепции. Если в отношении телепатической индукции всё ещё остаётся спорным значение подсознательных (неподотчётных) переживаний, то в отношении перцепции дело обстоит значительно проще и яснее. В настоящее время мы имеем ряд доказательств в пользу того, что приёмником телепатемы индуктора в большинстве случаев является латентная (скрытая) психика перципиента. Об этом можно заключить по целому ряду соображений. Случаи спонтанной телепатии чаще всего и лучше всего происходят тогда, когда перципиент находится в состоянии или сна, или гипноза, или истерического транса, т.е. такого состояния психики, при котором подсознательные латентные переживания получают возможность легче проникать в сферу сознания.

В области экспериментальной телепатии германский исследователь д-р Брук наблюдал то же самое. Он показал, что опыты с данным перципиентом и данным индуктором удаются лучше при условии, когда перципиент находится в состоянии гипноза. Отсюда Брук делает решительный вывод о том, что сонное состояние и в случае экспериментальной телепатии является условием благоприятным. В новейшее время финский психотерапевт Ярл Фалер (Fahler) подтвердил это положение. Он количественным методом установил, что отдельные вспышки сверхвероятных результатов отгадывания игральных карт имеют тенденцию происходить при гипнотическом состоянии перципиента. Из шести наиболее выраженных сверхвероятных отклонений пять были получены в условиях гипноза.

В своём докладе на Варшавском конгрессе психических исследователей уже известный нам д-р Бругманс сделал попытку выяснить оптимальные условия телепатической перцепции при бодрственном состоянии испытуемого. Для того чтобы опыт удавался, испытуемый - известный Ван Дам, по собственному его заявлению, должен был приводить себя в состояние пассивности (*l'etat passif*), образовав так называемую "пустотность сознания". Это состояние Ван Даму не всегда удавалось у себя вызвать, тогда опыты бывали менее удачны.

Второе условие, выдвинутое Бругмансом и Ван Дамом, - это состояние контакта, "телепатического рапорта" между перципиентом и агентом (об этом будет сказано в шестой главе).

Наконец, последнее условие Ван Дам обозначает словами - "состояние удачи". В тех случаях, когда опыт удавался, перципиент, ещё не зная об этом, переживал "эмоцию успеха", чувство своеобразной удовлетворённости. По заявлению д-ра Коткова, "экстаз торжества удачи", как мы помним, иногда бывает и у индуктора.

Резюмируя сказанное о телепатической перцепции, мы можем заключить, что все те состояния сумеречного сознания, при которых латентная психика пробуждается и подходит к порогу сознания, являются благоприятными для телепатической перцепции.

То, что подсознательное является как бы резервуаром, в который вливается передаваемая телепатия, может быть доказано ещё рядом других соображений. Об этом прежде всего говорит существование отсроченной телепатической перцепции. Что это значит? Допустим, я произвожу мысленное внушение перципиенту: он ничего не воспринял, опыт как будто бы не удался, но иногда, уже по окончании опыта, у перципиента вдруг выплывает в сознании тот самый образ, который ему внушался. Это и есть отсроченная, иначе следовая, телепатическая перцепция. Явления такого рода могут иметь одно только объяснение: в то время, когда производился опыт, подсознательные переживания перципиента не достигали порога сознания; но стоило испытуемому прийти в состояние, более благоприятное для проявления латентной памяти, как телепатически воспринятый образ тотчас же появился. Таким состоянием часто бывает дремота, предшествующая засыпанию или пробуждению ("просоночное" состояние психики).

Уже упомянутая бехтеревская комиссия пришла к заключению, что задержка в выявлении мыслей внушаемого образа у некоторых перципиентов имела характер случайного явления, но у других казалась постоянным их свойством. Задержку иногда удавалось вызвать у перципиента искусственно, поставив опыт следующим образом. В словесно вызванном гипнотическом сне перципиенту внушалось, что после пробуждения он будет воспринимать мысленно внушаемые ему образы только через определённое время, например с момента

возложения на его голову головного убора (роль головного убора, разумеется, мог играть и всякий другой не слишком сильный раздражитель). И действительно, телепатическая перцепция оказывалась после этого отсроченной, скрытой до наступления указанного момента. Перципиент давал правильные ответы только после того, как на его голову надевался головной убор. В этом явлении можно усмотреть своеобразную аналогию с образованием запаздывающего, условного рефлекса.

Тридцать лет спустя такое же запаздывание в условиях своей количественной методики наблюдал и проф. Соул. Статистическая обработка результатов очень большого числа опытов показала, что перципиент правильно называл не только, ту карту, на которую индуктор смотрел в данный момент ("карту-цель"), но не менее, часто угадывал и предшествовавшую ей "карту-1". Тот и другой результат оказался статистически достоверным. Первый мог быть выражением перцепции, одновременной (синхронной) с мысленным внушением индуктора; второй - перцепции отсроченной (асинхронной).

Приведём и второе соображение. Как при спонтанной, так и при экспериментальной, телепатии перципиентом чаще воспринимается не сам передаваемый образ, не содержание телепатеи индуктора, а только реакция на телепатею - либо в виде эмоции, либо в виде побуждения к действию, либо в виде зрительного образа, представления, связанного с телепатею индуктора. Это показывает, что в каких-то

глубинах психики передаваемая телепатема перципиентом уже уловлена, но по каким-то причинам не может выйти в его сознание. Находясь в подсознании, она действует на сознание, беспокоя его неизвестно откуда берущимися чувствами, влечениями или образами.

Наконец, ещё третье соображение: очень часто переданная телепатема агента не реализуется в сознании испытуемого с полной точностью; часто она оказывается символически переработанной психикой перципиента, причём характер этой символики напоминает тот, какой мы имеем в сновидениях. Получается впечатление, как будто психический механизм переработки дневных впечатлений в сновидения имеет такой же характер, как и механизм переработки телепатеи индуктора в телепатеу перципиента. Для парапсихолога различные случаи переработки, искажения телепатеи психикой перципиента имеют поэтому, пожалуй, даже больший интерес, чем редкие случаи полной и точной её передачи.

В этой связи следует вспомнить высказывание уже упоминавшегося французского парапсихолога Дезуаля. Он указывает, что могут существовать четыре пути для осуществления передачи мысли от индуктора А перципиенту Р. Эти четыре пути таковы:

1) прямая передача от сознания А сознанию Р (это бывает тогда, когда телепатема перципиента в точности соответствует телепатеи индуктора);

2) передача от сознания А сперва подсознанию Р, а затем его же сознанию (когда проявление телепатемы перципиента отсрочено или когда она значительно отличается от телепатемы индуктора);

3) передача от сознания А своему собственному подсознанию, а затем уже сознанию Р (например, в приведённых в этой главе опытах с мысленным внушением фамилии Легуве и женского портрета);

4) передача от сознания А сперва своему подсознанию, затем подсознанию Р и через него сознанию Р (рис.3).

В настоящее время, замечает Дезуаль, трудно решить, какой именно из этих путей является действительно существующим, но многое говорит за то, что наиболее вероятной следует считать последнюю (4-ю) схему. Приведённые в этой и предшествующих главах опыты показывают, что все четыре схемы реальны; вопрос в том, в каких случаях реализуется преимущественно та или другая из них.

В монографиях зарубежных исследователей телепатии опубликовано огромное число иллюстраций, изображающих результаты опытов по мысленному внушению различных рисунков. В легко доступных советскому читателю изданиях недавно были приведены образчики таких рисунков, заимствованные из передачи внушения на расстоянии работ д-ра Брука и писателя Эптона Синклера. Здесь мы

воспроизводим образчики мысленно внушенных рисунков из статьи первого русского исследователя таких рисунков приватдоцента Я.Жука. В его опытах внушающий брал наудачу рисунок из числа заранее заготовленных и внимательно всматривался в него, а отгадчик, не видя рисунка, старался воспроизвести его на листе бумаги, рисуя то, что приходило ему в голову. На табл. 4 представлены "внушенные ответы", которые Я.Жук считал удачными (а - рисунки, внушавшиеся индуктором; в - рисунки, воспроизведённые перципиентом).

На табл. 5 представлены частично удачные, по мнению Я.Жука, "внушённые ответы". Индуктор внушал изображение зайца (а); перципиент сперва изобразил линию спины (в), затем попытался нарисовать голову (с), потом - переднюю лапу (d) и ухо (е). Это пример разложения на отдельные части и упрощения перципиентом внушаемого ему зрительного образа. На двух следующих рисунках Я.Жук приводит примеры усложнения внушаемого образа добавочными деталями: внушается цветочная корзина (а), а воспринимается круглый столик со свисающими с него штрихами и рядом какое-то добавление (в); в другом случае внушался крест (а), воспринят тот же крест, но с добавочным очертанием сердца (в). Наконец, в последнем представленном опыте внушалось изображение топора (а); перципиент изобразил кружку, которая по очертанию напоминает топор, а вставленная в кружку палка похожа на топориче. В этом можно усмотреть смещение частей внушаемого рисунка или же признать внушение неудавшимся.

Жук был едва ли не первым исследователем, который стал изучать ошибки и искажения в телепатически воспринимаемых зрительных образах. Желая выяснить причину таких искажений, он произвел ряд следующих опытов. Выбрав какой-нибудь рисунок из числа тех, на которые уже был получен "внушённый ответ", он показывал его издали "на один миг" перципиенту; тот рисовал, что успел разглядеть. Полученные таким образом "зрительные ответы" Я.Жук сличал с "внушёнными ответами". Оказалось, что ошибки и искажения в зрительных и внушённых ответах были часто почти одинаковы. На последней таблице зрительные ответы на рис. 10, 11 и 12 обозначены буквами с и d. Как видно, они действительно имеют большее сходство с "внушёнными ответами" (в), чем с самими показываемыми "на миг" рисунками (а).

На основании этих опытов Я.Жук склонялся к той мысли, что мысленное внушение воспринимается перципиентом посредством какого-то ещё не открытого органа чувств. Это предполагаемое скрытое чувство было впоследствии названо Шарлем Рише "криптэстезией" (*cryptesthesie*), или "шестым чувством". Как известно, одни органы чувств расположены снаружи и воспринимают раздражения, действующие извне; их называют экстерорецепторами. Другие рецепторы находятся внутри организма, в различных внутренних органах, кровеносных сосудах, мышцах и пр.; это - интерорецепторы. Но независимо от местоположения все органы чувств находятся вне центральной нервной системы, на "периферии" тела, от них начинаются все рефлекторные дуги. Рецепторы

передаваемого мысленного внушения, если они существуют, тоже должны находиться где-либо на поверхности тела или внутри него, но только не в самом мозге.

Вслед за Рише (и нашим Я.Жуком) современные французские парапсихологи придерживаются такой же периферической, иначе рефлекторной, теории телепатической перцепции. Один из них, Херумьян, подчёркивая принципиальное значение ошибок и искажений в телепатической перцепции зрительных образов, высказывает весьма здравую мысль:

"Спиритуалистам объяснить эти ошибки труднее, чем материалистам. В самом деле, почему дух, освобождённый при явлениях телепатии от уз времени и пространства (как полагают спиритуалисты. - Л. В.), забавляется тем, что делает ошибки? Это непостижимо. Но если видеть в телепатических способностях не более чем особое органическое чувство, сравнимое с другими нашими чувствами, то ошибки и неудачи телепатических опытов перестанут нас удивлять. Ведь и всем известным нам органам чувств свойственны разные недочёты в их воспринимающей деятельности".

Другого воззрения придерживаются преимущественно американские и английские парапсихологи. Они считают, что мысленное внушение передаётся непосредственно от мозга индуктора к мозгу перципиента без участия каких-либо органов чувств. Такой именно смысл имеют употребляемые ими термины - "внечувственное восприятие" (Extrasensory Perception), "умственное или мозговое радио" (Mental radio) и

т.п. Они ищут клеточные структуры, могущие воспринимать телепатическое воздействие, внутри самого головного мозга, в составляющих его нейронах.

Эти два направления тесно связаны с энергетическими теориями внушения на расстоянии, с которыми читатель познакомится в X и XI главах брошюры.

ТЕЛЕПАТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ

Переходим к следующему вопросу - вопросу о телепатической связи между индуктором и перципиентом или о "телепатическом раппорте". В гипнологии под раппортом понимается связь погружённого в гипноз испытуемого с окружающей его обстановкой и в частности с гипнотизёром. Чем глубже засыпает гипнотик, тем более суживается его связь с окружающим. В глубоком гипнозе он не сознает того, где находится, кто и что его окружает, не отвечает на вопросы присутствующих, но зато с особой чуткостью воспринимает всё то, что относится к гипнотизёру, хорошо слышит его голос, отвечает на каждый вопрос, подчиняется каждому словесному внушению. Это и называется "изолированным раппортом" (в отличие от первоначальной неизолированной, обобщенной связи со всем окружающим).

То же самое можно сказать и о телепатической связи между индуктором и перципиентом: она также почти всегда бывает более или менее изолированной, необобщённой. Как бы хорош ни был индуктор, как бы ни был сенситивен перципиент, этого ещё недостаточно, чтобы опыты

мысленного внушения были успешны. Необходимо ещё, чтобы индуктор находился в какой-то связи, в каком-то ещё недостаточно изученном личном соотношении с перципиентом, нужна, как выражаются некоторые авторы, "сонастроенность" психики агента с психикой перципиента. В самом деле, если бы этого не было, какой хаос царил бы в нашем сознании при наличии ничем не ограниченных телепатических влияний. Каждую минуту на земле умирают десятки тысяч людей, каждый момент с кем-нибудь происходит то или иное потрясающее событие. Если бы всё это телепатически передавалось всем и каждому, то вся наша психика была бы переполнена приходящими со всех сторон телепатемами. Наш собственный поток сознания был бы до крайности ими засорён.

Но этого нет; нет потому, что требуется какое-то особое избирательное соотношение между мозгом и психикой индуктора и мозгом и психикой перципиента для того, чтобы телепатическая связь могла бы осуществиться. Об этом говорят нам приведённые во второй главе случаи спонтанной телепатии, например рассказ А.Е.Миллер. При постановке опытов мысленного внушения большое значение имеет выбор так называемой "телепатической пары": кому быть индуктором, кому - перципиентом. От удачи этого выбора во многом зависит успех опытов.

Наличие телепатической сонастроенности отчётливо выявилось в многолетних исследованиях французского парапсихолога Варколлье. Бывает так, что индуктор мысленно

внушает сразу двум-трём перципиентам какую-нибудь фигуру, скажем, две параллельные линии, но из этого ничего не выходит: первый перципиент начинает рисовать фигуру совсем другого рода, например с круг с вписанным в него треугольником, а за ним то же самое зарисовывает и второй перципиент. Если сговор между этими двумя перципиентами исключён (за это ручается Варколлье), то как же понять это явление? Ясно, что телепатического раппорта между агентом и первым перципиентом в данном случае нет, между агентом и вторым перципиентом тоже нет, и что неожиданно проявился раппорт между двумя перципиентами, из которых первый оказался хорошим индуктором для второго. Это подтвердилось и последующими опытами с двумя данными испытуемыми.

Установлено, что есть лица, более других способные оказывать мысленное внушение (телепатические агенты или индукторы), и лица, более других способные воспринимать мысленное внушение (телепатические перципиенты). Нельзя отрицать и существования более или менее удачных сочетаний хороших агентов с хорошими перципиентами (телепатических пар). Укажу на серию опытов проф. Соула, убедительно подтвердившую это положение. В проведении этой серии участвовали несколько агентов и только один перципиент. Каждый агент получал пакет, содержащий 25 предварительно перемешанных карт с пятью уже известными нам фигурами, повторявшимися 5 раз. Агенты одновременно вынимали карту за картой и одновременно мысленно внушали перципиенту - каждый свою, фигуру, изображённую на вынутой карте. В этой

долго длившейся серии опытов только один агент получил выдающийся результат, намного превосходивший тот результат, какой следовало ожидать по теории вероятностей. Другие агенты не превысили этого ожидаемого результата, хотя с другими перципиентами им удавалось получать хорошие результаты.

Что обуславливает наличие "телепатической сонстроенности" в одних случаях и её отсутствие в других? На этот вопрос бросают некоторый свет опыты того же Соула, о которых уже упоминалось в предыдущей главе. Способность к телепатической перцепции по своей природе чрезвычайно изменчива; даже в течение одного опыта она периодически то повышается, то убывает. В опытах Соула внушаемые объекты (карты с теми или иными изображениями) сменялись ритмично, через короткие интервалы времени. Оказалось, что лучший перципиент проф. Соула, некий Шеклтон, удачно отгадывал карты, когда агент вынимал их из колоды с интервалами в 2,6 секунды. Когда агенту предлагалось производить мысленное внушение тех же карт в замедленном ритме - через каждые 5 секунд, получалась полная неудача. Кроме того, медлительность нового ритма так раздражала перципиента, что он в конце концов отказался продолжать опыты в таких условиях.

Эти наблюдения позволили Соулу заключить, что успех опытов с восприятием ритмически посылаемых мысленных внушений зависит от соответствия двух ритмов: ритма посылов внушений агентом и ритма благоприятных для

восприятия моментов у перципиента. Когда эти ритмы совпадают - опыты хорошо удаются, когда же не совпадают - опыты не удаются.

С этим указанием солидарны и современные французские парапсихологи Варколлье и Херумьян. Они полагают, что "телепатическое созвучие" (l'accord telepathique) представляет собой особый род резонанса ритмически протекающих физиологических процессов в организме агента и перципиента, в частности биотоков коры мозговых полушарий. По их мнению, наличие такого резонанса могло бы быть установлено сравнительным изучением электроэнцефалограмм агента и перципиента. Предполагается, что у хорошей телепатической пары ритмичные колебания биотоков коры мозговых полушарий протекают более синхронно, чем у плохой телепатической пары. Однако установить это ещё не удалось.

В некоторых случаях сочетание данного агента с данным перципиентом оказывается исключительно неудачным. В лаборатории Райна было показано, что некоторые телепатические пары при проведении с ними количественных телепатических опытов систематически давали такой процент неудач, который значительно выше, чем дала бы простая случайность. Такое "отклонение результатов в отрицательную сторону", если бы оно оказалось статистически достоверным, можно было бы назвать "телепатией с отрицательным знаком". В психиатрии аналогичное явление называется "негативизмом". Некоторые душевнобольные проявляют как

бы извращённую внушаемость: они не только не подчиняются велениям лечащего врача, но всё делают наоборот - упорно молчат, когда их расспрашивают, без умолку болтают, когда их просят помолчать, и т.п.

Читатель уже знает, что в некоторых случаях, мысленного внушения индуктор чувствовал, что опыт удался ("экстаз торжества удачи" д-ра Коткова), а в других случаях "чувство удачи" переживал перципиент (Ван Дам). Эти наблюдения указывают на то, что телепатическая связь иногда имеет подотчетный и двусторонний характер: индуктор направляет своё мысленное внушение на данного перципиента и иногда чувствует, возымело ли оно своё действие или нет; перципиент иногда чувствует это воздействие и даже узнаёт, кто именно в данном случае был индуктором. В подтверждение этих важных положений можно привести ряд наблюдений и опытов.

Индуктор должен знать то лицо, на которое он направляет своё мысленное внушение. Телепатема без определённого адресата, как правило, не доходит. В зарубежных странах неоднократно делались попытки произвести массовое мысленное внушение всем и каждому, но такие попытки не дали положительного результата. С этой целью в Англии физиком Лоджем была использовала широкоэвещательная радиостанция. К слушателям радио, была обращена просьба, в определенный час и минуту записать то, что им придёт в голову. В трёх сериях таких опытов из пяти доводился до сведения слушателей общий характер внушаемого задания, в

двух остальных этого не делалось. Было получено около 25 000 ответов, из которых только очень немногие отдалённо напоминали внушавшиеся задания. Результат не превысил то, чего можно было ожидать по теории вероятностей. Такой же опыт был затем повторён в Чикаго (США) парапсихологом Мерфи (Murphy) и с тем же отрицательным результатом.

По собственным опытам мысленного внушения засыпания и пробуждения мне известно, что индуктор может не знать, где и в какой обстановке находится во время опыта перципиент, но индуктор должен настолько знать перципиента, чтобы иметь возможность ярко представить себе его внешний образ. Более того, нам неоднократно удавалось по жребию мысленно усыплять из дальней комнаты одну из двух перципиенток, причём другая, находившаяся рядом с первой, продолжала бодрствовать. Это явление было названо нами "избирательной направленностью телепатемы индуктора".

Много интересного дал нам опрос перципиентов, приведённых мысленным внушением в состояние гипнотического сна. Он позволил нам сделать следующие заключения.

1. Получается впечатление, будто мысленное внушение сна или бодрствования воспринимается испытуемой тотчас же, но реализация уже воспринятого внушения более или менее отсрочивается благодаря наличию своеобразного противодействия, сознательного или подсознательного характера. Заметим, что такое же сопротивление приказу

гипнотизера иногда наблюдается и при обычном (словесном) внушении.

2. Опрос показывает, что испытуемая субъективно воспринимает какую-то связь с индуктором, символически обозначая её то "нитью", то "разматывающимся клубочком" и т.п.; нередко она воспринимает мысленное внушение как приказ, передаваемый ей по телефону. Эти детали, разумеется, не могут нам дать представления о характере энергетического влияния индуктора на перципиента, но с психологической стороны они заслуживают внимания.

3. Тот же опрос даёт основания предполагать, что испытуемая не только ощущает своеобразную связь с индуктором, но и узнаёт, кто из экспериментаторов действует на неё мысленным внушением.

Приведу полностью протокольные записи, относящиеся к одному из этих опытов.

"Испытуемая Федорова прибыла в лабораторию в 9 час. 30 мин. и для отдыха перед опытом была введена в комнату (В). В это время пришёл проф. Васильев, к которому в другую комнату (А) перешёл Томашевский, находившийся перед этим при испытуемой. При обсуждении условий предстоящего опыта возник следующий план: испытуемая помещается в камеру, находящуюся в комнате В; при ней в качестве наблюдателя остаётся Томашевский; Васильев, ни разу перед этим не усыпавший эту испытуемую ни мысленно, ни

словесно, сделает вид, что уходит из лаборатории; на самом же деле он вернётся в отдалённую комнату (А), с тем чтобы в неизвестный для наблюдателя (Томашевского) момент начать мысленное усыпление.

Задуманный план был приведён в исполнение. В 9 час. 55 мин. испытуемая вошла вместе с Томашевским в камеру. Васильев инсценировал свой уход из лаборатории и перешёл в отдалённую комнату. Наблюдатель в течение всего опыта опрашивал испытуемую, занося свои вопросы и её ответы в протокол. В 9 час. 58 мин. индуктор (Васильев) приступил к мысленному внушению сна. В 10 час. 00 мин. испытуемая погрузилась в гипноз.

И-ая: "Не надо больше..."

Н-ль: "Кто Вас усыпил?"

И-ая: "Вы... Сегодня хорошо усыпляет..."

Н-ль: "Кто усыпляет?"

И-ая: "Томашевский".

Н-ль: "А ещё что приходит Вам в голову?"

И-ая: "Васильев лезет в голову... Как уснула, так он вспомнился, а сейчас лезет в голову..."

В 10 час. 18 мин. индуктору (Васильеву) пришла мысль передать испытуемой образ птицы, которую он представил себе в виде кондора или грифа. Приблизительно в то же время наблюдатель задаёт испытуемой вопрос:

- Скажите, что приходит Вам в голову?

И-ая: "Он хорошо показывает..."

Н-ль: "А кто он?"

И-ая: "Васильев, его глаза торчат..."

Непосредственно вслед за этим:

- Петух... Теперь я его вижу. Он сидит за столом, за круглым (индуктор действительно сидел за круглым столом).

- Это он у меня всё отнял...

Н-ль: "А кто Вас погрузил в гипноз?"

И-ая: "Значит, он и погрузил... Он очень сковал..."

В 10 час. 35 мин. индуктор переходит в комнату испытуемой и входит в железную экранирующую камеру. В 10 час. 40 мин. индуктор начинает мысленно пробуждать испытуемую.

И-ая: "Посиди там... Он наматывает клубок... Да хватит... профессор Васильев, бросьте... Что же, придётся проснуться... Мне не охота... Ну, ладно, хватит..."

В 10 час. 41 мин. И-ая: "Надоело... Васильев там (указывает по направлению экранирующей камеры), там сидит... Как надрывается бедный... Я же слышу..."

В 10 час. 43 мин. испытуемая просыпается. В 10 час. 43,5 мин. индуктор (против обыкновения тотчас же после пробуждения испытуемой) приступает к вторичному внушению сна.

И-ая: "Что-то не то..." В 10 час. 46 мин. засыпает".

Наиболее существенным в этом опыте является, как нам кажется, не только то, что испытуемая узнала индуктора, хотя он, повторяем, за два года знакомства с испытуемой ни разу не пробовал её усыпить, но ещё и то, что испытуемая в течение всего опыта вполне точно регистрировала поведение индуктора и место его пребывания.

Итак, по данным наших опытов, между индуктором и перципиентом устанавливается не односторонний, а двусторонний раппорт: с одной стороны, индуктор должен направлять внушение именно на данного перципиента; с другой стороны, перципиент узнаёт по воспринимаемой им телепатеме, кто в данный момент выполняет роль индуктора.

Этот наш результат находит поддержку в исследованиях предшествующих авторов. Лондонскими исследователями феноменов спонтанной телепатии уже давно были описаны случаи, когда перципиент телепатически воспринимал переживания индуктора, а индуктор в тот же момент, и также телепатически, воспринимал ту ситуацию, при которой в данный момент перципиент находился.

Нечто подобное наблюдал в своих опытах и московский физик, ученик акад. Лазарева, С.Я.Турлыгин. В своей статье "Излучение микроволн (2 мм) организмом человека" он пишет:

"Испытуемая (Ч.) заявила нам, что она прекрасно чувствует, когда индуктор "работает", и может определить момент его работы. Чтобы проверить это заявление, мы проводили опыты следующим образом. Поместив гипнотизёра-индуктора в будку, патрубком которой был затянута папиросной бумагой, и расположив испытуемую на расстоянии 2 м на стуле перед патрубком, мы начинали очередной опыт, продолжая его до первой ошибки испытуемой. Условный сигнал индуктору - работать или нет - давался бесшумно натягиваемой нитью. Начало опытов шло обычно удачно: испытуемая быстро давала безошибочные ответы, работает или не работает индуктор. Но с течением времени ответы, как правило, постепенно замедлялись от усталости. В контрольном опыте последний правильный ответ был дан на 35-й минуте. Это был 17-й правильный ответ. Следует отметить, что продолжительность в 35 - 40 минут принималась нами за предельную, в

особенности в том случае, если сознание испытуемой активно участвовало в опыте. Если считать, что ответы испытуемой случайно совпали со всей нашей совершенно произвольной сменой последовательности "работы" и "неработы", то вероятность такого события была бы при 17 непрерывных правильных ответах такой:

$$n = 1/P_{17} = 1/(1 \times 2 \times 3 \dots 15 \times 16 \times 17) = 1/(3,55 \times 10^{15})$$

$$n = 2,8 \times 10^{-16}$$

т.е. такой случай был бы совершенно невероятным: один положительный шанс против трёх с половиной миллиардов миллионов шансов отрицательных".

Надо твердо помнить, что телепатическая связь - это не только воздействие на расстоянии одного организма на другой; сверх того - это особый род информации, присущий, по крайней мере, некоторым видам живых существ. Одно существо информирует другое о каком-либо воспринятом им событии, полученном впечатлении, переживаемом чувстве, желании и т.п.

Отчётливее всего информационный характер выражен во многих случаях спонтанной телепатии: перципиент в этих случаях полностью или хотя бы частично сопереживает с агентом то, что с ним (агентом) происходит. Информационный элемент довольно отчётливо, но уже с частыми искажениями выражен в опытах мысленного внушения, проводимых по сенсорной методике, особенно при

непосредственной передаче рисунков, зрительных образов вещей, слов или чисел. Даже в опытах с применением моторной или гипногенной методики мысленного внушения информационный элемент ещё присутствует хотя бы потому, что перципиент часто узнаёт, кто именно его усыпил или заставил произвести определённое движение. Но бывают и такие проявления биологической связи на расстоянии, при которых информационный элемент почти сходит на нет. В этих случаях перципиент не осознает воздействия, получаемого им со стороны агента; никакого познавательного содержания само воздействие в этих случаях не имеет, а потому не может быть названо осведомлением, информацией. К этому мы ещё вернемся в восьмой главе.

ТЕЛЕПАТИЧЕСКАЯ ОДАРЁННОСТЬ

Лица, впервые знакомящиеся с явлениями мысленного внушения и спонтанной телепатии, обычно задают вопрос: "Почему только некоторые, немногие люди одарены этой удивительной способностью? Почему с нами никогда ничего подобного не было? Не странно ли это? Ведь другие психические способности присущи всем людям без исключения". На это можно ответить: да, присущи всем людям, но в какой различной степени! Возьмём, например, способность к устному счёту. В Бехтеревском институте мозга автору довелось участвовать в обследовании феноменального счетчика Араго. Представьте себе классную доску, на которой кто-либо из присутствующих пишет колонку из 10 - 12 пятизначных или шестизначных чисел. Требуется подсчитать сумму написанных, чисел. Араго делал это с невероятной

быстротой. Едва кинув взгляд на доску, он буквально "выпаливал" ответ с такой скоростью, что его едва удавалось записывать. "Простой же смертный" выполнял эту счётную операцию с мелом у доски не раньше чем за несколько минут, да и то нередко с ошибками. Замечательно, что феноменальная способность к устному счёту проявляется у таких одарённых счётчиков как бы в готовом виде, обычно очень рано - ещё в дошкольном возрасте.

Райн, основываясь на своём большом опыте, утверждает, что и телепатическая способность в какой-то мере присуща всем людям, но в заметной форме она проявляется только у немногих лиц, да и то далеко не всегда, а лишь в отдельные периоды жизни, чаще в молодости чем в зрелые годы. Зарегистрировано несколько случаев очень раннего проявления телепатической одарённости. В одном научном французском журнале сельским врачом Жеаном (Jean) описан удивительный случай спонтанной телепатии, относящийся к детскому возрасту.

"Лет 12 тому назад я лечил в моей деревне мальчика, лет семи от роду. Однажды утром меня спешно вызвали к нему. Мать с ужасом рассказала, что у ребёнка внезапно появился бред. Он проснулся в обычный час, и всё, казалось, шло хорошо. Но вдруг, около 10 часов, ребёнок приподнялся на постели, испуганный галлюцинацией. Он везде вокруг себя видел воду и стал кричать и звать на помощь, утверждая, что отец его тонет. Отца в деревне не было, он уехал в Ниццу, где жил его брат, и намеревался провести там несколько дней. Когда я, -

продолжает д-р Жеан, - пришёл, малыш уже успокоился, но продолжал утверждать, что видел, как отец его утонул. Скоро была получена телеграмма от брата, вызывавшая в Ниццу вдову (каковою она в то время уже была). В Ницце мать мальчика узнала, что её муж утонул утром, около 10 часов, пытаясь оказать помощь своему брату, у которого во время купанья сделалась судороги".

Для того чтобы по возможности очистить результаты опытов мысленного внушения от наслоений и искажений, вносимых в них сознанием перципиента, его подсознательными влечениями, сексуальной символиккой и пр., такие опыты в зарубежных странах теперь нередко проводятся на детях разного возраста и на умственно или физически отсталых взрослых. Иногда эти опыты дают очень чёткие и показательные результаты. Однако всего чаще и заметней телепатическая одарённость проявляется в юношеском возрасте, в период полового созревания. У нашей корреспондентки Л.Е.Миллер телепатическая способность проявилась дважды в 16 - 17 лет и больше уже не повторялась; у Б.Шабера - в 15 лет (см. гл. II). К старости эта способность почти всегда, иссякает. Нам известен, однако, случай редкой устойчивости способности к телепатической перцепции, многократно проявлявшейся в течение всей жизни (с 14-летнего возраста). Приведу ещё один ценный "человеческий документ" - письмо уже известной читателю С.А.Агеносовой, пересланное мне редакцией латвийского журнала "Наука и техника".

"Во втором номере журнала "Наука и техника" за 1961 год опубликована статья Анфилова "Передача мыслей - возможна ли она?". Вот по этому поводу мне и хочется поделиться некоторыми непонятными, необъяснимыми фактами. Чтоб не казалось то, что я пишу, вымыслом, считаю нужным дать некоторые данные о себе: я учительница, член КПСС, мало этого, я секретарь партийной организации. Хотя мне, может быть, и так вы поверите, но эти данные исключают ложь.

Я жила в г. Якутске. В 1916 году 1 февраля у меня умер отец, незадолго до этого получивший право выезда из Якутска, куда он был сослан. 31 января мы получили от него из г. Иркутска поздравительную телеграмму (по случаю дня рождения моего брата). В пять часов утра я увидела сон, будто отец умер и лежит на столе... Я сказала об этом мачехе (мама у меня умерла, и была мачеха), она меня отругала. А днём получили телеграмму, что папа в пять часов утра скончался...

В Великую Отечественную войну муж и старший сын были на фронте. Я не знала, конечно, ничего, кроме номеров полевых почт, которые у обоих были разными. И вдруг я увидела во сне, будто муж и сын встретились. Написала об этом и мужу, и сыну, и вскоре получила от них письма, датированные этим же числом, что они действительно встретились на фронте...

Все более серьёзные случаи в жизни моей семьи я обычно вижу во сне. Сын был контужен - я это знала. У мужа появилась другая женщина - я увидела её во сне...

Я не помню более или менее серьёзного случая, происшедшего в моей семье или в семьях моих детей, о которых я бы не знала накануне, в этот же день, но, конечно, до того момента, когда я это видела или слышала. Говорить об этом бывало стыдно, не к лицу коммунисту, но это именно так. Некоторые "объясняют" свои сны (вроде того, что увидела ягоды - плакать будешь), я же никогда не искала объяснений своим снам, ибо видела именно так, как это случилось; часто видела именно то место, где это происходило.

Может быть, моё письмо поможет учёным найти объяснение. Одного хочу, чтоб фактам, мною сообщённым, верили, это так! Агеносова София Александровна, Нижний Тагил" (далее следует адрес).

Не лишним будет заметить, что такой же возрастной ход изменений известен и для обычной словесной внушаемости: она слабо выражена у очень маленьких детей, увеличивается в отроческом возрасте, достигает наибольшего развития в возрасте юношеском, а затем постепенно снижается, сходя на нет в старости.

Способность к телепатической перцепции по своей природе чрезвычайно изменчива; даже в течение одного опыта у данного перцепиента она то повышается, то убывает. Нахождению способных агентов и перцепиентов, подбору телепатических пар, дающих устойчивые результаты в опытах мысленного внушения, придаётся теперь большое значение. Производятся разносторонние обследования выдающихся

перципиентов и агентов с применением психотехнических тестов, различных физиологических и медицинских методик. Изучается влияние на проявление телепатических способностей фармакологических веществ, возбуждающих или угнетающих нервно-психическую деятельность человека (установлено, что первые повышают, а вторые понижают эти способности). Установлено, что интерес агента и перципиента к проводимым опытам заметно улучшает их результаты. Когда с течением времени опыты начинают участникам надоедать, результаты резко снижаются. Оказывают влияние и такие трудно регулируемые факторы, как личное настроение участников опыта, отношение их к экспериментатору и к присутствующим на опытах лицам (особенно незнакомым и скептически или насмешливо настроенным).

Это вполне естественно. Гипнологи давно уже знают, что все перечисленные факторы не остаются без влияния и на результативность обычного словесного внушения, производимого гипнотизёром бодрствующим испытуемым. Напрасно скептики (тот же Дж. Прайс и др.) иронизируют над тем, что в присутствии враждебно, скептически настроенных зрителей опыты мысленного внушения обычно не удаются. Почему, спрашивают они, самые строгие экзаменаторы не препятствуют экзаменуемому успешно сдать экзамен, а скептики мешают перципиенту проявить свои телепатические способности? Мы думаем потому, что мыслительные процессы, ответственные за правильность ответов экзаменуемого, всегда подотчётны его сознанию и воле, тогда как процессы, осуществляющие мысленную индукцию и перцепцию, часто

бывают неподотчётны, подсознательны, неуправляемы волевым усилием.. Вряд ли можно против этого возражать.

Ещё один важный вопрос: упражняемы ли способности индуктора и перципиента? В практической психологии часто приходится иметь дело с тем же вопросом: упражняема ли та или иная нервно-психическая функция и в какой степени? Известно, что чисто сенсорные функции, например острота зрения и слуха, упражняемы мало; напротив, способность к моторным функциям высоко упражняема. Но упражняемы ли телепатические способности и в какой степени? Вопрос этот не разрешён. Однако можно привести серию довольно поучительных опытов, в которых упражнялись телепатические пары, т.е. агент и перципиент одновременно. Если верить автору одного такого исследования (А.К.Чеховскому), результаты получились весьма ободряющие: оказалось, что телепатические способности упражняемы в значительной степени. На приведенной диаграмме (см. рис. 6) изображены результаты. По оси ординат отмечается средний процент удачных опытов (телепатическое воспроизведение рисунков), а по оси абсцисс указаны количества произведённых опытов. Вертикальные линии нанесены через определённые интервалы времени (через каждые 50 опытов), причём по оси ординат отмечается средний процент удачных опытов за каждый данный интервал времени. Как видно, две первые кривые поднимаются довольно круто: если в начале процент удачных опытов равнялся 12%, то в конце тренировки он достигал очень большой величины - около 75% удачных опытов. Такая же картина видна и на третьей кривой, но здесь ход

тренировки более прихотлив: сначала подъём, затем падение до прежней величины; некоторое время кривая держится на низком уровне, а потом снова круто повышается.

Имеются, однако, указания, что высокая, недостижимая для "простого смертного" степень телепатической способности, как в отношении индукции, так и в отношении перцепции, бывает как бы врождённой. В литературе разбросаны сведения о лицах, которых можно назвать "телепатическими гениями". Достаточно назвать некогда знаменитую американку Пайпер (E.Piper), которая в отношении способности воспринимать телепаты стояла выше всех известных до той поры перципиентов. Многими заслуживающими доверия исследователями были зарегистрированы наблюдения такого рода: к ней приводили лиц, которых она заведомо не знала раньше. Когда ей задавали вопрос, сколько лет данному человеку, она совершенно точно определяла его возраст. Описание подобных случаев - не редкость в литературе вопроса. Однажды известный составитель "Толкового словаря великорусского живого языка" В.И.Даль, по специальности врач, присутствовал на опыте, где перципиенткой была молодая девушка, одарённая способностью к автоматическому письму. Даль задал ей вопрос, на который мог ответить только он сам: время рождения и смерти его сына от первой жены. Ответ был написан, но, как ему показалось, неправильный. Чтобы проверить свою память, Даль на другой же день перебрал свой архив со старыми календарями. Оказалось, что ошибся он сам, ответ же перципиентки был точен. Этот случай был тогда объяснён "сомнамбулической способностью

меднума бессознательно видеть прошедшее в памяти спрашивающего".

Если верны рассказы путешественников о способностях индусских йогов и тибетских лам, то у некоторых из них наблюдалась исключительно развитая телепатическая индукция, у других телепатическая перцепция. Первая якобы состояла в способности бессловесно внушать массовые галлюцинации не только своим же аборигенам, но и случайно присутствовавшим европейцам. Вторая способность (телепатическая перцепция) выражалась в той же форме, что и в опыте Даля. Вот заслуживающий внимания случай, рассказанный Аустинном Уодделем, участником английской интервенции 1903 - 1904 гг. в Тибете, учёным-филологом, знавшим тибетский язык, но весьма высокомерно относившимся к тибетцам. Англичанин описывает своё посещение оракула Кармашара в Лхассе.

"Комната оракула, тёмная каморка, во мраке которой, лицом к двери, сидит волшебник на кресле с подушками... Мне посчастливилось снять фотографию с тибетца, который выслушивал очень выразительный и полный пронизательного здравого смысла ответ провидца. Раньше чем я ушёл, священник посмотрел на меня острым взглядом и спросил:

- Сколько вам лет?

На мой ответ он быстро возразил:

- Нет, вам годом больше; вам столько-то лет. В эту минуту я вспомнил, что несколько дней тому назад был день моего рождения и что я достиг именно тех лет, на которые он указал".

Это похоже на телепатическую перцепцию оракулом содержания латентной памяти Уодделя, который оказался здесь в роли невольного индуктора.

Принято считать, что наилучшими гипнотизёрами бывают мужчины зрелого возраста, волевые и активные представители своего пола; гипнотизёры-женщины встречаются очень редко. Наилучшими гипнотиками, напротив, чаще бывают женщины и притом наиболее женственные. Соответственно этому большинством парапсихологов признаётся, что роль телепатического индуктора больше подходит мужчинам, а роль перципиента - женщинам. Если, следуя указаниям И.П.Павлова, подразделять людей на два типа - исследователей с преобладанием логического мышления и художников с преобладанием образного, интуитивного мышления, то к первому придётся отнести индукторов, а ко второму - перципиентов. Короче говоря, индукторы и перципиенты мыслятся как противоположные психологические типы людей.

Такое мнение поддерживается исследователями, считающими телепатическую индукцию по преимуществу сознательным волевым актом. Те же, кто подчёркивает зачастую произвольный характер индукции, с этим мнением не

согласны. Так, например, Варколлье утверждает, что индуктор и перцепиент во время опыта мысленного внушения должны находиться не в противоположных психических состояниях, а в сходных друг с другом: тот и другой должны обладать повышенной активностью подсознательной сферы, облегчённым переходом сознательных психических переживаний в подсознательные (что якобы важно для индукции) и обратно - из подсознательного в сознание (важно для перцепции).

С точки зрения, развиваемой Варколлье и его единомышленниками, способность к индукции совместима со способностью к перцепции: одно и то же лицо может быть хорошим индуктором и вместе с тем отличным перцепиентом. С обычной же точки зрения эти способности несовместимы, так как они противоположны друг другу. По нашему мнению, непримиримость указанных взглядов лишь кажущаяся: они могут быть согласованы, если признать, что телепатически передаются и сознательные переживания, на которых максимально сконцентрировано внимание индуктора, и подсознательные, ускользающие от его внимания (первая и третья схемы Дезуаля).

Как в радиотехнике, так и в человеческом организме существуют, по-видимому, два аппарата (или механизма) связи на расстоянии: один для посылы, другой для приёма телепатеми. У одних индивидуумов (индукторов) лучше действует "аппарат посылы", у других (перцепиентов) - "аппарат приёма". При резком преобладании у индуктора и

перципиента одного из этих аппаратов над другим мысленное внушение приобретает односторонний характер; при более или менее равномерном развитии этих предполагаемых аппаратов у индуктора и перципиента выявляется двусторонний характер мысленного внушения, и противоположность между способностями индуктора и перципиента сглаживается. Такое представление, конечно, не более чем догадка, требующая экспериментального подтверждения. Подтверждением могло бы быть нахождение таких лиц, которые обладали бы способностями как хорошего телепатического индуктора, так и хорошего телепатического перципиента. Можно заранее сказать, что если подобные лица и существуют, то встречаются они чрезвычайно редко.

Главное, к чему в настоящее время должны стремиться парапсихологи, - это к овладению явлениями мысленного внушения в такой степени, чтобы их можно было бы повторно вызывать и демонстрировать всем и каждому. К этому теперь направлены усилия многих исследователей. Например, чехословацкий парапсихолог Милан Рызл применяет гипноз для воспитания или улучшения у испытуемых парапсихических способностей, в том числе и телепатической перцепции. Усыпленным испытуемым внушается охота к участию в опытах, вера в их успешность, тренируется способность отвлекаться от собственных мешающих опыту мыслей, способность к переживанию галлюцинаторных образов, соответствующих внушаемым заданиям и т.п.

Другой способ повышать результативность опытов мысленного внушения состоит в применении фармакологических веществ, повышающих возбудимость нейронов головного мозга и стимулирующих нервно-психическую деятельность перципиентов. В третьей главе уже упоминались опыты Бругманса, показавшие благоприятное действие малой дозы алкоголя на перцептивные свойства Ван Дама. Затем французским фармакологом Руйе был получен такой же результат при применении хлороформенной вытяжки из мексиканского кактуса "пейотля" (*Echinocactus Williamsii*). Принятая внутрь в достаточной дозе (2 г), эта вытяжка вызывает спустя 1,5 - 2 часа сильное и длительное возбуждение зрительной области мозговой коры: при закрывании глаз в поле зрения спонтанно возникают (или вызываются раздражением других органов чувств) чрезвычайно яркие и красочные зрительные образы, калейдоскопически сменяющие друг друга. Вместе с тем, по мере развития отравления, нарастает двигательное и эмоциональное возбуждение испытуемого.

Однажды действию пейотля был подвергнут молодой инженер Т.. Присутствовавшая при этом опыте г-жа С. попробовала мысленно внушить ему зрительную галлюцинацию - бюст поэта Данте. Через три минуты перципиент объявил: "Голова Данте, очень отчётливо слева". После этого таким же образом был внушён галлюциаторный образ волка. Испытуемый произнес: "Лес; чувство одиночества; на меня глядит волк". В третий раз в тот же день на листке бумаги было написано:

"Генрих IV". Спустя три минуты перципиент дал ответ: "Серия медалей, Катерина Медичи, Генрих IV".

Протокол этого опыта вёл сам Руийе; по его мнению, полученный результат вполне убедителен: внушавшиеся образы каждый раз выявлялись в сознании перципиента в виде зрительных галлюцинаций, что очень редко бывает в обычных опытах мысленного внушения, но довольно часто - в случаях спонтанной телепатии. Другим исключением из общего правила в этом опыте было то, что роль индуктора выполняла женщина, а роль перципиента мужчина. Г-жа С. никогда не проявляла способности к телепатической перцепции; но эта способность отчётливо у неё проявилась, когда она однажды решила сама принять дозу пейотля. Это единичное наблюдение очень важно: оно подтверждает наше предположение о совместимости в одном лице обеих способностей - индуктора и перципиента. При одном функциональном состоянии мозга выявляется первая из них, при другом функциональном состоянии (вызванном пейотлем) временно доминирует вторая.

В последующие годы перечень фармакологических веществ, стимулирующих, телепатические способности, был пополнен. Оказалось, например, что таким же образом действует кофеин в той же дозе, в какой он содержится в стакане кофе. Существуют и такие вещества, которые угнетают телепатическую перцепцию (бром, аспирин и др.). Результаты этих фармакологических опытов ценны не только в практическом отношении (в смысле большего овладения

телепатическими явлениями), но и в отношении теоретическом. Они еще раз свидетельствуют о материальной, мозговой природе телепатических явлений. Если бы телепатические явления состояли в "сверхматериальном, происходящем без посредства мозга, общении духа агента с духом перципиента" (как полагают спиритуалисты), то сама возможность действия фармакологических веществ на эти явления была бы исключена: ведь не может же бром и кофеин действовать на "свободный дух" непосредственно, без посредства мозга.

Это, конечно, лишь первые шаги, направленные к экспериментальному овладению телепатическими явлениями, но и теперь уже при наличии очень хорошего перципиента удаётся иногда провести публичную демонстрацию этих явлений. Приведу два примера таких демонстраций, на которых я лично присутствовал. Первая из них была проведена проф. К.И.Платоновым в Ленинградском (тогда ещё Петроградском) университете на 2-м Всероссийском съезде психоневрологов. То, что там произошло, описывает сам проф. Платонов:

"В аудитории, где проходили заседания гипнологической секции съезда, опыт проводился в следующих условиях. Председатель секции проф. А.В.Гервер сидел за председательским столом, лицом к слушателям. Испытуемая М. (уже известная читателю по пятой главе) сидела у этого же стола, лицом к беседовавшему с ней проф. Герверу и боком к аудитории. За её спиной, на расстоянии метров шести, стояла

классная доска, поставленная косо по отношению к слушателям. За доской стоял я, находясь в поле зрения аудитории и вне видимости для испытуемой. Ещё до прихода М. в аудиторию со слушателями было условлено, что молчаливое закрывание моего лица кистями моих рук будет служить показателем начала опыта усыпления. Закрыв лицо, я мысленно представлял себе фигуру испытуемой М., как бы заснувшей во время беседы с проф. Гервером, сосредоточив на этом своё напряженное внимание в течение одной минуты. Эффект был полный: засыпание М. наступило через несколько секунд. Пробуждение было произведено тем же путём. Так было повторено несколько раз".

Второй пример. Больная К., 29 лет, получала сеансы внушения, проводимые д-ром В.Н.Финне по поводу затяжного левостороннего пареза истерического характера. Приведённая в состояние гипнотического сна, больная сохраняла вялость мышц и полную неподвижность в течение всего сеанса. В состоянии гипноза она проявляла пониженную восприимчивость к словесным внушениям. Тем не менее, под влиянием упорно повторяемого словесного внушения к усыпленной больной возвращалась способность произвольно двигать парализованными конечностями. Такого же эффекта можно было достигнуть и мысленным внушением. Особенно следует подчеркнуть, что, несмотря на пониженную восприимчивость к словесным внушениям, доходившую порой до негативизма, эта больная проявляла признаки высокой восприимчивости к мысленным внушениям двигательного характера.

Опыты производились в утренние часы в отдельной небольшой комнате, из которой была вынесена вся мебель, за исключением табурета для внушающего и койки, стоявшей посреди комнаты, на которой лежала больная. Отражающих поверхностей в комнате не было; окна были завешены белой пропускавшей свет материей. Ход опытов (демонстрированных в то время, ряду врачей) состоял в следующем. Д-р Финне словесным внушением погружал больную в гипноз. Один из экспериментаторов садился за изголовьем больной, на расстоянии 1 - 2 метров. Кто-нибудь из присутствовавших писал на листке бумаги задание для мысленного внушения и передавал экспериментатору, который, прочитав задание (нередко неизвестное остальным присутствующим), приступал к проведению опыта. При этом экспериментатор напрягал все усилия на то, чтобы вызвать в своём воображении образ испытуемой, выполняющей внушаемый двигательный акт. Особое внимание обращалось самим экспериментатором и присутствовавшими при опыте на возможность непроизвольного нашёптывания задания, что может привести к грубым ошибкам в истолковании результатов.

При соблюдении указанных условий находившаяся в довольно глубоком сне с плотно закрытыми, а чаще завязанными глазами, испытуемая обычно быстро и точно, не производя лишних движений, выполняла внушаемый двигательный акт. На вопрос гипнотизёра - почему она производила это движение, больная давала ответ: мне приказал это сделать

такой-то (Финне, Васильев или кто-либо другой), причём всякий раз правильно называла того, кто внушал.

Демонстрация была организована по просьбе прибывшего в Ленинград известного физиолога проф. А.А.Кулябко, желавшего удостовериться своими глазами в реальности этих явлений. О них он узнал от своих ленинградских друзей. Привожу выдержку из тогда же составленного протокола.

"Задание присутствовавшего на опыте проф. А.А.Кулябко: "Почесать левую щеку и переносицу"; внушает он же, сидя на табурете за изголовьем испытуемой. Во время опыта внушающий многократно поднимает свою правую руку и трёт свою левую щеку. Испытуемая сгибает свою правую ногу в коленке. Поднимает правую руку к левой щеке. Трёт пальцами правой руки левую щеку и губы. Чешет той же рукой правую щеку. Вопрос д-ра Финне: "Что вы делаете?" Ответ испытуемой: "Неприятно раздражена правая сторона лица". "Кто с вами разговаривал"? - "Не вы". - "Кто же?" - "Профессор Кульбашов" (больная первый раз видела проф. Кулябко; всего на опыте присутствовало 12 человек). "Что он просил вас сделать?" - "Страшно неприятно раздражал мне правую сторону лица".

Тогда же. Задание: "Открыть глаза" (задание д-ра Финне; внушает он же, сидя за изголовьем испытуемой). Через 2,5 минуты после начала внушения испытуемая после ряда прикосновений левой рукой к щекам, виску, лбу открывает глаза (полностью). Затем снова закрывает их, продолжая

почёсывать рукой лицо. Вопрос д-ра Финне: "Что я вам говорю?" Ответ Г испытуемой: "Открыть мне глаза".

Нельзя удивляться тому, что подобные публичные демонстрации удаются так редко и преимущественно тогда, когда перципиент находится в гипнотическом сне. Ведь мысленное внушение относится, прежде всего, к явлениям психического порядка. Это феномен особого взаимоотношения двух индивидуумов, двух личностей, а что может быть изменчивее, реактивнее человеческой личности в её общении с другой столь же изменчивой личностью? Всё здесь быстро изменяется, никогда в точности не повторяясь! Гипнотическое состояние несколько умеряет эту непрерывную изменчивость. Поэтому и повторяемость, степень постоянства телепатических явлений в гипнозе несколько возрастают.

ФИЗИОЛОГИЯ ВНУШЕНИЯ НА РАССТОЯНИИ

Мысленное внушение в развитой своей форме вызывает у перципиента подотчётные его сознанию реакции - такие, как узнавание одной из пяти возможных фигур, воспроизведение рисунков, произвольных движений и т.п. (об этом шла речь в предыдущих главах). Подобные реакции имеют нервно-психический характер и изучаются, как мы видели, психологическими методами (их можно назвать парапсихологическими тестами). Но это далеко не всё: мысленное внушение может вызывать у перципиента и целый ряд неподотчётных его сознанию реакций, связанных с подотчётными реакциями, или даже не связанных с ними; например, подсознательные автоматические движения,

изменения в деятельности головного мозга, сердечно-сосудистого аппарата и т.п. Для регистрации таких неподотчётных и не управляемых волей реакций парапсихологи успешно применяют различные лабораторные физиологические методы.

Одна из первых попыток такого рода принадлежит д-ру Бругмансу. Перципиент (Ван Дам) вводился в гальваническую цепь, причём один электрод прикладывался к его ладони, а другой - к тыльной части руки. В цепь включились: слабый источник электрического тока, чувствительный зеркальный гальванометр и добавочное сопротивление, регулируемое реохордом. Когда перципиент находился в обычном бодрственном состоянии, "зайчик" от зеркальца гальванометра, отброшенный на шкалу с нанесёнными на неё делениями, колебался около определённого уровня. В известный момент перципиенту предлагалось создать у себя пассивное состояние; при этом кривая, отмечаемая "зайчиком" гальванометра, начинала падать и устанавливалась на более низком уровне. Значит, пассивное состояние характеризуется ослаблением тока, проходящего через руку. Когда же перципиенту передавалось мысленное внушение (указать определённую клетку шахматной доски), когда он испытывал "чувство контакта" с индуктором и "чувство удачи", кривая резким скачком поднималась, а затем снова спускалась к исходному уровню. Таким образом, каждый удачный опыт, по данным Бругманса, сопровождался своеобразной электрофизиологической реакцией. В 1952 г. американские учёные Вудреф и Дэйл возобновили попытку Бругманса

применить эту "методику психогальванического ответа" для исследования парапсихических явлений и получили сходные результаты.

В четвёртой главе уже упоминалось о надеждах парапсихологов, возлагаемых на методику регистрации биоэлектрических токов мозговой коры, - так называемую электроэнцефалографию. Ещё в 1939 г. голландские учёные Франке и Коопман попытались зарегистрировать электроэнцефалограмму перципиента во время протекания парапсихических явлений. В то время эта методика находилась ещё в начальном периоде своего развития и многого дать не могла. Авторам удалось лишь показать, что во время обычного сна, гипноза и так называемого транса у лиц, якобы одарённых парапсихическими способностями, электроэнцефалограмма резко изменяется по сравнению с тем, какой она была у тех же лиц в состоянии бодрствования. Изменение состоит в появлении волн с большой амплитудой и низкой частотой, известных теперь под названием дельта - волн. В состоянии бодрствования у подопытных лиц электроэнцефалограмма, по данным аргентинского парапсихолога д-ра Канавезио (1953 г.), такая же, как и у других здоровых людей; никаких особых ритмов биоэлектрических токов она не содержит. Во время восприятия бодрствующим перципиентом мысленного внушения в его электроэнцефалограмме происходят изменения, сходные с теми, какие наблюдаются в состоянии нормального сна.

Мне не известно, чтобы эти скромные результаты были существенно обогащены последующими исследованиями. Как уже говорилось, некоторые авторы возлагают надежду на опыты с одновременной регистрацией электроэнцефалограмм агента и перципиента в процессе мысленного внушения - результативного по сравнению с неудавшимся. Ожидается синхронизация ритмов этих двух электроэнцефалограмм в случае удачного опыта. Принимая, однако, во внимание ограниченные возможности этой методики, сложный характер электроэнцефалограмм, трудности физиологического истолкования их и пр., вряд ли можно многого ожидать. Быть может, более перспективным окажется недавно разработанный метод электроэнцефалоскопии, дающий возможность регистрировать динамику электрических потенциалов, отводя их одновременно от 100 и более точек мозговой коры. Такой метод обещает дать точную картину пространственного распределения биопотенциалов при различных функциональных состояниях коры больших полушарий мозга, чего не может дать электроэнцефалография.

В более ясной форме воздействовать мысленным внушением удаётся на некоторые неподотчётные движения перципиента, которые остаются незаметными для него самого. К числу таких движений относятся произвольные покачивания тела при стойке. Их можно зарегистрировать в виде кривой на вращающемся барабане кимографа (прибор для графической регистрации явлений). Для этого употребляется пневматическая платформа, впервые сконструированная Д-ром

Бружесом и усовершенствованная А.И.Бронштейном. В наших опытах она употреблялась следующим образом.

На полу лежал деревянный равнобедренный треугольник (длина сторон треугольника около 1 м) с тремя углублениями у каждого из углов. В два углубления мы помещали по деревянному кубику, в третье - толстостенный резиновый баллон А. Сверху накладывался другой такой же треугольник с тремя углублениями, на который во время опытов становился перципиент. От баллона А шла толстостенная резиновая трубка к другому баллону В, помещённому в герметически закрытую банку. Воздушное пространство банки посредством стеклянной трубки, проходящей, через пробку банки, сообщалось с мареевской капсулой. Таким образом, всякое сдавливание баллона А вызывало расширение баллона В и выпячивание мембраны мареевской капсулы, поднимавшее её пишущий рычажок. Перципиент становился лицом к тому углу треугольника, под которым находился баллон А.. При малейшем качании его тела вперёд нагрузка на баллон увеличивается, рычажок поднимается, поднимается и регистрируемая "кривая стойки". Наоборот, малейшее отклонение тела назад вызывает опускание рычажка, а тем самым и регистрируемой на барабане кимографа кривой.

В наших опытах перципиенту с завязанными глазами предлагалось встать указанным образом на платформу, лицом к стене, и стоять неподвижно в течение, всего опыта. Кимограф с обслуживающим его наблюдателем находился на расстоянии 2 - 3 м от перципиента и был скрыт от него

шерстяной занавеской. Тут же помещался и индуктор (Васильев). В начале каждого опыта записывалась кривая спонтанных покачиваний перципиента, без какого-либо внушения. Затем индуктор приступал к словесному или мысленному внушению: "Падайте назад, падайте назад, вас тянет назад!". Период внушения, продолжавшийся каждый раз около одной минуты, отмечался наблюдателем на кимографе горизонтальной чертой. Кимограф в течение всего опыта наблюдателем не останавливался, так как его остановка была бы услышана перципиентом и могла бы привести его на догадки о цели и назначении опыта.

Результат одного из опытов со словесным внушением приводится на рис. 8. Опускание кривой соответствует отклонению тела испытуемой (молодой здоровой девушки) назад. Нечто подобное этому наблюдалось и у других испытуемых, достаточно чувствительных к словесному внушению. Однако мысленное внушение падения назад на них не действовало: кривая покачиваний во время такого внушения нисколько не изменялась. Другой результат был получен в таких же опытах, проведённых с истеричной больной И.М., проявлявшей и по другим данным некоторую способность к телепатической перцепции. Вот описание одного из опытов с этой больной.

В начале опыта были записаны значительные по размаху, но медленные и плавные колебания кривой - беспокойная стойка, характерная для нервных больных. Спустя некоторое время было дано мысленное внушение: "Падайте назад". С этим

совпал по времени ряд очень быстрых и резких качаний перципиентки - на кривой несколько почти слившихся друг с другом качаний. По окончании мысленного внушения кривая приобрела первоначальный более спокойный ход. То же самое повторилось при второй и третьей пробе мысленного внушения. Получилось впечатление, как будто бы во время мысленного воздействия у перципиентки каждый раз нарушалась способность поддерживать равновесие. Произведённый по окончании опыта опрос показал, что отмеченные три приступа усиленных и ускоренных качаний самой перципиенткой замечены не были. В повторных опытах такие положительные пробы чередовались с неудачными, или же весь опыт оказывался неудачным.

Несравненно более чёткие результаты были получены автором в совместных многолетних исследованиях с сотрудниками Бехтеревского института мозга - д-ром А.В.Дубровским и физиологом И.Ф.Томашевским - в опытах мысленного внушения сна и пробуждения. Из большого числа обследованных в этом отношении лиц, главным образом истеричных больных, пациентов д-ра Дубровского, нам посчастливилось отобрать трёх перципиенток (Ф., И. и С.), пригодных для опытов мысленного внушения, проводимых с применением гипногенной методики. В целях уточнения этой методики мы ввели пневматическую регистрацию на кимографе ритмических движений наших перципиенток. Суть этого впервые разработанного нами приёма исследования состояла в следующем.

В правую руку испытуемой вкладывался наполненный воздухом резиновый баллон; для большей надёжности баллон прикреплялся к руке посредством шнура, перекинутого через тыльную её часть. С помощью резиновой трубки, переходящей в металлическую, баллон соединялся с регистрирующей капсулой Мареев, находившейся обычно в другой комнате. Мареевская капсула представляет собой плоский цилиндр, затянутый сверху подвижной резиновой мембраной, упирающейся в лёгкий рычаг. Рычаг капсулы своим свободным концом прикасался к закопчённой ленте вращающегося барабана кимографа. Нетрудно понять, что при этих условиях малейшее давление испытуемой на баллон пневматически передавалось мареевской капсуле, вызывая выпячивание мембраны и поднятие записывающего рычага. Это позволяет получать на барабане кимографа графическую регистрацию движений, производимых кистью руки испытуемой, находящейся в другой комнате.

Опыты проводились следующим образом. Испытуемой, остававшейся в бодрственном состоянии, давалась инструкция ритмически сжимать баллон, что не представляло для неё большого труда и могло ею производиться без заметного утомления в течение нескольких десятков минут. В некоторый неизвестный для испытуемой момент опыта индуктор из другой комнаты приступал к мысленному усыплению; при этом он сам или находившийся при нём ассистент замыкал цепь электромагнитного отметчика; отметчик регистрировал на том же кимографе момент начала усыпления. Пока перципиентка ещё оставалась в бодрствующем состоянии,

пневматическая запись её движений, продолжалась. Но как только внушение реализовалось и перципиентка впадала в состояние гипноза, движения тотчас же прекращались и, пока сон продолжался, регистрирующие приборы записывали ровную линию.

В момент начала мысленного пробуждения индуктор снова включал отметчик. Когда внушение реализовалось, т.е. перципиентка пробуждалась, она тотчас же и без всякой дополнительной инструкции возобновляла прерванное во время гипноза сжимание баллона. При этом обычно, благодаря послегипнотической амнезии (забвению), испытуемая не замечала того, что во время сна сжимание баллона ею не производилось.

С помощью этой методики в опытах с тремя испытуемыми нам удалось получить большое число кимографических записей, которые, как нам кажется, со всей объективностью устанавливают явление мысленного усыпления и пробуждения. В качестве иллюстрации привожу кимографическую запись, полученную с испытуемой Ф. при индукторе Томашевском (рис. 9). Ее рассмотрение показывает, что в начале записи испытуемая находилась в состоянии бодрствования. В некоторый момент опыта, указанный опусканием линии отметчика (1-е "З"), индуктор начинает мысленно усыплять испытуемую. Как видно по записи, это внушение почти тотчас же реализуется: размахи кривой (т.е. сжимания испытуемой баллона) прекращаются (1-е "Г" - гипноз). Через некоторое время индуктор посылает мысленный приказ: "Проснитесь" (1-

е "П" на линии отметчика), и размахи кривой вскоре возобновляются - испытуемая пробуждается. Спустя некоторое время индуктор снова начинает мысленное усыпление (2-е "З" на линии отметчика), испытуемая немедленно засыпает. Индуктор начинает мысленно пробуждать ещё раз, и размахи кривой появляются опять, и т.д.

В течение короткого промежутка времени в этом опыте удалось вызвать три усыпления и три пробуждения, реализуемых в течение нескольких секунд (в первых трёх записях) или десятков секунд (во вторых трёх) после начала соответствующего мысленного внушения. Объяснить этот результат приступами самопроизвольно возникающего гипноза (так называемого автогипноза) и пробуждения, случайно совпавшими по времени с моментами мысленного внушения уснуть или проснуться, едва ли возможно. Вероятность таких совпадений слишком мала. Это предположение придётся и вовсе отбросить, если мы скажем, что такие же приблизительно результаты были получены нами десятки раз, во многих опытах и на разных (трёх) испытуемых.

В некоторых опытах мы одновременно со сжатиями баллона посредством несложного механического, приспособления регистрировали на движущейся ленте кимографа, ещё и гальванограмму, получаемую с другой руки перципиентки, таким же образом, как это делал д-р Бругманс в своих опытах с Ван Дамом. На рис. 10 представлена запись, полученная в опыте на одной из перципиенток ещё тогда, когда она в первый раз явилась в лабораторию и обнаружила способность

к восприятию мысленных внушений. В 8 час. 45 мин. опыт был начат, в 9 час. 10 мин. произведено первое мысленное внушение сна, и уже в 9 час. 11 мин. 12 сек. размахи на записи прекратились - наступил сон. Изменилась при этом и гальванограмма: она временно поднялась и - что особенно характерно - на всё время сна утратила свою зубчатость, приняв ровный ход. Гальваническая реакция на мысленное внушение неподотчётна сознанию и не может быть подделана перципиенткой. В этом её большое преимущество перед произвольными двигательными реакциями.

Но сколько бы мы ни приводили отдельных примеров, выбранных, из накопленного эмпирического материала, это вряд ли покажется читателю вполне убедительным. В исследованиях такого рода решающую роль играет закон больших чисел. На трёх испытуемых в 64 опытах мы произвели 260 проб мысленного усыпления и пробуждения. Из них 194 с применением графической регистрации. Усыпление не удалось лишь в 6 случаях, а пробуждение - в 21 случае, что по отношению к общему числу проб составляет 10,4%. Что касается скорости наступления мысленно внушенного сна и пробуждения, то для разъяснения этого вопроса нами были построены общепринятые в вариационной статистике кривые распределения всех полученных нами цифровых данных.

Приведённые графики показали, что наибольшее число случаев засыпания и пробуждения происходили уже в течение первой минуты после начала мысленного внушения и только в отдельных случаях реализация внушения затягивалась на 10 и

более минут. Это согласуется с приведёнными в предыдущей главе данными проф. К.И.Платонова.

Надо, однако, заметить, что наибольшую доказательность имеют первые опыты, проводимые на "свежих" испытуемых. Нами было замечено, что по мере повторения этих опытов у испытуемых мало-помалу развивается склонность впадать в гипнотическое состояние самопроизвольно (без мысленного внушения заснуть) и также самопроизвольно выходить из этого состояния, чего в двух или трёх первых десятках опытов, с теми же испытуемыми нами ни разу не наблюдалось. Если этого не учитывать, то легко можно впасть в большую ошибку, приняв самогипноз и самопробуждение за более или менее отсроченные проявления мысленного внушения.

Постепенное образование у наших испытуемых этих явлений, мешающих проведению опыта, находит объяснение в учении И.П.Павлова об условных рефлексах. Многократное засыпание испытуемых при данной окружающей обстановке рано или поздно приводит к тому, что сама эта обстановка становится комплексным сложным условным раздражителем, вызывающим сон. Надо также в этих опытах опасаться различных звуковых раздражителей, могущих приобрести значение условных сигналов ко сну или пробуждению. Действие подобных условных раздражений было детально изучено физиологической школой И.П.Павлова, в частности проф. Б.Н.Бирманом, на подопытных собаках и людях-гипнотиках.

Во избежание образования у испытуемых гипногенных условных рефлексов на случайные раздражители нами применялся ряд предохранительных мер. Интервалы между отдельными пробами мысленного усыпления и пробуждения в наших опытах колебались от 1-2 мин. до 1 час. и более. Этим устранялась возможность образования гипногенного условного рефлекса на время. В большой серии опытов индуктор и перципиент помещались в двух удалённых друг от друга комнатах: индуктор - в круглой (В), перципиент - в малой (А) или наоборот. При этом во многих опытах наблюдателя при испытуемой не было. Он находился у регистрирующих приборов в комнате (С), следя за записью на кимограмме реакций испытуемой, передаваемых из комнаты В, и сигналов индуктора из комнаты А. План лаборатории см. на рис. 12.

В новейшее время заслуживающие большого внимания результаты были получены чехословацким физиологом Стефаном Фигаром. Он одновременно регистрировал на одном и том же кимографе плетизмограммы (записи изменения кровенаполнения сосудов руки) двух испытуемых. Они сидели спиной друг к другу на расстоянии нескольких метров. По ходу опыта одному испытуемому (агенту) Фигар передавал записку со счётным заданием, например перемножить в уме двухзначные числа. Производимая умственная работа вызывала опускание плетизмограммы (что означало отток крови от конечностей вследствие сужения в них кровеносных сосудов). Это в порядке вещей, но удивительно, что такое же опускание плетизмограммы с некоторой задержкой происходило и у другого испытуемого-перципиента, который никакой счётной

работы не выполнял. Это наблюдалось в 33% поставленных опытов, и у одних пар испытуемых значительно чаще, чем у других. Одновременное опускание этих двух плетизмограмм часто наблюдалось и без счётной работы одного из испытуемых. Если у одного из них происходила так называемая спонтанная плетизмографическая реакция (опускание кривой без видимой причины), то такая же реакция тотчас же начиналась и у другого испытуемого. Такие параллельные сдвиги плетизмограмм наблюдались в 85 случаях, но в 106 случаях параллелизма не было. По поручению Лондонского общества психических исследований собранный д-ром Фигаром экспериментальный материал был детально изучен одним из членов общества, Д. Вестом. Критик одобрил постановку опытов и признал результаты убедительными, хотя многое в них ещё остается неясным.

Надо заметить, что опыты такого рода, при всём их интересе и значении, имеют лишь косвенное отношение к тому, что принято называть телепатической связью. Телепатическая связь в типичной, развитой своей форме - это не только энергетическое воздействие на расстоянии одного организма на другой; сверх того - это особый род информации, характерный для живых существ, по крайней мере некоторых из них. Одно существо информирует другое о каком-либо воспринятом им событии, полученном ощущении, переживаемом представлении, чувстве, желании и т.п. В опытах же Фигара несознаваемое физиологическое явление одного лица на близком расстоянии передаётся другому лицу,

для которого оно тоже остаётся неосознанным. Если это и информация, то "информация без уведомления".

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕЛЕСВЯЗЬ У ЖИВОТНЫХ

Чарлз Дарвин научил нас понимать, что в животном мире каждый орган, всякая функция, любая способность имеет шансы возникнуть и развиться до той или иной степени совершенства лишь в том случае, если может принести данному виду живых существ какую-либо пользу в их борьбе за существование. Это положение, конечно, относится и к телепатической способности. Отсюда возникает ряд важных для нас вопросов: на какой ступени эволюции эта способность возникла впервые? Присуща ли она только человеку или также и некоторым животным? Эволюция снабдила животных и человека тремя дистантными (воспринимающими на расстоянии) органами чувств. Мы общаемся на расстоянии посредством зрения, слуха, а животные ещё и посредством обоняния. Что могла бы добавить к этому телепатическая связь, если бы она существовала? Какое она могла бы иметь биологическое значение?

Для животных она имела бы примерно такое же значение, какое для современного человека имеет радиопередача, намного превосходящая природные средства общения через дистантные органы чувств и устную речь, воспринимаемую органами слуха. Биологически это было бы вполне оправдано: И действительно, имеются признаки того, что и некоторые животные располагают естественной "биологической радиосвязью", причём на восходящих ступенях эволюции

животного мира эта связь проявляется по-разному и имеет разное назначение. Иногда она, по-видимому, существует между особями, принадлежащими к одному и тому же зоологическому виду, например между самцами и самками, и в таком случае служит целям размножения, сохранения вида. В других случаях информация передаётся на расстоянии представителям другого вида, и тогда она может способствовать инстинкту самосохранения или нахождению добычи.

Парапсихологи полагают, что человек может оказывать бессловесное внушающее воздействие на поведение домашних животных, в частности собак и кошек. В этом отношении большую известность получили опыты В.М.Бехтерева, производившиеся им в 20-е годы на собаках известного дрессировщика животных В.А.Дурова. Эти опыты продолжают интересовать современных парапсихологов, в том числе д-ра Райна.

Опыты состояли в выполнении собакой задуманных присутствующими актов поведения - побегать туда, сделать то-то. Сперва внушение производилось самим Дуровым или кем-либо другим в его присутствии. В этих условиях опыты почти всегда удавались - собака выполняла порой очень сложные задания. Но тут будет уместно вспомнить предостережения вроде тех, какие делались Джорджем Прайсом: дрессировщик мог применять какой-либо неизвестный присутствующим способ сигнализации. Например, засунуть руку в карман с находящейся там пищевой

приманкой и затем под тем или иным предлогом прикоснуться этой рукой к намеченному присутствующими предмету. Собака смогла бы легко распознать этот предмет среди многих других, руководствуясь своим высокоразвитым обонянием. Можно в качестве сигнала применить и свисток Гальтона, издающий ультразвуковой звук, неслышимый человеком, но улавливаемый собакой. Сигналами, подсказывающими собаке, что надо сделать, могут служить вольные или невольные жесты и мимика дрессировщика или присутствующих на опыте лиц. Для того чтобы исключить возможность подобных источников ошибок, В.М.Бехтерев и его сотрудники последние серии своих опытов ставили при соблюдении следующих условий: 1) владелец собаки (Дуров) отсутствовал; 2) отсутствовали и зрители, опыт проводился только экспериментатором и ассистентом; 3) записанное экспериментатором задание ассистенту до конца опыта не сообщалось; 4) собака вводилась в комнату перед самым опытом; 5) сделав мысленное внушение, экспериментатор отделялся от собаки ширмой или иным путём; за выполнением задания собакой следил только ассистент, не знавший в чём именно состоит задание.

В.М.Бехтерев приводит в своей статье протоколы двух опытов, проведённые его сотрудниками с соблюдением всех перечисленных условий. Вот эти опыты.

"Дуров (владелец собаки) отсутствует. В комнате В я записываю задание: собака должна взять зубами комок бумаги, лежащий под столом в комнате А. Ассистент, не знающий задания, впускает в комнату А собаку (фокстерьера Пикки),

сажает её на стул, фиксирует её голову руками. Я стою на пороге двери, собака передо мной, в расстоянии около аршина. При первой попытке животного вырваться из рук быстро отступаю, назад в комнату В, захлопываю при этом дверь. По рассказу ассистента, Пикст, соскочив со стула, подбегает к назначенному мною бумажному комку, лежащему под столом, тычет в него носом, затем бежит поочерёдно к двум комкам, проделывая с ними то же самое" (всех таких же бумажных комков, разбросанных в разных местах, было семь). Другой опыт состоял в следующем. "Внушаю я, собака должна побежать из комнаты А в комнату В и вскочить там на кресло. Собака бросается в другую комнату, за ней следует ассистент, не знающий задания, и запирает за собой дверь. По его заявлению, Пикки вскакивает на соседний с назначенным мною креслом диван и царапает лапой стену".

Результаты этих двух опытов значительно скромнее тех, что получались в опытах, на которых присутствовал сам В.А.Дуров. Сотрудник акад. Бехтерева, поставивший приведённые опыты, справедливо считает их лишь "относительно удачными", а сам вопрос ещё не разрешённым, но заслуживающим дальнейших исследований. К сожалению, после смерти В.А.Дурова подобные опыты никем не были повторены; вопрос так и остался неразрешённым.

В опытах Бехтерева внушающим агентом был человек, перципиентом - животное; но описаны и такие наблюдения, в которых можно предполагать обратное отношение: агентом служит животное, перципиентом - человек. В этом отношении

заслуживают внимания записки известного английского охотника Джима Корбетта - истребителя водящихся в Индии леопардов и тигров-людоедов. Во многих местах своей книги он пишет о "чувстве, предупреждающем об угрожающей опасности" со стороны притаившегося хищника. Интересен следующий отрывок.

"Чувство это вполне реально, хотя я не знаю и поэтому не могу объяснить, как оно действует. В данном случае я не видел и не слышал тигрицы, не получал никакого указания от птиц и зверей на её присутствие. И всё же я знал, без тени какого-либо сомнения, что она лежала в скалах и следила за мной. В этот день я провёл в пути много часов и прошёл много миль по джунглям без всякого ощущения тревоги. Когда я перешёл гребень и проходил мимо скал, то знал, что тут для меня кроется опасность. Несколько минутами позже это предчувствие подтвердилось тревожными криками каркара и тем, что я нашёл отпечаток лап людоеда на моих следах".

Сам Корбетт обладал таким "чувством", подобным телепатической перцепции, в высшей степени, быть может, развившимся в результате многолетней тренировки его на охоте. Но описанные в его книге многочисленные случаи гибели индусов показывают, что жертвы тигров-людоедов таким "чувством" отнюдь не обладали. Возможно, что, у Корбетта оно создавалось какими-то неподотчетными слуховыми, обонятельными и другими "субсенсорными" раздражениями, исходившими от притаившегося зверя и всё же действовавшими на изощрённые органы чувств

знаменитого охотника. Здесь опять-таки мы имеем не установление факта телепатического воздействия, а лишь серьезный повод для дальнейших исканий в этом направлении.

Явление, очень похожее на "биологическую радиосвязь" между особями одного и того же вида, встречается у некоторых рыб, обитающих в мутной воде больших рек, например у мормуруса, нильского длиннорыла и других. Мутная вода лишает возможности находить подобных себе особей (например, самцом самку), руководствуясь зрением или каким-либо другим органом чувств даже на очень близком расстоянии. Это привело к выработке у таких рыб (в процессе их эволюции) органов, осуществляющих самую подлинную радиосвязь. Каждая особь имеет электрический орган, генерирующий ритмические разряды небольшой силы (амплитудой около 1-2 в). Эти разряды создают низкочастотное электромагнитное поле, распространяющееся в водной среде. Для восприятия раздражающего действия такого поля у каждой особи имеются специальные органы чувств - электрорецепторы, расположенные вдоль боковой линии рыб.

Электрорецепторы чрезвычайно чувствительны к действию поля: они реагируют возбуждением на изменения разности потенциалов поля, равных всего 3×10^{-9} в на 1 мм. При этом через каждый квадратный сантиметр поверхности тела рыбы протекает ток в 2×10^{-11} а, т.е., в 100 тыс. раз более слабый, чем ток, нужный для порогового раздражения нервных

волокон. Радиосвязь в данном случае двусторонняя: каждая особь является "индуктором" и вместе с тем "перципиентом".

Аналогичные явления давно известны и у некоторых наземных животных под названием "призыва самкой самцов на расстоянии". Советский энтомолог И.А.Фабри в течение шести лет изучал это явление у одного из видов ночных бабочек (большой ночной павлиний глаз). С наступлением летнего вечера неоплодотворённую самку в проволочном садке он выставлял на балконе лесной дачи, находившейся в пяти километрах от двух больших сел. Не прошло и тридцати минут, как к ней начинали слетаться самцы. За три вечера было поймано 64 самца этой редкой у нас бабочки.

Некоторых из них помечали краской, уносили за 6-8 километров от дома, а там выпускали на волю. Некоторые самцы возвращались. При сравнительно медленном порхающем полёте, присущем этим бабочкам, они покрывали это расстояние за 40 - 45 минут. Для этого им нужно было избрать кратчайший прямой путь к самке и усиленно работать мышцами крыльев. Выходит, что самка каким-то неизвестным образом призывает самцов.

Самцы чувствовали призыв в пересечённой лесной местности, иногда при полном безветрии и даже при лёгкой тяге, встречной запаху (или "току", по выражению автора статьи), испускаемому самкой. Оказалось, что органом восприятия "призывного агента" у самцов являются усики ("антенны"). Самцы с отрезанными усиками не воспринимают призыва

самки и не летят к ней (это было установлено ещё Л.Харлом и подтверждено Фабри).

Что же представляет собой этот "призывный агент"? Из двух возможностей - запах или электромагнитные сигналы - надо отдать предпочтение тому, который способен действовать против встречного ветра, т.е. электромагнитным волнам.

Недавно за рубежом было установлено, что обонятельный орган сам является излучателем волн длиной в 8 - 14 микрон (длина инфракрасных лучей в спектре электромагнитных волн). Полагают, что роль микроантенн играют находящиеся в слизистой оболочке носа обонятельные волоски. "Эта физическая теория запахов, - пишет проф. Ю.П.Фролов, - подтверждается и некоторыми опытами на животных: известно, например, что бабочки-самцы распознают слабый запах самки на расстоянии нескольких километров. Это несовместимо с теорией летящих по воздуху химических частиц".

Если всё действительно так, то в данном случае биологическая радиосвязь осуществляется электромагнитными колебаниями с микронной длины и при посредстве не какого-то особенного рецептора, а всем известного обонятельного органа чувств, выполняющего в данном случае роль генератора и вместе с тем приёмника указанных колебаний. Это пример отнюдь не непосредственного межмозгового, а периферического механизма биологической "телесвязи", осуществляемой при

посредстве внешних органов чувств. И связь в данном случае односторонняя: самка - всегда индуктор, самец - перципиент.

Почти полную аналогию с этим случаем представляет собой наш всем известный "Иванов червячок", вернее жучок из семейства светляков (Lampiridae). Здесь "индуктором" тоже является неоплодотворённая самка - бескрылая, малоподвижная, посылающая "призыв" летающему "перципиенту" - самцу. Разница только в том, что здесь передаёт информацию видимый свет, и ещё в том, что генератором является особый люминесцирующий орган на теле самки, а рецептором другой орган - глаза самца. Светящиеся органы имеются у многих видов позвоночных, беспозвоночных и одноклеточных животных. Эта разновидность "биологической телесвязи" широко распространена.

В 1923 г. советский учёный А.Г.Гурвич открыл ещё одну разновидность лучевого дальнего действия в мире живых существ. Оказалось, что по ходу биохимических процессов, протекающих в функционирующих органах (например, в сокращающихся мышцах, возбуждённых нервах), образуются ультрафиолетовые лучи с длиной волны от 1900 до 3250 Å° (ангстрем), очень слабой, интенсивности (в среднем 1000 фотонов в секунду с 1 куб. см излучающей эти лучи ткани). Это слабое и легко поглощаемое встречающимися на пути препятствиями (например, даже тонким стеклышком) излучение стимулирует в тканях клеточное деление (митоз), почему и было названо проф. Гурвичем "митогенетическим"

(вызывающим митоз). Так действуют эти лучи и внутри организма (одна клетка оказывает влияние на другую, соседнюю), и вне организма. Например, автор этих строк в совместной работе с биофизиком Г.М.Франком и физико-химиком Е.Э.Гольденбергом мог воочию убедиться в том, что возбуждаемый нерв на расстоянии нескольких миллиметров увеличивает число дробящихся дрожжевых клеток, т.е. ускоряет этот процесс.

Наконец, последний пример. Уже давно немецким физикам Зауэрбруху и Шуману удалось уловить электрическое поле низкой частоты, распространяющееся вокруг работающих мышц человека. Применяв очень чувствительную аппаратуру и устранив все возможные источники ошибок, авторы уловили это поле посредством металлической воспринимающей пластинки, отстоящей от работающей конечности на расстоянии 3м. Через 20 лет наличие такого же поля было установлено Б.В.Краюхиным в лаборатории украинского академика А.В.Леонтовича вокруг нерва, выделенного из тела. При прохождении импульсов возбуждения по седалищному нерву лягушки связанные с импульсами биотоки создают индуцированные токи в соседнем металлическом проводнике - в миниатюрной индукционной катушке, в которую вместо сердечника вложен нерв. Возможность отведения биотоков к осциллографу индуктивным путём, посредством такой миниатюрной катушки, является прямым доказательством наличия, колебательного электромагнитного поля вокруг нерва при его возбуждении.

Совсем недавно американскими физиками Волькерсом и Кандибом был установлен ещё один важный факт. Оказалось, что скелетные мышцы человека при сокращении генерируют ещё и высокочастотные токи (до 150 тыс. герц) очень малой интенсивности (порядка нескольких миллимикровольт). Эти токи по техническим причинам до сей поры не были открыты. Интересно, что наиболее сильными генераторами этих токов являются мелкие мышцы (например, пальцев руки). Мозг этих высокочастотных токов не генерирует. Тем не менее авторы предполагают, что вызываемые такими токами радиосигналы могут быть причастны к телепатическим явлениям. Согласиться с этим едва ли возможно.

Инженер Б.Б.Кажинский, а за ним и А.В.Леонтович давно уже предполагали, что высокочастотные токи и генерируемые ими высокочастотные электромагнитные волны могут возникать и в нервной ткани. Различные структурные образования нервных клеток - нейронов (витки нервных волокон, их пластинчатые окончания и пр.) эти авторы рассматривали как элементы мозговых микроскопических радиоустановок. Одни из них генерируют ультракороткие волны метровой и сантиметровой длины, другие являются приёмниками этих волн. Акад. Леонтович считал, что радиосвязь существует между различными нейронами одного и того же мозга. Б.Б.Кажинский шёл в этом отношении дальше, утверждая, что "биологическая радиосвязь" возможна и между клеточными радиоустановками, находящимися в нервных системах двух разделённых пространством существ - будь то животные или люди.

Изложенный на предыдущих страницах обзор фактов и высказанных по их поводу предположений показывает, что в животном мире существуют весьма различные формы общения на расстоянии - "телесвязи". Энергия, осуществляющая эту связь в разных случаях, весьма различна - от ультрафиолетовых лучей до радиоволн различной длины. Генераторы и приемники (рецепторы) таких лучистых или электрических сигналов в одних случаях найдены, в других ещё неизвестны. Возникает вопрос: какое отношение эти различные формы биологической телесвязи имеют к подлинной телепатии, к мысленному внушению индуктора перципиенту?

Парапсихологи дают различный ответ на этот вопрос. Для тех, кто считает телепатию одной из форм "внечувственного восприятия", т.е. восприятия без участия каких бы то ни было органов чувств, приведённые нами случаи биологической телесвязи - не более чем псевдотелепатические явления, имеющие лишь внешнее сходство с подлинной телепатией. Если же вместе с уже названными французскими парапсихологами считать телепатию "шестым чувством", то различие между нею и явлениями телесвязи в мире животных, естественно, сгладится. Тогда телепатию в той её форме, в какой она проявляется у людей, можно признать наивысшей формой телесвязи, развившейся в процессе эволюции из более древних и примитивных её форм, сохранившихся у некоторых животных.

Некоторые парапсихологи полагают, что телепатическая способность - прогрессирующее свойство человеческого рода, что она будет совершенствоваться и в дальнейшем ходе социальной эволюции человека. Они подчёркивают, что телепатические явления могут происходить у вполне здоровых и даже выдающихся людей - людей с утончённой нервно-психической организацией.

Высказывается, однако, и противоположная точка зрения. У некоторых животных телесвязь, например, призыв самкой самцов, - важный жизненный акт, способствующий сохранению вида. У человека телепатическая информация имеет иногда характер призыва на помощь, но чаще уведомления о важных переживаниях близкого по родству или по чувству лица. Это тоже может иметь некоторое жизненное значение, хотя для современных людей подобная связь никакой биологической роли не играет. Создается поэтому впечатление, что "телепатическая одарённость" не прогрессирующее в процессе эволюции явление, а скорее рудиментарное свойство, сохранившееся у человека от зоологических предков и возрождающееся у некоторых лиц в виде своеобразного атавизма. В пользу этого взгляда нередко приводят тот довод, что лучших испытуемых для опытов мысленного внушения парапсихологи находят среди психоневротиков, даже душевнобольных и идиотов.

Как видно, вопросы, обсуждённые в этой главе, ещё далеко не разрешены современной наукой.

ЭЛЕКТРОМАГНИТНАЯ ГИПОТЕЗА ВНУШЕНИЯ

Нам остаётся коснуться ещё одного вопроса, пожалуй, важнейшего, но и самого трудного, наименее разработанного: какой фактор передаёт внушение через пространство, разделяющее индуктора и перципиента? По этому вопросу было высказано много гипотез; их можно подразделить на три группы. Внушение на расстоянии осуществляется:

- 1) одним из уже известных видов энергии, указанных в предыдущей главе;
- 2) ещё не известным ни физикам, ни физиологам видом энергии;
- 3) каким-то неэнергетическим фактором, образуемым мозгом в процессе нервно-психической деятельности.

К первой группе относится самая известная гипотеза внушения на расстоянии, кладущая в основу этого явления передачу от мозга индуктора мозгу перципиента (или каким-то имеющимся у него электрорецепторам) электромагнитной энергии той или иной длины волны. Эта гипотеза была высказана вскоре после открытия в 1888 г. германским физиком Герцем электромагнитных волн. Через четыре года после этого великого открытия, 1 марта 1892 г., американец Хоустон (E.Houston) выступил в секции электричества Франклиновского института с докладом, в котором он впервые высказал электромагнитную гипотезу внушения на расстоянии. После изобретения А.С.Поповым и вслед, за ним итальянцем

Маркони беспроволочного телеграфа эта гипотеза получила широкое распространение. Маркони писал по этому поводу:

"Человеческий мозг - несравненно более тонкий инструмент, чем какой бы то ни было изобретённый человеком аппарат, и может, очевидно, посылать сообщения на гораздо большие расстояния, чем какой-либо передающий механизм".

Дальнейшему развитию этой гипотезы способствовали успехи электрофизиологии, особенно установление в 1929 г. германским учёным Гансом Бергером ритмических колебаний электрических потенциалов человеческого мозга, регистрируемых осциллографом с поверхности черепа (уже неоднократно упоминавшаяся нами электроэнцефалография). Электрическая активность мозговой коры, по всей вероятности, как-то связана с психической деятельностью. Во всех тех случаях, когда человек теряет по какой-либо причине сознание, электроэнцефалограмма характерно меняется: кроме обычных альфа- и бета-волн появляются более медленные дельта-волны с высокой амплитудой. Если потеря сознания переходит в смерть, колебания потенциала ослабевают и сходят на нет. У каждого испытуемого электроэнцефалограмма имеет некоторые индивидуальные черты, по-видимому связанные с особенностями его нервно-психического склада. Однако расшифровать по электроэнцефалограмме содержание психики, сознания - что переживает, о чём мыслит, что ощущает испытуемый в данный момент - не представляется возможным. Механизм излучения электромагнитных волн мозгом человека акад. Лазарев видел в следующем: В клетках

центров должны быть заложены вещества, дающие периодическую пульсацию как химической реакции, так и электродвижущей силы. Так как периодическая электродвижущая сила, возникающая в определённом месте пространства, должна непременно создавать в окружающей воздушной среде переменное электромагнитное поле, распространяющееся со скоростью света, то мы должны, следовательно, ожидать, что всякий наш двигательный или чувствующий акт, рождающийся в мозгу, должен передаваться и в окружающую среду в виде электромагнитной волны. Приходящая от деятельного центра одного человека электромагнитная волна вызывает в центрах другого импульс, являющийся началом периодической реакции в центрах и создающий возбуждение.

Основным ритмом колебаний электрического потенциала мозга акад. Лазарев считал 50 в 1 сек. (50 герц), что совпадает с рабочим ритмом моторных центров. Отсюда длина электромагнитных волн, осуществляющих внушение на расстоянии, по Лазареву, равна:

$$300000/50 = 6000 \text{ км}$$

Из сказанного видно, что физик Лазарев полагал в основу внушения на расстоянии физическую индукцию: пульсирующая электродвижущая сила определённых нейронов в мозгу индуктора вызывает в соответствующих им нейронах мозга перципиента электродвижущую силу, пульсирующую с тем же самым ритмом. Предполагается, что два вполне

одинаковых по локализации и ритму процесса, один в одном мозгу, другой - в другом, дают хотя бы приблизительно одинаковые психические переживания у индуктора и перципиента, что и составляет суть внушения на расстоянии.

П.П.Лазарев мечтал обнаружить такие волны низкой частоты и огромной длины вокруг головы человека, но сделать это никому не удалось. Зато в 1923 - 1925 гг. стало известно о том, что итальянскому, психиатру Каццамали совместно с сотрудниками Маркони удалось-таки уловить мозговые радиоволны с очень короткой длиной волны от 10 до 100 м даже впоследствии - от 0,7 до 10 м. Частота таких волн огромна - 3000 - 30000 герц и более. Эти опыты вызвали ряд критических замечаний методического и технического характера. В начале 30-х годов в Бехтеревском институте мозга была сделана попытка повторить опыты Каццамали, но она окончилась неудачей. Никому не удалось надёжно подтвердить нашумевшее "открытие" итальянского учёного и в зарубежных странах. Непонятно было и то, откуда берутся такие высокочастотные волны: электрофизиологи и по сей день не знают в мозгу электрических колебаний, ритм которых превышал бы 500 - 1000 герц.

Это затруднение некоторые авторы пытались обойти построением остроумной ("гистофизической", если можно так выразиться) гипотезы. Б.Б.Кажинский указывал, что в электротехнике для получения высокочастотных электромагнитных волн применяется замкнутая колебательная цепь проводов переменного тока, содержащая конденсатор,

витки соленоида и обладающая некоторым омическим сопротивлением. В нервной системе переменным током является составляющий основу нервного возбуждения биоток. Окончания дендритов, имеющие вид пластинок, Кажинский считал клеточными конденсаторами, витки нервных волокон - соленоидами, включёнными последовательно в замкнутый колебательный контур, а всё это, вместе взятое, он считал клеточным вибратором, генерирующим электромагнитные волны соответствующей длины. Из гистологии нервной ткани инженер-электрик Кажинский черпал свои представления и о клеточных приёмниках электромагнитных волн высокой частоты. В предыдущей главе уже говорилось, что эта идея была воспринята акад. А.В.Леонтовичем; за рубежом её развивал Ляховский.

Гипотеза Кажинского в отличие от высказывания акад. Лазарева имеет чисто физический характер; в ней обойдён молчанием основной физиологический вопрос: может ли электромагнитное поле той или иной частоты раздражать нервные клетки или нервные волокна, т.е. вызывать в них основной нервный процесс - возбуждение, без которого не может быть и речи о психических явлениях. Физиологам известно, что высокочастотные поля раздражающего действия не оказывают, импульсов возбуждения не вызывают. Поля низкочастотные, легко раздражают выделенные из организма и изолированные в физическом смысле нервы, мышцы, мозговую ткань; но те же живые образования не проявляют под действием этих полей признаков раздражения, когда находятся в условиях естественного своего залегания в

организме. Это значит, что поверхностно расположенные ткани неплохо экранируют глубже лежащие органы, в том числе и головной мозг от действия внешних электромагнитных полей низкой частоты.

Тем не менее, недавно появились в печати работы, устанавливающие возможность выработки условных рефлексов на неощущаемое (субсенсорное) действие электрического и даже магнитного поля.

В опытах Ф.П.Петрова сигнальным раздражителем служило электромагнитное поле низкой частоты (200 герц), а подкреплением - раздражение пальцев руки испытуемого электрическим током. Сперва незаметно для испытуемого включалось поле, а затем, к его действию присоединялось раздражение током, вызывавшее безусловно рефлекторное отдергивание руки. После 67 сочетаний поля и тока у одной испытуемой впервые появился условный рефлекс - отдергивание руки в ответ на включение поля (без подкрепления током). У другой испытуемой это произошло только после 150 сочетаний. Медленность образования и неустойчивость этого рефлекса Ф.П.Петров объясняет тем, что электрическое поле низкой частоты не является естественным (адекватным) раздражителем для имеющихся в организме человека органов чувств и потому плохо, слабо их раздражает. По этим данным, поле раздражает не мозговые нейроны, а какие-то рецепторы, от которых возбуждение направляется в мозговую кору.

Ю.А. Холодову удалось выработать у находящихся в аквариуме рыб оборонительные и пищедобывательные условные рефлексы на неоощуемое действие постоянного магнитного поля и притом слабого (10 - 30 эрстед). Магнитное поле, в отличие от электрического поля, может проникать внутрь черепа и непосредственно действовать на мозг. В соответствии с этим Холодов сомневается в существовании у животных рецепторов для восприятия магнитного поля и приводит опытные данные, говорящие в пользу непосредственного действия этого поля на мозг (у рыб на промежуточный мозг).

В недостаточной экспериментальной разработке вопроса о действии разного рода полей на мозг и рецепторы состоит первая трудность, встречаемая электромагнитной гипотезой внушения на расстоянии со стороны физиологии. Второе затруднение ещё серьёзнее: никакая энергия не может произвести раздражающего действия на живые ткани, т.е. вызвать в них импульсы возбуждения, если её интенсивность ниже порога возбудимости ткани. Известный физик В.К. Аркадьев попытался воспользоваться уравнениями электрофизики и экспериментальными данными электрофизиологии, чтобы подсчитать порядок величин электромагнитного поля, которое могло бы возникнуть в результате электрической активности мозга. Результаты подсчёта оказались неутешительными: электромагнитная энергия, развиваемая биотоками работающего мозга, равна $6,5 \cdot 10^{-24}$ эрг/сек, т.е. во много тысяч раз меньше той энергии, которая нужна для порогового раздражения человеческого глаза ($2,1 \cdot 10^{-10}$ эрг/сек). На этом основании проф. Аркадьев

даёт электромагнитной гипотезе внушения на расстоянии отрицательную оценку.

Однако вопросы такого рода решаются не столько теоретическими соображениями, сколько прямыми опытами, поставленными с целью оправдать или отвергнуть ту или другую гипотезу. Для обсуждаемой нами гипотезы решающее значение имеют опыты с помещением внушающего на расстоянии (индуктора) или воспринимающего внушение (перципиента) в экранирующую металлическую камеру. Следовало заранее ожидать, что экранирование металлом будет прекращать или, по крайней мере, заметно ослаблять проявление внушения на расстоянии, если оно действительно передаётся электромагнитными волнами. Первые опыты такого рода были поставлены Б.Б.Кажинским совместно с В.А.Дуровым на дрессированных, собаках в начале 20-х годов. Индуктор, помещённый в заземлённую экранирующую камеру, сделанную из листов кровельного железа, мысленно внушал подопытной собаке то или иное двигательное задание. Оно более или менее правильно выполнялось только в тех случаях, когда индуктор имел возможность следить за животным через проделанное в камере овальное отверстие величиной с человеческое лицо. В 61% опытов с экранированием индуктора мысленное воздействие на поведение животных прекращалось, но в 39% тех же опытов продолжало осуществляться - результат довольно неопределённый.

Эти опыты никак нельзя признать безупречно поставленными. Во-первых, применявшаяся камера, имевшая значительных

размеров окно, закрывавшееся по мере надобности железной заслонкой, не давала гарантии надёжного экранирования. Никаких проверочных испытаний в этом отношении сделано не было. Во-вторых, сама постановка опытов мысленного воздействия на двигательную активность собак далеко не удовлетворяла выдвинутым Бехтеревым условиям. И сам индуктор, следивший за поведением животных при открытом окне, и присутствовавшие на опытах лица могли вольно или невольно руководить поведением собаки посредством тех или иных сигналов - движений, жестов, мимики, звуков и т.п.

Мне известны ещё две-три попытки поставить подобного рода, опыты. Одна из них была предпринята врачом-гипнологом Т.В.Гурштейном совместно с физиком Л.А.Водолазским в 1936 г. Приведённый в гипнотическое состояние перципиент помещался в экранирующую камеру вместе с наблюдателем, не знавшим внушаемых заданий. В его обязанности входило отмечать время и реакции перципиента, а также по своему усмотрению закрывать (изоляция) или открывать (без изоляции) дверь камеры. Индуктор из другой комнаты производил мысленные внушения двигательного характера: "поднять правую руку", "вытянуть левую ногу", "сжать правую руку в кулак" и т.п. Таких опытов было поставлено очень мало - всего 10; из них в 5 опытах с закрытой дверью камеры перципиент на мысленное внушение не реагировал; из 5 опытов с открытой дверью в 4 опытах он правильно выполнил внушаемое задание. Число этих опытов, конечно, недостаточно, чтобы сделать на их основании какое-либо определённое заключение.

Наконец, Б.В.Краюхии в своей уже цитированной статье сообщает о докладе С.Я.Турлыгина, сотрудника акад. Лазарева, сделанном на заседании Московского общества испытателей природы в 1939 г. "Докладчик сообщил о своих опытах по изучению излучения, испускаемого человеком, которое наблюдалось при сеансах бессловесного гипноза, вызываемого гипнотизёром, помещённым в металлической будке с отверстием. Детекторами этого излучения служили натренированные (?) субъекты, которые должны были падать при воздействии гипнотизёра. Влияние гипнотизёра имело место лишь тогда, когда отверстие в будке было открыто; при закрытом же отверстии никакого воздействия гипнотизёр не оказывал. Докладчик пришёл к выводу, что наблюдавшиеся им излучения (?) представляют собой электромагнитные, волны, причём одна из длин волн, измеренная с помощью дифракционной решётки из параллельных проволок, оказалась равной почти 2 мм". Докладчику можно было бы предъявить такие же критические замечания, какие уже были нами сделаны по поводу опытов Кажинского и Дурова.

Опыты с экранированием металлом, проведённые с соблюдением всех предосторожностей и в достаточном количестве, могли бы иметь определяющее значение в решении вопроса за или против электромагнитной гипотезы внушения на расстоянии. Учитывая это, автор с сотрудниками И.Ф.Томашевским, А.В.Дубровским и физиком-электриком Р.И.Скарятиным в 1933-1936гг. провёл систематические исследования в этом направлении с применением уже

известной читателю гипногенной методики. Первая забота состояла в создании надёжных экранирующих камер. Одна из них, служившая для экранирования перципиента, представляла собой деревянный каркас, обшитый листами кровельного железа, толщиной около 1 мм; швы между листами были оклеены фольгой. В камере помещалась койка для перципиента, столик для аппаратуры и стул для наблюдателя. Дверь закрывалась возможно плотнее (рис. 17). Эта камера находилась в круглой комнате (см. план лаборатории). Камера меньших размеров для экранирования индуктора помещалась в задней комнате лаборатории на расстоянии приблизительно 13 м от камеры перципиента, причём их разделяли две проходные комнаты и три запертые во время проведения опытов двери (см. план). Эта камера изображена на рис. 18. Она имела две половины - нижнюю и верхнюю; каждая половина состояла из деревянного каркаса, обшитого железными листами толщиной около 1 мм. Все швы и стыки листов были тщательно пропаяны. Верхняя половина ("колпак") была подвешена на стальном тросе, перекинутом через блок, ввинченный в потолок. Вес верхней половины уравнивался гирей в 16 кг. Таким образом, можно было легко поднимать этот железный колпак или опускать его на нижнюю половину камеры. По верхнему краю этой последней был устроен жёлоб, куда была налита ртуть. В ртуть входил при опускании край верхней половины, который в целях лучшего контакта был сделан латунным и амальгамирован. Этим устройством обеспечивалось отсутствие щелей между обеими половинами камеры и тем самым полное экранирование пространства внутри камеры от внешних

электромагнитных полей. Внутри камеры помещался стул для индуктора и небольшая полочка-столик. Эта камера (как и камера перципиента) освещалась небольшой лампочкой, накаливавшейся от стоявшего тут же аккумулятора.

Проверка "электрической герметичности" наших камер производилась следующим образом. Внутри камеры был помещён вместе со своими батареями генератор электромагнитных волн той или другой длины (от 2,7 до 15 м - длина "мозговых радиоволн" Каццамали). Наблюдатель, перемещаясь с приёмником, настроенным на ту же длину волны, вокруг камеры, пытался обнаружить проникновение волн из камеры наружу. Затем опыт проводился в обратном порядке: наблюдатель помещался с приёмником в камере и пытался принять сигналы от генератора, находившегося вне камеры. Эти испытания и теоретические расчёты показали, что камера индуктора обеспечивала полное экранирование всех ультракоротких, коротких и средних волн, а также значительное ослабление длинных волн, начиная от нескольких сотен метров и более. Камера перципиента пропускала короткие волны при недостаточно плотно закрытой двери. Малейшая щель уже нарушала изоляцию.

Для проведения серии опытов с экранированием служили наши лучшие перципиентки Ф. и И. Опыты ставились с применением гипногенной методики - так, как они уже были описаны в восьмой главе. Разница состояла только в том, что в этих опытах индуктор производил мысленное внушение из своей экранирующей камеры, а перципиентка находилась или

в своей камере, или же перед ней, сидя в кресле. В обоих случаях велась регистрация производимых перцепиенткой сжатий баллона, описанная в восьмой главе. Было поставлено 4 серии таких опытов: две первые без экранирования, причём в 1-й серии индуктор и перцепиент находились в одной комнате В, а во 2-й серии в разных комнатах (А и В); в 3-й серии опытов испытуемая помещалась в комнате В, а индуктор - в экранирующей камере, находившейся в комнате А; наконец, в 4-й серии опытов и индуктор, и перцепиент находились в изолирующих камерах, в разных комнатах.

Во всех четырёх сериях определялось время от начала мысленного внушения засыпания или пробуждения до момента фактического наступления засыпания или пробуждения (прекращения или возобновления сжимания баллона). Цифровые результаты всех опытов сведены в следующей табличке (М - средние арифметические в минутах 4; m - средние ошибки; в скобках - число опытов, из которых выведены эти величины):

Сливая данные 1-й и 2-й серий и объединяя величины времени усыпления с временем пробуждения, и получаем общую характеристику результатов без экранирования (М1): для Ф. 2,60 0,31; для И. 4,28 0,75. Аналогичный приём по отношению к 3-й и 4-й сериям даёт общую характеристику результатов при экранировании (М2): для Ф. 2,23 0,64; для И. 3,52 0,52.

Сопоставив приведённые числовые результаты опытов с экранированием с числовыми результатами опытов без

экранирования, мы видим, что разница между ними очень мала. Перципиентка Ф. в опытах с экранированием засыпала и пробуждалась под влиянием мысленного внушения в среднем на 0,37 минуты скорее, чем в опытах без экранирования, а перципиентка И. - на 0,76 минуты скорее. Вычисление коэффициента достоверности разницы показало, что эти полученные из опытов разницы (0,37 и 0,76) не выходят за пределы случайности.

Отсюда с непреложностью следует, что, вопреки электромагнитной гипотезе, применённое в наших опытах экранирование, задерживая распространение электромагнитных волн в широком их диапазоне, не оказало никакого влияния на передачу мысленного внушения от мозга индуктора мозгу перципиента.

Это значит, что энергетический фактор, передающий внушение на расстоянии, надо искать не посредине, а на концах электромагнитного спектра: или в области излучений с наиболее короткой волной - рентгеновых или гамма-лучей (на что нет никаких фактических указаний), или, напротив, - в области длинноволновых электромагнитных полей, проникновение которых в ослабленном виде через металлические стенки наших камер, даже в случаях их заземления, не исключено. Но и против этого предположения говорят приведённые нами расчёты проф. Аркадьева.

Изложенные факты и выводы, полученные нами ещё в середине 30-х годов, получили неожиданное подтверждение в

опытах, произведённых на борту "Наутилуса" четверть века спустя (см. первую главу). По словам Херумьяна, одного из ведущих сотрудников Парижского метапсихологического института, "электромагнитная гипотеза, обычно вызывающая представление о беспроводном телеграфе с агентом-передатчиком и перципиентом-приёмником, в настоящее время оставлена большинством парапсихологов". Очень показательно, что от неё отказался и Ганс Бергер, знаменитый современный электрофизиолог, создатель электроэнцефалографической методики, а кому, как не ему, казалось бы, быть горячим сторонником электромагнитной гипотезы! Развиваемая Бергером гипотеза о факторе, передающем телепатическую информацию, будет изложена в следующей главе.

ОПЫТЫ НА ОЧЕНЬ БОЛЬШОМ РАССТОЯНИИ

Французский парапсихолог Ренэ Дюфур в статье, озаглавленной "Играет ли пространство роль в телепатических явлениях?", подчёркивает, что для этих явлений характерно преодоление очень больших расстояний и всевозможных препятствий. Это указание не ново; о нём ещё в 1914 г. писал уже известный нам английский физик Баррэт:

"Остановимся на аналогии телепатии и беспроводного телеграфа. Если мы даже представим себе так называемые мозговые волны бесконечно малыми колебаниями эфира, наполняющими всё пространство, они всё же должны подчиняться так называемому закону "обратных квадратов", т.е., рассеиваясь с каждой стороны в вечно расплывающихся

волнах, они должны ослабевать пропорционально квадрату расстояния от их источника. Таким образом, на расстоянии тысячи ярдов от источника их влияние на перципиента (или воспринимающего) должно быть в миллион раз меньше, нежели влияние на того же перципиента на расстоянии всего одного ярда (английского аршина) от источника возникновения. Отсюда вытекает следующее: передача волн на большие расстояния через свободные пространства требует громадного напряжения энергии в первоначальном источнике этих волн, - иначе они окажутся настолько ослабленными, что перципиент не сможет воспринять их. Между тем ничто не говорит о необходимости громадного психического усилия со стороны агента в экспериментах с передачей мыслей".

Далее проф. Баррэт приводит несколько случаев спонтанной телепатии на больших расстояниях и делает вывод: поскольку телепатические явления не подчиняются закону "обратных квадратов", установленному ещё Ньютоном, они не могут осуществляться каким-либо энергетическим фактором.

Вопрос этот очень серьёзен. Приведу результаты некоторых опытов внушения на очень большие расстояния, проведённых в более новое время.

На третьем конгрессе психических исследований в 1927 г. Варколлье сообщил об экспериментах, проведённых при его участии между Парижем и Нью-Йорком в обоих направлениях, на расстоянии около 6000 км. Мысленно внушались зрительные образы, относящиеся к заранее определённым

типу объектов (например, рисунок какого-либо предмета, страница книги и т.п.); или же характер внушаемых объектов не был заранее обусловлен (например, представление о гимнасте, работающем на турнике). Было проведено 15 опытов по передаче мыслеобразов из Нью-Йорка в Париж, причём совпадение наблюдалось в 5 случаях (33,3%). В обратном направлении было проведено 20 опытов при 5 совпадениях (25%). Варколле рассматривает полученные результаты как значительный успех экспериментальной телепатии на больших расстояниях. Известный писатель Эптон Синклер в книге "Mental Radio" (1930 г.) описал многочисленные опыты по мысленной передаче рисунков (всего 290), в том числе и опыты, проведённые на расстоянии 25-30 миль.

Большая серия опытов на очень значительных расстояниях была организована в 1928 г. Афинским обществом психических исследований. Опыты производились между Афинами и Парижем (2101 км), между Варшавой и Афинами (1597 км) и между Веной и Афинами (1284 км). О результатах этих опытов докладывал д-р Константинидес на четвёртом Международном конгрессе психических исследований в Афинах. Передавались геометрические фигуры, рисунки, буквы и реже пластические изображения. Каждая группа экспериментаторов состояла из нескольких лиц, которые выполняли то роль агента, то роль перципиента. Иногда перципиентов погружали в гипнотическое состояние, надеясь этим улучшить результаты опытов. Передача и приём мысленного внушения были синхронизированы. В каждом направлении передача производилась дважды по 5 минут, с

пятиминутной паузой. Приём также продолжался по 5 минут с пятиминутным перерывом. Сравнивая оригиналы передаваемых объектов с воспроизведёнными рисунками перципиентов, трудно не согласиться с докладчиком в том, что и эти опыты свидетельствуют о возможности передачи мысленного воздействия на очень большие расстояния.

Надо сказать, что результаты этих опытов не хуже представленных нами в пятой главе результатов опытов Я.Жука, при проведении которых агент и перципиент находились в одной комнате.

В наших исследованиях 30-х годов аналогичные опыты были поставлены с применением гипногенной методики мысленного внушения. Здесь уместно напомнить о том, что опыты усыпления и пробуждения на расстоянии были произведены выдающимся французским психиатром Пьером Жане (P. Janet) и его коллегой д-ром Жибером (Gibert) в городе Гавре ещё в 1885 - 1886 гг. На расстоянии 1 - 2 км перципиентка Леония Б. приводилась мысленным внушением в состояние гипнотического сна неожиданно для неё самой и в любое время по желанию экспериментатора-индуктора. Из 25 опытов вполне удалось 18, остальные удались отчасти, т.е. с задержкой или ограничивались дремотой. В наших опытах индуктор выходил из лаборатории на другой этаж того же здания, или в соседний дом, или на улицу, удаляясь от Института мозга на более или менее далёкое расстояние. При испытуемой оставался наблюдатель. В некоторых опытах испытуемая находилась в другом конце города, в помещении

психотерапевтического диспансера, а индуктор - в лаборатории Института мозга. При этом испытуемая не могла и подозревать о том, что с нею производится опыт, а наблюдатель лишь весьма приблизительно был осведомлён о начале внушения.

При этих условиях, казалось бы полностью исключавших действие каких-либо условных сигналов, мысленное внушение сна и бодрствования реализовалось и нередко с такой же приблизительно скоростью, как если бы индуктор находился в одной комнате с испытуемой.

В дальнейшем был выполнен ряд опытов по той же гипногенной методике на расстоянии от 25 м до 1700 км и с тем же успехом уже на отобранных для эксперимента лицах. На табл. 2 сгруппированы опыты, имевшие место в пределах Ленинграда (опыты от № 1 до № 8) и два опыта на расстоянии Севастополь - Ленинград, организованные летом 1934 г.

Перед отъездом в Севастополь индуктор (Томашевский) заранее условился с д-ром Дубровским о днях и часах экспериментов. 13 июля перципиентка И. прибыла, как обычно, в психотерапевтический диспансер в 5 час. дня и пробыла в нём до 7 час. вечера. Однако в эти обусловленные для опыта часы из Севастополя телепатическая индукция не производилась, так как индуктор чувствовал себя нездоровым (москитная лихорадка). Исследуемая И., находясь всё время под наблюдением д-ра Дубровского, не проявила никаких признаков сонливости.

В другой раз, 15 июля, та же испытуемая явилась в диспансер около 10 час. вечера (время обусловленное). В 10 час. 10 мин. вечера индуктор приступил к мысленному внушению. В 10 час. 11 мин. у исследуемой было констатировано гипнотическое состояние. В 10 час. 40 мин. индуктор приступил к мысленному пробуждению, и как раз в этот же час и минуту, как оказалось при сверке протоколов опыта, исследуемая вышла из состояния гипноза. Следует добавить, что в дни опытов часы индуктора и наблюдателя сверялись с московским временем по радио.

В момент мысленного внушения индуктор находился в одиночестве на Приморском бульваре. Вокруг было темно, так как свет был выключен из-за учебной воздушной тревоги. Наблюдение за испытуемой осуществлял д-р Каялов, который раньше никогда с испытуемой И. не экспериментировал. Как оказалось в дальнейшем, ему не были известны ни цель этого задания, ни замысел экспериментатора. Наблюдение Каялов провёл по предложению д-ра Дубровского, с которым были обусловлены дни и часы опыта.

В этой серии опытов мы неожиданно для себя получили и хороший контрольный опыт. 13 июля не было мысленного внушения, не наблюдалось и симптомов сна у подопытного лица. Результаты всех этих опытов сведены в табл. 2.

Для контроля за состоянием испытуемой (когда она находилась вне лаборатории) в отдельных опытах применялась

радиоустановка, работавшая на УКВ. В таких случаях испытуемая находилась у себя дома, где устанавливался радиопередатчик, имевший специально приспособленный замыкатель. В момент сжимания резинового баллончика замыкалась цепь источника тока, что вызывало генерирование передатчиком радиоволн.

На приёмной установке в лаборатории Института мозга сигналы регистрировались на движущейся ленте кимографа. В условленное время дня испытуемой предлагалось включить вилку радиопередатчика в осветительную сеть, принять удобное положение для отдыха и сжимать резиновый баллончик, а с наступлением сна прекращать сжимания.

Учитывая время от начала опыта, при получении первых радиосигналов, до прекращения сигналов, мы имели возможность на значительном расстоянии следить за наступлением у перцепиента сна при мысленном внушении или без него. Таких опытов было проведено немного, но полученные результаты показали, что применённая радиосигнализация значительно расширяет экспериментальные возможности.

Анализируя результаты опытов на различных расстояниях, мы находим, что эти результаты почти идентичны с теми, которые были получены нами на близких расстояниях, из одной комнаты в другую. Случай в опыте от 21. 4. 34 г., в котором на реализацию мысленного внушения потребовалось 21 мин., составляет исключение.

Такие естественные преграды, как кривизна поверхности земного шара, рельеф местности и т.п., препятствиями для осуществления мысленного внушения не являются. В этом отношении "Mental Radio" не отличается от нашей обычной радиотелеграфии, передающей информацию из одного полушария в другое благодаря тому, что радиоволны многократно отражаются от непроницаемой для них ионосферы. Они могут быть уловлены в закрытых помещениях радиоприёмником с внутренней антенной.

Приведённый нами экспериментальный материал может натолкнуть на ложное представление о том, что закон "обратных квадратов" к данным случаям неприменим. Так и решает этот вопрос современный английский парапсихолог Керингтон. Вслед за Баррэтом он решительно настаивает на том, что расстояние между агентом и перципентом, как бы велико оно ни было, не уменьшает результативность опытов мысленного внушения; значит, к данному случаю закон "обратных квадратов" неприменим; а из этого следует, что телепатическая связь имеет не энергетическую, а какую-то совсем иную природу. Керингтон отвергает на этом основании не только электромагнитную гипотезу внушения на расстоянии во всех её разновидностях, но и всякую другую физическую гипотезу телепатической передачи. Объявляя внушение на расстоянии внепространственным феноменом, он вновь открывает ворота идеалистическим воззрениям на телепатию, отрывающим дух от материи, психику от мозга.

Но верна ли эта аргументация Баррэта - Керингтона? Математик Б.Гоффман в своей содержательной статье утверждает, что она неверна. Ошибочность этой аргументации состоит в том, что в ней смешиваются такие совершенно различные понятия, как "интенсивность" и "понятность" (intelligibilite). Гоффман разъясняет это двумя примерами, смысл которых состоит в следующем.

Не подлежит сомнению, что сила света уменьшается с удалением от источника света пропорционально квадрату расстояния. Если световой энергии положено выполнить какую-нибудь работу, например, разложить бромистое серебро фотопластинки, то она выполнит эту работу тем быстрее и полнее, чем ближе расположена фотопластинка к источнику света. Но допустим, что тот же свет служит всего лишь сигналом, что он несёт информацию о каком-либо событии. В таком случае дальность расстояния уже не будет иметь большого значения. Мы в одинаковой, мере поймём условленный смысл светового сигнала и тогда, когда он ослепительно вспыхнет вблизи, и тогда, когда наш глаз едва уловит его на большом расстоянии. Сигнал, информация тоже подчиняются закону обратных квадратов, тоже передаются энергией, но её интенсивность в данном случае может быть ничтожно мала.

Гоффман опубликовал свою статью за восемь лет до появления знаменитой книги Норберта Винера, положившей начало кибернетике. Теперь мы знаем о существовании энергетических и кибернетических устройств или систем;

знаем, что в живом организме эти системы сочетаются воедино. "Однако специфика и закономерности этих двух областей явлений природы различны, и это различие нужно очень чётко видеть. Понятие информации сложилось позже, чем понятие энергии. И законы работы кибернетических систем познаны ещё далеко недостаточно. В наши дни только закладываются основы их понимания".

Французская парапсихологическая школа в лице Р.Варколлье и Р.Херумьяна давно уже занимается сопоставлением мысленного внушения с различными способами передачи информации на расстоянии, применяемыми в технике. Эти авторы указывают на ряд аналогий, существующих между деятельностью телепатического агента, перципиента и работой аппаратов, применяемых в кибернетике. Они полагают, что можно сконструировать такой кибернетический аппарат, который будет воспроизводить в виде модели все явления мысленного внушения с присущими им особенностями и недостатками.

Моделирование физиологических функций составляет одну из важных задач кибернетики. Примером может служить кибернетическая черепаха Уолтера, как бы воспроизводящая механизм образования условного рефлекса. Не удивительно, что кибернетики начинают теперь интересоваться и телепатическими явлениями, как особым видом передачи информации. Так, например, известный математик и кибернетик А.Тьюринг озабочен в своей книжке вопросом, как согласовать некоторые положения кибернетики с признанием

реального существования парапсихических явлений, в частности телепатии.

Можно предположить, что "телепатическая пара" в момент передачи внушения на расстоянии являет собой временно действующую кибернетическую систему со всеми вытекающими из этого определения следствиями.

Вторым своим примером математик Гоффман ещё ближе подошёл к вопросу, интересующему нас в этой главе. Представим себе две передающие радиостанции одинаковой мощности - одну поблизости (А), другую вдалеке (В) от станции приёма. Сигналы станции В должны быть, соответственно закону "обратных квадратов", много слабее сигналов первой. Но современные станции приёма снабжены устройством, известным под названием "автоматического контроля объёма". Это устройство автоматически, усиливает ослабленные расстоянием сигналы станции В, уравнивая их с сигналами ближней станции А.

Такое устройство "маскирует" действие закона "обратных квадратов", но, разумеется, не отменяет его. "Позволительно допустить, - продолжает своё рассуждение Гоффман, - что и имеющийся у человека физиологический приёмник телепатических импульсов содержит нечто вроде устройства для "автоматического контроля объёма", маскирующего действие расстояния". От себя добавим, что в организме роль такого "устройства" мог бы играть хорошо известный

физиологам закон "всё или ничего" - выравнивание физиологических ответов на сильные и слабые раздражения.

Мы можем теперь согласиться с утверждением Баррета - Корингтона о том, что для внушения на расстоянии само расстояние как будто большого значения не имеет, но согласиться с одной существенной поправкой: это происходит не потому, что внушение передаётся каким-то не энергетическим фактором, а оттого, что организм располагает устройствами, маскирующими проявление закона "обратных квадратов". А то, что внушается на расстоянии - телепатема, передаётся так, как передаются сигналы и информация, подчиняясь закономерностям кибернетических систем.

Но это не всеми ещё понимается. У нас это непонятно учёным, склонным к механистическому материализму или не желающим считаться с достижениями кибернетики. За рубежом ещё не перевелись защитники "психологических", чтобы не сказать откровенно спиритуалистических, гипотез мысленного внушения, отрывающих дух от материи, психику от мозга. Можно выделить ещё гипотезы как бы промежуточного характера, пользующиеся понятием "психической энергии", придавая ей тот или иной физический смысл. Примером может служить гипотеза уже упоминавшегося электрофизиолога Ганса Бергера.

В небольшой книжке, изданной в 1940 г., проф. Бергер развивает гипотезу "психической энергии" как фактора, переносящего телепатическую информацию. Он

заинтересовался этим вопросом после нескольких случаев спонтанной телепатии, имевших место в его жизни, и лично провёл много опытов мысленного внушения на двухстах испытуемых.

Бергер, подобно нашему проф. Аркадьеву, полагал, что изменения электрических потенциалов в мозгу слишком малы, чтобы объяснить их участием передачу телепатической информации иногда на огромные расстояния. Он пытался показать, что электрическое напряжение, создаваемое клетками мозга, преобразуется в "психическую энергию", которая может распространяться на любое расстояние и проходить через любые встречающиеся на пути препятствия. Бергер представляет себе этот процесс как распространение волн, похожих на волны Герца, но не идентичных им. Он подразделяет телепатический процесс на три этапа следующим образом: а) электрические мозговые процессы трансформируются в мозгу индуктора в "психическую энергию"; в) эта энергия распространяется в пространстве; с) когда она достигает мозга перципиента, то, снова превращается в электрическую энергию, которая вызывает физиологические процессы и связанные с ними психические переживания, соответствующие переживаниям телепатического агента.

Таким образом, носителем телепатической информации является, по Бергеру, волнообразно распространяющаяся "психическая энергия", возникающая путём трансформации биоэлектрических потенциалов в мозгу индуктора и снова

переходящая в биоэлектрические потенциалы в мозгу перципиента. В пользу того, что на психическую деятельность, по-видимому, затрачивается в мозговых нейронах электрическая энергия, Бергер приводит два открытых им явления: во-первых, депрессию (ослабление) альфа-волн при всяком умственном напряжении и, во-вторых, увеличение биоэлектрических потенциалов (появление дельта-волн) при потере сознания, вызванной наркотическими средствами или какими-либо другими причинами.

В настоящее время эти доводы Бергера потеряли свою силу, так как упомянутые явления объясняются теперь статистическими факторами (множественностью клеточных генераторов электрических потенциалов, уменьшением или увеличением "синхронности" (одновременности) протекания этих потенциалов в отводимых к осциллографу участках мозговой, коры и т.п.). Таким образом, гипотеза Бергера утратила фактические доводы в свою пользу. Некоторое сходство с нею имеет так называемая "метаэфирная гипотеза", впервые высказанная ещё Фредериком Майерсом и развиваемая ныне ведущими французскими парапсихологами (Варколлье, Херумьян и др.). Согласно этой гипотезе, в мире кроме эфира (кстати сказать, отвергаемого современными физиками) существует ещё эфирная среда другого порядка, дающая о себе знать в парапсихических явлениях.

Мозговая деятельность якобы способна производить колебания в "метаэфирной среде", которые волнообразно передаются через пространство и при некоторых условиях

воспринимаются органами "криптестетической чувствительности", в повышенной степени присущей так называемым сенситивам (например, способным телепатическим перцепиентам). Метаэфирная среда и происходящие в ней процессы мыслятся Херумьяном как своеобразная физическая среда и своеобразные физические процессы, которые пока ещё не удаётся уловить физическими приборами, вследствие чего приходится пользоваться живым детектором - мозгом перцепиента. Этот парапсихолог предлагает план изучения "метаэфирной энергии". Вот его собственные слова: "Та энергия, которая, как мы считаем, несёт парапсихические восприятия (в том числе и восприятие телепатической информации. - Л.В.), несомненно, не является ни одной из известных нам энергий. Но есть много доказательств тому, что она обладает некоторыми из их характеристик. Поэтому естественно, по нашему мнению, начать её изучение с наименее загадочных её аспектов. Лучшим средством ближе подойти к этой проблеме и выявить то, что в ней оказывается специфически парапсихологическим и несводимым к известным нам силам, было бы сконструировать аппараты вроде тех, к которым нас приучила кибернетика, с тем чтобы воспроизвести телепатические трансмиссии так, как они происходят в действительности, т.е. с многочисленными неудачами и характерными искажениями".

В сущности такая же задача нередко встаёт и перед современными физиками. Они наталкиваются на явления, объяснение которых требует допущения, например, нового поля или ещё неизвестных элементарных частиц внутри атома.

Производятся экспериментальные поиски, делаются расчёты, иногда они увенчиваются успехом. Напомним открытие мезонного поля, которое вначале было постулировано и только через десять лет установлено экспериментально. Конечно, далеко не всё в мире существующее уже познано. Открываются новые "микрополя", не выходящие за пределы атома; но нельзя разве предположить, что рано или поздно будет обнаружено и принципиально новое "макрополе", выходящее за пределы атомов, захватывающее окружающее пространство?

Некоторые крупные зарубежные учёные уже стали на этот путь исканий. Так, например, известный читателю немецкий физик Иордан и д-р Б.Гоффман, в прошлом, сотрудник Эйнштейна, полагают, что гравитационное поле имеет, по-видимому, некоторое сходство с той силой, которая передаёт телепатическую информацию: та и другая действуют на очень большие расстояния и проникают через все преграды.

В этом отношении очень большой интерес представляют элементарные частицы нейтрино, возникающие при многих ядерных реакциях. Как известно, частицы нейтрино не несут электрического заряда и движутся со скоростью, очень близкой к скорости света. Масса покоя этих частиц, по некоторым данным, равна нулю, вся их масса обуславливается лишь энергией поступательного движения. Эти частицы могут поэтому пронизывать огромные толщи материи. Слабый поток частиц нейтрино приходит на землю от солнца и звёзд и беспрепятственно проходит через земной шар. Если бы в

мозге по ходу нервно-психических процессов возникали такие частицы, если бы они раздражали нейроны другого мозга, то по своим физическим свойствам нейтрино могли бы, пожалуй, служить переносчиком телепатемы, которая тоже не имеет преград. Но эти "если бы" не только не оправданы опытом, но и невероятны по существу. Приведённые примеры, ничего пока не решая, показывают, что вопрос об энергетической природе мысленного внушения - не праздный вопрос: он начинает занимать умы выдающихся представителей современной науки, и в этом - гарантия того, что так или иначе, рано или поздно он будет разрешён.

ВОЗМОЖНОЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Окончательное установление внушения на расстоянии как неоспоримого факта и выяснение физической природы передающего фактора имело бы не только большое естественнонаучное, но и философское, мировоззренческое значение. По разным поводам мы уже указывали на это в предшествующих главах (в I, V и XI). Читатель знает, что зарубежные учёные и философы, склонные к идеализму, охотно берут телепатию себе на вооружение, считая её веским фактическим доводом в пользу своих концепций. Среди философов и учёных у нас и за рубежом преобладают априорные отрицатели телепатии, считающие её ещё не изжитым суеверием, чем-то несовместимым с материалистическим мировоззрением. По этому вопросу на страницах советских научно-популярных журналов недавно разгорелась борьба мнений.

Так, проф. Д.А.Бирюков, физиолог, заканчивает свою статью, озаглавленную "Передача мысли невозможна", словами: "Мышление есть свойство мозговой материи и неотделимо от неё. С этой точки зрения постановка вопроса об отделимости мысли от мозга, её передача исключается". "Но это вовсе не значит, - возражает ему проф. В.П.Тугаринов, философ, - что мысль нельзя передавать другому. Ведь передаётся информация о содержании мысли. И носителем информации является вещественный фактор - волны, излучения, письменные знаки... Если бы сторонники телепатии искали способы передачи мысли без материального агента, это было бы бессмысленно и абсурдно. Большинство ищет новые виды материального движения для передачи мысли. Их опыты отнюдь не противоречат научному взгляду на мир, выражаемому марксистским мировоззрением".

Д.А.Бирюков выдвигает ещё и другое положение, исключаящее, по его мнению, возможность мысленного внушения. Мысли, правильно замечает он, существуют у нас в форме слов. Слова же всегда принадлежат какому-либо национальному языку, между тем как мозговые процессы лишены национальных признаков. Следовательно, заключает проф. Бирюков, передача мыслей на расстояние опять-таки невозможна.

По-видимому, Д.А.Бирюков, утверждая это, был сбит с толку неудачными выражениями - "передача мыслей", "мысленное внушение", часто употребляемыми парапсихологами. Телепатически передаются не понятия, не суждения или

умозаключения, не то, что в строгом и тесном смысле можно назвать мыслями; передаются всегда только ощущения, образы - зрительные и всякие другие, чувства разного рода и побуждения к действию.

В выдержке из письма, приведенной в гл. V, проф. К.И.Платонов категорически заявляет: словесный мысленный приказ "Засыпайте! Спите!" всегда остается безрезультатным; для достижения положительного результата внушающий должен возможно более ярко вообразить себе образ перципиента и притом так, как будто бы перципиент уже заснул. То же самое пишет и д-р Катков. Надо раз навсегда уяснить себе коренное различие между обычным словесным внушением гипнотизёров и телепатическим бессловесным внушением. Каждый народ говорит на своём национальном языке, но язык образов - язык искусства - интернационален, его понимают все. Такое же точно различие существует между словесным и бессловесным внушением: первое воспринимается только знающими тот язык, на котором оно даётся; второе в принципе может быть воспринято всеми, даже детьми, даже, быть может, высшими животными, как утверждал В.М.Бехтерев.

В опытах, организованных в международном масштабе, французские, немецкие и польские индукторы успешно внушали различные рисунки афинским перципиентам. Не могли же последние знать три иностранных языка - французский, немецкий, тем более польский. А афинские индукторы с таким же успехом отправляли свои внушения

французским, немецким и польским перципиентам, не знавшим ни слова по-гречески.

Для тех, кто достаточно знаком с учением И.П.Павлова о высшей нервной деятельности, к уже сказанному добавлю: словесное внушение относится ко второй сигнальной системе, лежащей в основе логического, всегда словесного, мышления; когда же мы говорим о внушении на расстоянии, то имеем в виду первую сигнальную систему, т.е. образное предметное мышление, ассоциации образов, а не логику понятий, суждений и умозаключений.

Весь приведённый в данной брошюре фактический материал свидетельствует о том, что это именно так и есть. В проводимых ныне опытах по внушению на расстоянии испытуемым, спящим или бодрствующим, обычно передаются рисунки или зрительные образы предметов, те или иные движения, поступки, чувства, но совсем не "мысли", в прямом и тесном смысле этого слова. Что касается отдельных слов и их сочетаний, то они изредка имеют место в случаях спонтанной телепатии. Тут надо вспомнить, что слова в некоторых случаях бывают сигналами, относящимися не ко второй, а к первой сигнальной системе. Простым условными раздражителями они могут быть для дрессированных животных, для маленьких детей, у которых ещё не развилась вторая сигнальная система, для слабоумных взрослых, да и для нормальных людей в состоянии сна. Во второй главе приведены случаи спонтанной телепатии, в которых перципиенты воспринимали слова индуктора в своих

сновидениях или в просоночном состоянии; но ведь во время сна вторая сигнальная система заторможена и действует одна только первая сигнальная система. Примером телепатической передачи слова, как простого условного раздражителя, может служить случай, описанный проф. де Ти: произнесение её слабоумным братом ничего не говорящего ему названия городка Эстрепаньи.

Несравненно более частая передача на расстоянии зрительных и всяких других образов, чем слов подтверждает правильность высказанной мною в девятой главе мысли, что телепатическая связь отнюдь не является последним достижением эволюции. Ведь в процессе эволюции вторая сигнальная система появилась позже первой. Непрерывно подтормаживая в бодрственном состоянии более древнюю первую сигнальную систему, она ограничивает у человека проявление внушения на расстоянии, как в отношении индукции, так и перцепции.

Всё это имеет несомненный интерес для естествоиспытателя. Для философа же важнее подчеркнуть другое: телепатическая перцепция, если она будет окончательно установлена, явится единственным средством непосредственного познания чужой психики, по крайней мере некоторых психических переживаний (относящихся, по Павлову, к первой сигнальной системе). Иных средств современная наука не знает. Одно время возлагалась надежда на расшифровку электроэнцефалограмм в целях проникновения в содержание психики другого лица, но надежда эта не оправдалась. О содержании чужой психики мы можем судить только

косвенным образом - по аналогии с самим собой. Например, мой собеседник говорит что-либо смешное, шутит, смеётся; по собственному опыту я знаю, что, когда сам веду себя подобным образом, мне бывает весело, я переживаю некое своеобразное чувство. Значит, заключаю я по аналогии с самим собой, данный момент такое же чувство переживает и мой собеседник. Но это не доказательство: ведь хороший актёр может отлично изобразить все внешние признаки весёлости, хотя на самом деле ему, быть может, совсем не до веселья.

"Чужая душа - потёмки", - говорит народная мудрость. А известный в своё время профессор философии А.И.Введенский, основываясь на рефлекторной теории поведения животных и человека, выдвинул тезис об "отсутствии объективных признаков чужой одушевлённости". Нельзя, мол, доказать, что другие люди не рефлекторные автоматы, а такие же, как я сам, одарённые психикой существа. И никто в то и время не смог представить таких доказательств, никто не догадался заявить, что экспериментальное доказательство одушевлённости другого лица в принципе может быть дано опытами бессловесного внушения и случаями спонтанной телепатии. Овладение телепатическими явлениями обещает расширить наши познавательные возможности и как раз в той области знания - психологии, - где они так ограничены.

Строго научное изучение различных проявлений внушения на расстоянии имеет также идеологическое, антирелигиозное

значение. В капиталистических странах эти явления сплошь и рядом используются как веский довод, подкрепляющий суеверные представления о душе, о "власти духа над материей". У нас в широких кругах населения интерес к внушению на расстоянии питается происходящими в обыденной жизни явлениями спонтанной телепатии. Её проявления имеют место и в наши дни, у советских людей, освободившихся от суеверных религиозных представлений. Явления эти настоятельно требуют научного объяснения. Их отрицание или замалчивание приносит не пользу, а вред: "Шила в мешке не утаишь". Это понимали и понимают многие выдающиеся представители советской культуры - учёные и писатели, в том числе и К.Э.Циолковский.

Сейчас ещё трудно гадать о том, какое значение для науки и жизни имело бы практическое овладение явлениями бессловесного внушения и выяснение осуществляющего его фактора. По этому вопросу высказываются различные мнения - пессимистические и оптимистические, однако преобладают первые. Например, проф. Эмилио Сервадио (E. Servadio) считает, что "явления телепатии мало влияют или совсем не влияют на развитие нашей культуры; они несравненно менее полезны, чем обычные средства коммуникации; никто не сомневается в том, что любой случай телепатии, каким бы поражающим он ни был, несравненно менее точен и удобен для установления связи, чем телеграмма или телефонный вызов". Телепатическая связь может быть полезной для некоторых животных, могла быть полезной для людей до

изобретения современных средств коммуникации, но теряет своё значение в условиях современной жизни.

Непредвиденно большое, можно сказать, огромное для науки и жизни значение внушение на расстоянии получило бы в том случае, если бы оказалось, как мы и полагаем на основании своих опытов, что телепатическая связь осуществляется каким-то ещё неизвестным нам видом энергии или фактором, присущим только наивысшей форме развития материи - веществам и структурам головного мозга. Установление такой энергии или фактора было бы равноценно открытию внутриатомной энергии.

Именно на это должны быть направлены главные усилия исследователей внушения на расстоянии. До решения этого вопроса ещё далеко, но уже и теперь в зарубежных странах предпринимаются некоторые попытки использовать бессловесное внушение для мирных целей и, как можно заключить по некоторым газетным сообщениям, для целей войны.

Так, например, в Голландии были проведены обширные исследования телепатической перцепции у детей младшего школьного возраста (10 - 12 лет) ван Бушбахом и дошкольного возраста (4 - 6,5 лет) ассистенткой Парапсихологического института в Утрехте Лоуверенс. Задача этих двух исследований состояла в выяснении вопроса: возможно ли использование бессловесного внушения в целях воспитания детей. Результаты во многом совпали. Оказалось, что

личность воспитателя, его умение завоевать симпатию и любовь детей являются важными факторами в получении успешных результатов при проведении опытов бессловесного внушения. При этом девочки, за немногими исключениями, дали значительно более высокие результаты, чем мальчики.

Вот некоторые условия и конкретные результаты опытов Лоуверенс. Вместо обычных карт Зенера дошкольникам мысленно передавались цветные рисунки игрушек: кукла, мяч, грузовик, олень и башня из деревянных брусков. Инструкция давалась детям в форме сказки. Воспитатель, скрытый от детей экраном, смотрел на одну карту за другой (в соответствии со случайно выбранным порядком), а каждый ребёнок старался выбрать при каждой пробе из кучки картинок ту, на которую, как ему казалось, смотрит находящийся за экраном воспитатель. В опытах с индуктором-воспитателем принимало участие 684 ребёнка из 15 классов. Общее число проб - 17000 (684 серии по 125 проб). Из них было получено 3703 угадывания вместо следуемых по теории вероятностей 3420, /т.е. с положительным отклонением, равным 283. Вероятность того, что этот результат случаен, очень мала; она выражается числом - 0,00000006. В контрольных опытах при участии тех же детей индуктором была сама Лоуверенс - почти незнакомый для детей человек. Участвовало 420 детей из 10 классов; общее число проб - 10500 (420 серий по 25 проб). Эти опыты дали результат, который надо было признать случайным, что ещё более подчёркивает значение непосредственной психической, связи между воспитателем и воспитуемыми. Из приведённых фактических данных можно сделать вывод, что воспитатель

воздействует на своих воспитуемых не только словом и личным примером, но и бессловесным телепатическим влиянием, сам об этом не подозревая. Это неподотчетное влияние может действовать на воспитуемого исподволь, не вызывая его сопротивления и протеста, и даже тогда, когда воспитатель отсутствует. К этому надо добавить, что словесные внушения, производимые во время ночного сна воспитуемого, уже давно применяются родителями в некоторых странах.

Наряду с этими мирными начинаниями в капиталистическом мире зреют и агрессивные замыслы. В первой главе уже упоминалось о статье французского журналиста Жака Бержье "Передача мысли - оружие войны". В ней не только описываются опыты на борту подводной лодки "Наутилус" (подлинность которой нам подтвердить не удалось), но и приводятся некоторые настораживающие выдержки из американских газет. Вот что писал об этом Бержье.

"В то время, когда сигналы "бип-бип" первого спутника звучали над миром (читай: капиталистическим, - Л.В.), как погребальный колокол, наиболее крупные американские учёные пришли к заключению, что наступило время начать действовать во всех тех направлениях, которыми русские пренебрегают. Американская наука обратилась к общественному мнению. 13 июля 1958 г. в воскресном приложении к нью-йоркской "Геральд трибюн" была опубликована статья крупным военным специалистом американской прессы Анселем Тальботом". Он писал:

"Для военных сил США, без сомнения, очень важно знать, может ли энергия, испускаемая человеческим мозгом, влиять на расстоянии тысяч километров на другой человеческий мозг. Было произведено строго научное исследование этого явления, которое, как и всё порождаемое живым организмом, обусловлено энергией, возникающей в организме при окислении пищевых веществ. Овладение, этим явлением может дать новые средства сообщения между подводными лодками и наземной базой, а также, быть может, в один прекрасный день и между путешественникам межпланетного пространства и Землей".

Благодаря этой статье и докладам многих учёных было якобы принято решение открыть лаборатории, посвящённые исследованиям в области парапсихологии в крупнейших исследовательских центрах США, работающих на войну, в том числе и в корпорации (акционерном обществе) Вестингауза.

Это сообщение подтверждается другой заметкой, помещённой в той же газете: "Электрическая корпорация Вестингауза имеет учёных, которые серьёзно занимаются изучением возможности существования сознательной (в отличие от спонтанной - Л.В.) телепатии и других форм экстрасенсорной (внечувственной - Л.В.) перцепции для систем связи на значительные расстояния. Это направление исследований оценивается сотрудниками Вестингауза как "очень многообещающее", однако потребуются проделать очень большую работу, чтобы подойти к чему-либо практически ценному".

С другой стороны, ведущий американский парапсихолог д-р Райн в заметке издаваемого им бюллетеня сообщает, что на его запрос об опыте на борту "Наутилуса" "авторитетные лица из Вашингтона заявили, что они ничего не знают ни о каком подобном эксперименте". Кроме того, он отрицает финансирование государством парапсихологических лабораторий в США и в других западных странах. По-видимому, такие лаборатории содержатся там на частные пожертвования и общественные средства. Это видно из следующих знаменательных слов того же бюллетеня:

"Западному миру пришлось пересмотреть своё мнение о науке в СССР за последние годы. Второе событие, на этот раз связанное не с завоеванием космоса, а, скорее, с природой самого человека, придётся приписать советской науке. Но если большинство астрофизиков, несомненно, предвидело заранее, что Россия отправит первого человека в космос, то никакой западный парапсихолог не предвидел, что именно русский университет первым организует исследовательскую парапсихологическую лабораторию, финансируемую государством. Всё же это случилось в прошлом году в Ленинградском государственном университете по инициативе профессора А.А.Васильева, заведующего кафедрой физиологии, члена-корреспондента Академии медицинских наук. Работа носит название "биоэлектроники", "мозговой связи" или, в вольном переводе, "умственного радио". Далее следует краткое изложение результатов моих с сотрудниками исследований по внушению на расстоянии сна и пробуждения

с применением экранирования металлов (по статье в советском журнале "Знание - сила", 3 № 12 за 1960г.).

Трудно решить, что в приведённых французских и американских сообщениях правда, а что вымысел. Ясно одно: пренебрегать подобными исследованиям не следует.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВНУШЕНИЯ НА РАССТОЯНИИ

В контексте практической части данной работы под термином ВНУШЕНИЕ НА РАССТОЯНИИ мы будем рассматривать такое внушение, которое дает возможность получить результат без какого-либо согласия на это внушаемого и, более того, при фактическом отсутствии какой-либо связи с внушаемым, либо при полном отсутствии сведений о личности конкретного внушаемого на момент проведения внушения как такового (применимо, в первую очередь, к массовым внушениям).

Под результатом внушения предлагается рассматривать выполнение внушаемым или группой внушаемых какого-либо действия, при отсутствии какого-либо сопротивления со стороны таких лиц.

Под содержанием внушения мы будем рассматривать вербальную, то есть, формируемую словесно установку, предписывающую выполнение определенных действий внушаемым лицом или группой внушаемых лиц.

Под установкой мы будем рассматривать словесное описание ситуации, которая должна реализоваться в результате внушения.

Для пояснения терминов, применяемых в описании методики аутогенного внушения, рассмотрим пример такого явления как лозоходство.

Рассмотрев большое число разнообразных случаев лозоискательства, можно прийти к выводу, что в них действует один и тот же своеобразный способ восприятия и индикации различных окружающих объектов и разнохарактерных событий. Он основан на развитии приторможенного

идеомоторного акта под действием некоторого физического сигнала, в соответствии с выработанной фиксированной установкой.

Если сосредоточить взгляд на конце рамки и мысленно представить себе ее поворот по часовой стрелке или против нее, то рамка действительно начнет поворачиваться благодаря почти неуловимому глазом и, разумеется, произвольному наклону кисти, всей руки и корпуса. Этим движением можно управлять за счет обратной связи: человек, принимающий участие в испытаниях (будем называть его оператором), способен не только вызвать движение рамки, но и затормозить его, включив соответствующую группу мышц, осуществляющих обратную связь. Используя ее, оператор и подправляет рамку, поддерживая первоначальную ориентацию рамки вперед по ходу.

Кисть руки с рамкой оказывается в положении неустойчивого равновесия, а сам оператор должен быть очень сосредоточен и напряжен, чтобы это равновесие поддерживать.

Когда оператор, находясь в таком состоянии "активной готовности", воспринимает некий сигнал, переключающий его внимание, в потоке нервных импульсов, управляющих мышцами руки, возникает рассогласование, кисть незаметно наклоняется, рамка поворачивается.

Обычно, если рамка находится в правой руке, то она поворачивается против часовой стрелки. Но иногда рамка неожиданно поворачивается в противоположную сторону, что подтверждает возможность конкуренции и срыва равновесия.

Теперь вступает в действие еще один удивительный эффект - выборочная настройка, связанная с фиксированной психологической установкой. Если оператор настроен отметить, скажем, прохождение дверного проема, то рамка повернется именно в этот момент, а восприятие информации, относящейся к другим объектам и событиям, будет ослаблено. После некоторой тренировки оператор может совсем не обращать внимания на проем, но когда он будет его проходить, выработанная установка все равно подействует - оператор бессознательно отметит этот момент, и рамка произвольно повернется.

Вот, такая бессознательная реакция на совершенно различные, но вполне реальные физические сигналы, связанные с объектами поиска, и лежит, по-видимому, в основе всех лозонскательных эффектов.

Если в процессе тренировки оператор выработал способность отмечать поворотом рамки прохождение того же дверного проема, то точно так же она может повернуться и когда оператор перешагивает через рельс или ручей, проходит под линией электропередачи или мимо колонны, столба - вообще, мимо любого выделяющегося ориентира, хотя бы даже яркой ленточки на его пути.

Приступая к делу, оператор находится в состоянии "активной готовности" - с сознательной установкой на объекты определенного свойства. Однако бессознательно установка распространяется и на восприятие характерных физических сигналов, которые могут быть связаны с объектом. Сам оператор может и не знать о существовании этой связи. Восприятие подобных сигналов происходит бессознательно;

оно, безусловно, зависит от способностей оператора и шлифуется с опытом. И происходит следующее: сознание молчит, но бессознательно сигнал воспринят - идеомоторный акт срабатывает, и рамка поворачивается.

Что это может быть за сигнал? Вызванное наличием объекта локальное искажение любого поля - гравитационного, электрического, магнитного, радиационного, акустического. Сигналами могут быть связанные с объектом различные прямые и отраженные излучения, изменения влажности воздуха, перепады температуры. Физических явлений тут может быть очень много, и каждое может быть воспринято органами чувств оператора, не затрагивая его сознания. Чему удивляться, если "опытный" ревматик или гипертоник чувствует перемену погоды за двое суток, когда еще молчат самые чувствительные приборы! А тут руда под ногами!

Наиболее вероятно совместное действие сигналов различной природы, благодаря чему при выработке необходимой установки становится возможной дифференциация объектов поиска различного качества.

Таким образом, если в качестве фиксированной установки при проведении сеанса аутогенного внушения будет передано вербальное описание ситуации (субъект, объект, диспозиция) – данная установка будет претворена. При этом, наиболее значимым на наш взгляд является факт, что реализуются даже установки, не имеющие отношения к конкретным людям, которые эту установку могут выполнить – что указывает на правильность предположения о том, что бессознательное в данном аспекте следует трактовать в модели Юнга (коллективное бессознательное, позволяющее внести

изменение или установку в любую доступную инстанцию такого бессознательного, чтобы она была исполнена теми, кому это будет исполнить наиболее эффективно).

Наиболее понятной на наш взгляд аналогией для понимания такой модели бессознательного является модель голограммы – в которой каждый осколок основной голограммы хранит копию основной голограммы с некоторой зашумленностью по сравнению с основным куском.

При этом, для внесения изменений в отдельно взятый осколок с тем, чтобы изменить основную голограмму не требуется ничего, кроме описываемых как в классическом описании феномена внушения действий, масштаб же действий, описываемых установкой и потенциальное количество принимающих участие в реализации установки лиц значения не имеет (представляя данное предположение в плоскости современных методов общения через сеть интернет можно сказать, что для того, чтобы устроить флеш – моб достаточно одного предложения).

Рассмотрим базовую концепцию данной модели с точки зрения голографической метафоры. Согласно К.Г. Юнгу бессознательное каждого человека имеет подмножество, связанной с личностной историей, а также обширную область, доставшуюся каждому из нас от предков и сохраняющую нашу историю как вида, как племени, как семьи, как биологического индивида - по современной терминологии трансперсональную область или по Юнгу область коллективного бессознательного. Коллективное бессознательное определенным образом структурировано в единую взаимосвязанную сеть архетипов (паттернов, кластеров,

комплексов), часть из которых осознается, а часть не осознается. К.Г. Юнг парадоксальным образом определил архетип как "образ инстинкта в человеке". С точки зрения голографической метафоры коллективное бессознательное есть "голограмма" всего человеческого сообщества, которая непрерывно записывается на протяжении веков в каждом из нас из поколения в поколение. Отдельный человек как малая область такой "голограммы" несет в себе целостный, но нечеткий символический образ обо всех живших ранее и живущих в настоящее время людях, который проявляется через архетипические символы. Полная голограмма состоит из связанного ансамбля всех одновременно живущих людей. Поскольку процесс имеет историю и непрерывен, то возможно на этом феномене основана возможность отдельных людей "заглянуть в будущее". По-видимому, с этим же связаны и различные медитативные практики, стремящиеся к транс персональному опыту. С другой стороны, чтобы составить, по возможности, полный и четкий образ объекта - человека или сообщества людей, необходимо рассматривать и изучать множество малых ячеек - всю "голограмму", искать общее и особенности, чем и занимаются такие науки как психология, социология, экономика и т.п. Оба подхода дополнительные и практически не пересекаются, не понимая друг друга, что и наблюдается в жизни.

Остается лишь добавить, что в образе данной метафоры не рассматривалась возможность записи в общую голограмму путем записи в нечеткий образ бессознательного отдельно взятого человека.

Размышляя о голографической сущности вселенной, можно привести интересный пример. Есть два монитора, на которых показаны изображения одного и того же аквариума с рыбами, только с разных ракурсов. Вы можете видеть только то, что показывают мониторы, не зная о том, что рыбы одни и те же. Вскоре вам станет понятно, что движения рыб взаимосвязаны: они поворачивают и останавливаются одновременно, ускоряют и замедляют свое движение в одни и те же моменты времени.

На первый взгляд это разные объекты, но они являются связанными единым целым на более глубоком уровне. Это и есть проявление одного из голографических принципов нашего мира - все связано со всем. Из него можно сделать вывод, что все, что нас окружает, включая нас самих, представляет собой части единой голограммы. Познать мир, разделяя его на составляющие, не имеет смысла. Можно только воспринимать его как единое целое.

Исследовательская группа под руководством Элейна Аспекта при университете в Париже представила эксперимент, который возможно, оказался одним из самых значительных в 20 веке. Аспект и его группа обнаружили, что в определенных условиях элементарные частицы, например, электроны, способны мгновенно сообщаться друг с другом независимо от расстояния между ними. Не имеет значения, 10 сантиметров между ними или 10 миллиардов километров.

Каким-то образом каждая частица всегда знает, что делает другая. Проблема этого открытия в том, что оно нарушает постулат Эйнштейна о предельной скорости распространения взаимодействия, равной скорости света.

Поскольку путешествие быстрее скорости света равносильно преодолению временного барьера, эта пугающая перспектива заставила некоторых физиков пытаться объяснить опыты Аспекта сложными обходными путями. Но других это вдохновило предложить более радикальные объяснения.

Например, физик лондонского университета Дэвид Бом считает, что согласно открытию Аспекта, реальная действительность не существует, и что несмотря на ее очевидную плотность, вселенная в своей основе - фикция, гигантская, роскошно детализированная голограмма.

Чтобы понять, почему Бом сделал такое поразительное заключение, нужно сказать о голограммах. Голограмма представляет собой трехмерную фотографию, сделанную с помощью лазера. Чтобы сделать голограмму, прежде всего фотографируемый предмет должен быть освещен светом лазера. Тогда второй лазерный луч, складываясь с отраженным светом от предмета, дает интерференционную картину, которая может быть зафиксирована на пленке (или другом носителе).

Сделанный снимок выглядит как бессмысленное чередование светлых и темных линий. Но стоит осветить снимок другим лазерным лучом, как тотчас появляется трехмерное изображение снятого предмета.

Трехмерность - не единственное замечательное свойство голограмм. Если голограмму разрезать пополам и осветить лазером, каждая половина будет содержать целое первоначальное изображение. Если же продолжать разрезать голограмму на более мелкие кусочки, на каждом из них мы вновь обнаружим изображение всего объекта в целом. В

отличие от обычной фотографии, каждый участок голограммы содержит всю информацию о предмете.

Принцип голограммы "все в каждой части" позволяет нам принципиально по-новому подойти к вопросу организованности и упорядоченности. Почти на всем своем протяжении западная наука развивалась с идеей о том, что лучший способ понять явление, будь то лягушка или атом, - это рассечь его и изучить составные части. Голограмма показала нам, что некоторые вещи во вселенной не могут это нам позволить. Если мы будем рассекать что-либо, устроенное голографически, мы не получим частей, из которых оно состоит, а получим то же самое, но поменьше размером.

Эти идеи вдохновили Бому на иную интерпретацию работ Аспекта. Бом уверен, что элементарные частицы взаимодействуют на любом расстоянии не потому, что они обмениваются таинственными сигналами между собой, а потому, что их разделенность есть иллюзия. Он поясняет, что на каком-то более глубоком уровне реальности такие частицы - не отдельные объекты, а фактически продолжения чего-то более фундаментального.

Согласно Бому, явное сверхсветовое взаимодействие между частицами говорит нам, что существует более глубокий уровень реальности, скрытый от нас, более высокой размерности, чем наша, по аналогии с аквариумом. И, он добавляет, мы видим частицы отдельными потому, что мы видим лишь часть действительности. Частицы - не отдельные "части", но грани более глубокого единства, которое в конечном итоге голографично и невидимо подобно объекту, снятому на голограмме. И поскольку все в физической

реальности содержится в этом "фантоме", вселенная сама по себе есть проекция, голограмма.

Вдобавок к ее "фантомности", такая вселенная может обладать и другими удивительными свойствами. Если разделение частиц - это иллюзия, значит, на более глубоком уровне все предметы в мире бесконечно взаимосвязаны. Электроны в атомах углерода в нашем мозгу связаны с электронами каждого лосося, который плавает, каждого сердца, которое стучит, и каждой звезды, которая сияет в небе.

Все взаимопроникает со всем, и хотя человеческой природе свойственно все разделять, расчленять, раскладывать по полочкам, все явления природы, все разделения искусственны и природа в конечном итоге есть неразрывная паутина. В голографическом мире даже время и пространство не могут быть взяты за основу. Потому что такая характеристика, как положение, не имеет смысла во вселенной, где ничто не отделено друг от друга; время и трехмерное пространство - как изображения рыб на экранах, которые должно считать проекциями.

С этой точки зрения реальность - это суперголограмма, в которой прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно. Это значит, что с помощью соответствующего инструментария можно проникнуть вглубь этой суперголограммы и увидеть картины далекого прошлого.

Что еще может нести в себе голограмма - еще неизвестно. Например, можно представить, что голограмма - это матрица, дающая начало всему в мире, по самой меньшей мере, там есть любые элементарные частицы, существующие либо могущие существовать, - любая форма материи и

энергии возможна, от снежинки до квазара, от синего кита до гамма-лучей. Это как бы вселенский супермаркет, в котором есть все.

Хотя Бом и признает, что у нас нет способа узнать, что еще таит в себе голограмма, он берет смелость утверждать, что у нас нет причин, чтобы предположить, что в ней больше ничего нет. Другими словами, возможно, голографический уровень мира есть очередная ступень бесконечной эволюции.

Бом не одинок в своем мнении. Независимый нейрофизиолог из стэнфордского университета Карл Прибрам, работающий в области исследования мозга, также склоняется к теории голографичности мира. Прибрам пришел к этому заключению, размышляя над загадкой, где и как в мозге хранятся воспоминания. Многочисленные эксперименты показали, что информация хранится не в каком-то определенном участке мозга, а рассредоточена по всему объему мозга. В ряде решающих экспериментов в 20-х годах XX века Карл Лэшли показал, что независимо от того, какой участок мозга крысы он удалял, он не мог добиться исчезновения условных рефлексов, выработанных у крысы до операции. Никто не смог объяснить механизм, отвечающий этому свойству памяти "все в каждой части".

Позже, в 60-х годах XX века, Прибрам столкнулся с принципом голографии и понял, что он нашел объяснение, которое искали нейрофизиологи. Прибрам уверен, что память содержится не в нейронах и не в группах нейронов, а в сериях нервных импульсов, циркулирующих во всем мозге, точно так же, как кусочек голограммы содержит все изображение

целиком. Другими словами, Прибрам уверен, что мозг есть голограмма.

Теория Прибрама также объясняет, как человеческий мозг может хранить так много воспоминаний в таком маленьком объеме. Предполагается, что человеческий мозг способен запомнить порядка 10 миллиардов бит (или примерно 1250 Гигабайт) за всю жизнь.

Было обнаружено, что к свойствам голограмм добавилась еще одна поразительная черта - огромная плотность записи. Просто изменяя угол, под которым лазеры освещают фотопленку, можно записать много различных изображений на той же поверхности. Показано, что один кубический сантиметр пленки способен хранить до 10 миллиардов бит информации.

Наша сверхъестественная способность быстро отыскивать нужную информацию из громадного объема становится более понятной, если принять, что мозг работает по принципу голограммы. Если друг спросит вас, что пришло вам на ум при слове "зебра", вам не нужно перебирать весь свой словарный запас, чтобы найти ответ. Ассоциации вроде "полосатая", "лошадь" и "живет в Африке" появляются в вашей голове мгновенно.

Действительно, одно из самых удивительных свойств человеческого мышления - это то, что каждый кусок информации мгновенно взаимокоррелируется с любым другим - еще одно свойство голограммы. Поскольку любой участок голограммы бесконечно взаимосвязан с любым другим, вполне

возможно, что мозг является высшим образцом перекрестно-коррелированных систем, демонстрируемых природой.

Местонахождение памяти - не единственная нейрофизиологическая загадка, которая получила трактовку в свете голографической модели мозга Прибрама. Другая - это каким образом мозг способен переводить такую лавину частот, которые он воспринимает различными органами чувств (частоты света, звуковые частоты и так далее) в наше конкретное представление о мире. Кодирование и декодирование частот - это именно то, с чем голограмма справляется лучше всего. Точно так же, как голограмма служит своего рода линзой, передающим устройством, способным превращать бессмысленный набор частот в связное изображение, так и мозг, по мнению Прибрама, содержит такую линзу и использует принципы голографии для математической переработки частот от органов чувств во внутренний мир наших восприятий.

Множество фактов свидетельствуют о том, что мозг использует принцип голографии для функционирования. Теория Прибрама находит все больше сторонников среди нейрофизиологов.

Аргентинско-итальянский исследователь Хуго Зацарелли недавно расширил голографическую модель на область акустических явлений. Озадаченный тем фактом, что люди могут определить направление на источник звука, не поворачивая головы, даже если работает только одно ухо, Зацарелли обнаружил, что принципы голографии способны объяснить и эту способность. Он также разработал

технологии голофонической записи звука, способную воспроизводить звуковые картины с потрясающим реализмом.

Мысль Прибрама о том, что наш мозг создает "твердую" реальность, полагаясь на входные частоты, также получила блестящее экспериментальное подтверждение. Было найдено, что любой из наших органов чувств обладает гораздо большим частотным диапазоном восприимчивости, чем предполагалось ранее. Например, исследователи обнаружили, что наши органы зрения восприимчивы к звуковым частотам, что наше обоняние несколько зависит от того, что сейчас называется осміс-частоты, и что даже клетки нашего тела чувствительны к широкому диапазону частот. Такие находки наводят на мысль, что это - работа голографической части нашего сознания, которая преобразует отдельные хаотические частоты в непрерывное восприятие.

Но самый потрясающий аспект голографической модели мозга Прибрама выявляется, если ее сопоставить с теорией Бохма. Если то, что мы видим, лишь отражение того, что на самом деле "там" является набором голографических частот, и если мозг - тоже голограмма и лишь выбирает некоторые из частот и математически их преобразует в восприятия, что же на самом деле есть объективная реальность?

Скажем проще - ее не существует. Как испокон веков утверждают восточные религии, материя есть Майя, иллюзия, и хотя мы можем думать, что мы физические и движемся в физическом мире, это тоже иллюзия. На самом деле мы "приемники", плывущие в калейдоскопическом море частот, и все, что мы извлекаем из этого моря и превращаем в

физическую реальность, всего лишь один источник из множества, извлеченных из голограммы.

Эта поразительная новая картина реальности, синтез взглядов Бохма и Прибрама названа голографической парадигмой, и хотя многие ученые восприняли ее скептически, других она воодушевила. Небольшая, но растущая группа исследователей считает, что это одна из наиболее точных моделей мира, до сих пор предложенных. Более того, некоторые надеются, что она поможет разрешить некоторые загадки, которые не были ранее объяснены наукой и даже рассматривать паранормальные явления как часть природы. Многочисленные исследователи, в том числе Бохм и Прибрам, заключают, что многие парапсихологические феномены становятся более понятными в рамках голографической парадигмы.

Во вселенной, в которой отдельный мозг есть фактически неделимая часть большой голограммы и бесконечно связана с другими, телепатия может быть просто достижением голографического уровня. Становится гораздо легче понять, как информация может доставляться от сознания "А" к сознанию "Б" на любое расстояние, и объяснить множество загадок психологии. В частности, Гроф предвидит, что голографическая парадигма сможет предложить модель для объяснения многих загадочных феноменов, наблюдающихся людьми во время измененного состояния сознания.

Не лишним будет упомянуть и отношение к психологической культуре самого индуктора (внушающего),

как минимум, в отношении уровня лжи, как количественной характеристики неуспешности личности.

Для пояснений я хотел бы обратиться к моей статье «Смерть как высшее проявление лжи», приводимую ниже.

ФИЛОСОФСКАЯ ЧАСТЬ

Что же есть ложь? Итак, перечислим признаки лжи:

- ложь есть искажение информации;
- ложь всегда имеет цель;
- ложь необходима для убления социума.

Иными словами, ложь есть инструмент причинения вреда себе с целью удовлетворения требований социума (в широком смысле). Разберем данное утверждение по составляющим:

- искажение информации, являющееся неотъемлемой частью любой лжи, вредит, прежде всего, источнику лжи (организму, искажающему информацию с целью адаптации к социуму);

- целью лжи всегда является адаптация отдельного организма к социуму (будь то ложь между людьми, будь то кваканье басом маленькой лягушки, делающей вид, что она большая, обеспечивающей, таким образом, себе ареал обитания);

- за внешнее благополучие и отсутствие воздействия на организм со стороны социума организм платит внутренней дезорганизацией, приводящей в итоге к завершению функционирования организма как собственно целостного организма.

Вслед за ложью предлагается рассмотреть явление смерти биологического организма. Очевидно, что смерть

является логическим завершением существования биологического организма. На данном этапе познания не найдено лучшего объяснения причин смерти, чем старение (презюмируем, что рассматривается естественная смерть, т.к. у смерти насильственной причины, разумеется, совершенно другие). Что же такое старение? Современная наука постулирует, что со временем существования биологический организм приходит в разбалансированное состояние, не совместимое с необходимым уровнем взаимодействия с окружающей средой.

Касательно биологических организмов, отличающихся от человека, не стоит идеализировать мир флоры и фауны – исследований, доказывающих отсутствие лжи в среде животных и растений не проводилось, а следовательно, утверждать ее отсутствие нельзя. В тоже время, любой филогенетический механизм биологического организма есть механизм адаптации данного организма к среде обитания, в том числе с помощью искажения информации.

Однако, по известной нам информации, неживая природа являет собой образец противоположного мнения – ей свойственна сбалансированность на протяжении гораздо большего количества времени – возьмем, например, океаны или моря (в части химических процессов, происходящих в них). Следовательно, на уровне, соответствующем нашему восприятию, произошло некое системное рассогласование, в результате которого появилось такое понятие как старение. Разумеется, надежность любой системы обуславливается надежностью самого слабого ее звена – звенья работают для благополучия системы, а следовательно – приносят себя во

благо системы. Такая система, разумеется, не может являться сбалансированной в силу постоянной необходимости в новых звеньях вместо старых.

Рассмотрим пример системы, противоположной по смыслу ранее описанной (звенья системы функционируют без ущерба для себя, являясь самодостаточными самоуправляемыми системами, в рамках системы существует равновесие, обусловленное самодостаточностью ее звеньев).

Проецируем данную гипотетическую систему на социум, наиболее близкий нам как людям – на человеческое общество. Итак, человеку нет необходимости использовать ложь как средство адаптации – т.к. в данном обществе она неприемлема.

В силу причин, представленных ниже, каждое звено (то есть, человек) становится самодостаточной системой, которому нет нужды адаптироваться к социуму, так как он не связан необходимостью жизненно важных взаимодействий с социумом, например, работы за еду. Стал ли от этого социум уязвимее? Нет, не стал. Таким образом, принесение звена системы в пользу самой системы, как таковой, не является необходимым условием существования самой системы. Следовательно, ложь, как способ искажения информации, с вредом источнику лжи, в пользу социума, не является необходимым условием существования организма среди себе подобных организмов, объединенных в систему.

Почему же тогда существует ложь, с какого момента она стала общим атрибутом всех и каждого биологического организма? Связана ли ложь с общим для биологических организмов явлением – смертью? Ответы на данные вопросы

выходят за рамки данной статьи. Однако, если на вопрос «кто виноват» данная статья не отвечает, то на вопрос «что делать» я ответить все же попробую.

ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Рассмотрим проблему лжи через призму священных писаний различных религий. Более точно, предполагается рассмотреть анатомию греха в таких текстах. Что есть грех в их толковании? Грех есть совершённые человеком культурально неприемлемые действия, которые совершать нельзя под страхом неминуемого возмездия во время жизни или после смерти человека. В данной культуральной неприемлемости и таится основа лжи – если действие не приемлемо в данной культуре, человек, его совершивший, будет его скрывать и утверждать, что он такого действия не делал (даже если он его делал и делает). В итоге – возникает источник лжи, то есть, грех (в толковании священных писаний). Но – культуральные неприемлемости не универсальны (что позволено Юпитеру, не позволено быку). Единственным универсальным мерилom в данном случае мне кажется понятие справедливости, как например, в законе Талиона (око за око и зуб за зуб).

Обратимся к Библии. Перечень табуированных действий, представленный в ней, содержится в десяти заповедях. Однако главными из них являются две: заповедь первая - возлюби Господа своего всем умом, всей душой и всем сердцем; заповедь вторая – возлюби ближнего своего как

самого себя. Что же можно отметить в данных заповедях в контексте данной статьи?

Совершенно очевидно, что выполнение первой заповеди избавляет человека от совершения культурально неприемлемых внутренних действий – то есть, действий, которые никому кроме человека не известны и не могут стать известными (иными словами, известны только Богу). Как правило, в подобных ситуациях действия (выполнение культурально неприемлемых действий мысленно) оправдываются или рационализируются человеком осознанно, являя собой ложь, возникшую и существующую только в сознании.

Выполнение же второй заповеди избавляет человека от культурально неприемлемых действий во внешнем мире, то есть, в отношении других людей. Таким образом, можно предположить, что для получения возможности находиться в царстве божием или в раю, необходимо не совершать грехов. С одной стороны, это, несомненно, дань уважения культуральным особенностям социума, религия которого устанавливает перечень грехов, с другой – это избавление людей ото лжи.

Следовательно, не совершая культурально неприемлемых поступков, человек не создает почвы для лжи, избавляя себя от львиной доли ситуаций, в которых ему придется что-либо или скрывать, или исказить информацию.

Взглянем теперь на описываемое пророками царство божие или рай – где людям нет нужды в чем-то нуждаться или в чем-то себе отказывать. Экстраполируем тезис, озвученный

ранее (система с самодостаточными звеньями) на данное описание – не заметить идентичности может только ленивый.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Итак, что же такое ложь в широком смысле этого понятия?

Ответ напрашивается сам собой: искажение информации с целью получения каких-либо выгод. Однако, оставим понятие "выгода". Ложь - прежде всего искажение информации. Искажение в данном случае следует понимать с точки зрения осознаваемого искажения информации о каких-либо фактах объективной реальности. Такое искажение совершается для достижения своих целей или социальной адаптации. Такое искажение следует как реакция на прямое или косвенное влияние социума.

Стоит взглянуть на существо проблемы с точки зрения физиологии, более узко - с точки зрения сигнальных систем действительности (учение И.П. Павлова). Рассмотрим пример - человек смотрит на белый лист бумаги и заявляет, что лист бумаги чёрный. Что же происходит при этом в сигнальных системах действительности?

- В первой сигнальной системе (реакция стимула непосредственно на раздражители) происходит анализ информации, которая однозначно и непреложно говорит о том, что цвет листа бумаги - белый.

- Во второй сигнальной системе (представление раздражителя) происходит осознанное искажение, находящее выражение в осознанном ответе, что лист черный. Разногласие

при целостном анализе рассмотренной ситуации вполне очевидно.

Природа данного явления может ошибочно приниматься за метод социальной адаптации - хотя, с точки зрения сигнальных систем действительности, это явный признак социальной деградации, выраженный в форме регрессии. Поясню - человеку проще обмануть, чем повышать уровень его возможностей и/или знаний.

При этом, анализируя частоту использования лжи у детей и взрослых, можно обратить внимание, что у детей данная величина значительно меньше - очевидно, что это вытекает из факта, что взрослые гораздо глубже погружены в социум и связаны большим количеством связей внутри социума, чем дети. В ходе проведенных исследований было выяснено, что определенные слова (как представляемые, так и произносимые), вызывают возбуждение определенных участков коры (исследование проводилось с помощью МРТ). Исследования проводились в университете Карнеги - Меллон, в Питтсбурге, США. Результаты исследований позволяют предположить, что использование лжи вызывает снижение тонуса областей коры, возбуждаемых при использовании ложных высказываний (равно как и правдивых высказываний, в отношении которых была когда-либо использована ложь).

Рассмотрим на примере: при назывании белого листа черным, возбуждается две области коры - одна, ассоциированная со словом "белый" и другая, ассоциированная со словом "черный", что следует из условий примера (рецепторы видят белый цвет, человек произносит "черный"). При возбуждении области коры, ассоциированной

со словом "белый", человек проговаривает слово "черный". Очевидно, что возбужденными оказались обе области коры (как та, которая отвечает за слово "белый", так и та, которая отвечает за слово "черный"). При презюмируемой количественной равнозначности расходования энергии на произнесение, как лжи, так и правды, можно предположить, что одну и ту же единицу энергии можно разделить на несколько областей единственным путем - снизив ее количество для каждой из областей в кратное количеству областей число раз.

Что же произойдет с корой? Типичная картина кортико-висцеральной теории (снижение тонуса коры вызывает положительную индукцию подкорки всякий раз, когда используется понятие, связанное с ложью, вызывающее функциональные расстройства и анатомические изменения, во главе которых находится биологическая смерть организма).

Подчеркну, что речь идет не об эмоциональном дисбалансе, а о дисбалансе информационной природы (отличие информационного дисбаланса от эмоционального состоит в том, что информационный дисбаланс не связан с эмоциональной сферой, оставаясь "по ту сторону добра и зла", выражаясь языком Ницше).

Как следует из функциональной модели, представленной в учении И.П. Павлова, первая сигнальная система действительности представлена, в основном, древними, подкорковыми отделами больших полушарий мозга. Вместе с тем, в рамках той же модели, вторая сигнальная система действительности представлена относительно

молодыми, поверхностными отделами коры больших полушарий головного мозга.

Таким образом, можно предполагать, что используя ложь, человек дезорганизует работу корковых отделов головного мозга с древними подкорковыми, что согласно кортико-висцеральной теории оказывает патогенное влияние на поддержание гомеостаза организма в целом.

Что же говорит в данном случае кортико-висцеральная теория? Обратимся к классикам советской физиологии и психотерапии - например, к работам К.М. Быкова (в его работе "Кора головного мозга и внутренние органы" представлены экспериментальные доказательства влияния коры на внутренние органы, причем даже на те, которые иннервированы - например, печень и почки, воздействие на которые происходит с использованием нейрогуморального механизма). Необходимое и достаточное описание механизма возникновения кортико - висцеральных заболеваний можно найти в работе П. И. Буля - "Гипноз и внушение в клинике внутренних болезней", страница 12. Обратимся к цитате:

"К.М. Быков выдвигает следующие положения о механизме возникновения и развития кортико-висцеральных заболеваний. Нормальное деятельное состояние коры больших полушарий в силу отрицательной индукции тормозит деятельность подкорки. При патологически ослабленной или заторможенной корковой деятельности вследствие положительной индукции усиливается деятельность подкорковых центров. Освобождаясь от регулирующего влияния коры головного мозга, эта деятельность приобретает беспорядочный, хаотический характер. В подкорке, чаще всего

в гипоталамической области, при этом образуются застойные патологические очаги возбуждения.

Повышенная возбудимость подкорковых центров ведет нейрогуморальным путем, главным образом через гипофиз, щитовидную железу, надпочечники и другие эндокринные железы, к возникновению патологически усиленных разнообразных вегетативных реакций - сосудистых, двигательных, секреторных - со стороны внутренних органов. Нарушение регулирующего влияния коры больших полушарий головного мозга обуславливает то, что функциональные сдвиги в деятельности внутренних органов держатся длительно и стойко. С течением времени это вызывает развитие анатомических изменений в органах и тканях. Таким образом, нарушения, носящие вначале чисто функциональный характер, в дальнейшем переходят в типичные органические заболевания...".

Однако, если принять данные нарушения как функциональные расстройства (то есть, полностью обратимые), всегда существует возможность устранить их патологическое влияние. Данное влияние может быть устранено, в первую очередь, осознанием патологического влияния лжи на организм человека и все его сферы без исключения (включая как психическую, так и соматическую сферы).

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Разберем психологические аспекты (когнитивные и сопутствующие психологические процессы), происходящие в психике человека, деятельность корковых частей больших

полушарий головного мозга которого рассинхронизирована с деятельностью подкорковых частей больших полушарий головного мозга (иначе говоря, человека, который врет). Отмечу, что данные процессы справедливы в рамках модели, описываемой в данной статье, и могут не соответствовать действительности, при этом, не нарушая функциональность модели в целом.

Итак, человек обманывающий (Homo Decipiens), желает выйти из точки А и придти в точку В (опускаясь до вульгарного примитивизма, примем точку А за момент целеполагания и точку В за достижение человеком цели, в точности, как желалось). В подавляющем большинстве случаев, подтверждаемых статистикой, придти в точку В не удастся, в связи с чем, Homo Decipiens приходит в точку С (отличающуюся от точки В весьма существенно).

Подавляющее большинство людей считают это случайностью и результатом воздействия внешних шумов (например, в теории хаоса, влияние ничтожно малых величин на отдаление от аттрактора), хотя в рамках модели, описанной в данной статье, это скорее закономерность, чем случайность. Поясню – сознательно человек хочет попасть в точку В – тогда как его бессознательное интерпретирует информацию с той долей рассинхронизированности, которая была достигнута за счет прошедшей через его жизнь лжи, наложившей анатомические или функциональные изменения на деятельность коры больших полушарий головного мозга. Рассинхронизированность в данном случае вызывает дисторсию (зашумление) информации, необходимой к исполнению бессознательным.

Предположим: человек перестал использовать ложь и исправил ее последствия – как минимум, его бессознательное стало воспринимать сознательные намерения человека без зашумления. Отсутствие такого зашумления даёт такому человеку буквально всё, чего бы тот не пожелал на любом уровне его жизнедеятельности (как минимум, достижение любых целей с наименьшим сопротивлением и корректная работа внутренних органов). На существующем этапе познания, для передачи точной информации бессознательному, может использоваться только гипноз (при котором сознательная деятельность человека заторможена, в свете имеющихся моделей такого явления как гипноз).

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Спустя несколько лет после публикации данной статьи в ее первоизданном виде, пришло практическое понимание действий, способных разрешать данную проблему, причем монументально и безболезненно.

Практически всё, что нужно для нейтрализации пагубного влияния лжи, наличие которой необходимо членам социума для нахождения в оном – логическая модель, которая, с одной стороны, не исключает лжи, а с другой – нейтрализует свершившуюся и вершащуюся ложь в контексте ее влияния на организм.

Обратимся к цитате данной части из прежней редакции статьи, которая устанавливает критерии для нейтрализации пагубного влияния лжи на организм:

1. Необходимо признание факта лжи, которое восстанавливает искаженные ранее связи между сигнальными

системами действительности, а более узко – к необходимому уровню торможения подкорковых отделов больших полушарий головного мозга.

2. Необходимы условия, в которых индивид в культурально приемлемой форме сможет признать факты лжи, про существование которых он помнит осознано, а также факты лжи, забытые в силу разных причин.

В качестве исторического экскурса обратимся теперь к делам давно минувших дней, преданиям старины глубокой – рассмотрим существующий еще со времен Платона и Сократа парадокс лжеца (процитируем Википедию)

Парадокс лжеца — утверждение «То, что я утверждаю сейчас — ложно» (либо «Я лгу», либо «Данное высказывание — ложь»).

Если это высказывание истинно, значит, исходя из его содержания, верно то, что данное высказывание — ложь; но если оно — ложь, тогда то, что оно утверждает, неверно; значит, неверно, что данное высказывание — ложь, и, значит, данное высказывание истинно. Таким образом, цепочка рассуждений возвращается в начало.

Считается, что этот парадокс был сформулирован представителем мегарской школы Евбулидом. Иногда это называют парадоксом Эпименида, приписывая его авторство Эпимениду.

Парадокс Платона и Сократа

Платон: Следующее высказывание Сократа будет ложным.

Сократ: То, что сказал Платон, истинно

Если предположить, что Платон говорит правду, что Сократ лжёт, то Сократ лжёт, что Платон говорит правду, значит, Платон лжёт. Если же Платон лжёт, что Сократ лжёт, то Сократ говорит правду, что Платон прав. И цепочка рассуждений возвращается в начало.

Упростим для ясности, что же имеется в виду: фактически, обстоятельства нашей жизни таковы, что утверждать что то, что было услышано с чьих-то слов, является истинным – не будет верным в большинстве случаев. А это означает, что любая сторонняя информация будет являться ложью в той или иной степени порождения (в данном случае, совершенно не важно – переданная это ложь или порожденная самой передающей стороной). Учитывая, что большую часть имеющейся у человека информации в наше время представляет информация, полученную со стороны, можно сказать, что цитирование любой такой информации представляет собой дальнейшую передачи информации искаженной, то есть, лжи.

Иными словами – в наше время любой человек, учитывая вышесказанное, может честно сказать «Я всегда врал, вру и буду врать». У каждого человека есть единственная истина – то, что он всегда врёт.

При этом, как сознание, так и подсознание работают исключительно на законах логики. Текущей, заметьте, логики. Которая на парадокс лжеца не распространяется, в связи с чем, имеет полное право на пальму первенства в качестве единственного безболезненного и культурально приемлемого способа полной нейтрализации пагубного влияния лжи на организм человека и, как следствие – получение таким

организмом возможности вечной жизни (как минимум, как биологического организма).

Данная статья была опубликована на веб сайте ezotera.arion.ru в двух редакциях и вызвала устойчивый интерес среди посетителей.

В каком контексте следует воспринимать содержимое данной статьи, В первую очередь, эту статью следует рассматривать как руководство по улучшению успешности в своих действиях, среди которых, возможно, внушение займет не последнюю роль. Но, при «зашлакованности» психологической сферы индуктора ложью не следует ожидать сто процентных реализаций процесса внушения как процесса, выполняемого индуктором, получающим результат (результат будет соответствовать общему результату успешности, манной небесной и панацеей от всех бед он не станет и не может стать по определению, это всего лишь инструмент в умелых руках).

АНАЛИЗ СЕАНСА КЛАССИЧЕСКОГО ВНУШЕНИЯ

Как можно заметить из случаев, описываемых в классическом описании феномена внушения, при проведении сеанса внушения как внушающий, так и внушаемый находятся в измененном в некотором роде состоянии психики (будь то состояние гнева при внушении по методу аббата Фариа, будь то максимальная концентрация на образе, представляемом деревенским колдуном из описания Л.Л. Васильева) – всегда имеет место быть нахождение внушающего лица в состоянии, скорее относимом к трансовым (при которых состояние лица можно назвать концентрацией).

При этом, насколько нам известно, любое нахождение в трансовом состоянии подразумевает непосредственный доступ к бессознательному (в том числе и у внушающего).

Например, при проведении сеанса внушения в состоянии гипноза каждый, пожалуй, вспомнит знакомые из фильмов и других источников слова гипнотизера «с каждым звуком моего голоса ты все глубже и дальше погружаешься в состояние глубокого целебного сна». Либо, при использовании для достижения гипнотического транса концентрацию на блестящем предмете – но, не надо забывать, что при таких методиках не только внушаемый, но и, в немалой степени, внушающий находится в аналогичном состоянию внушаемого состоянии, тождественном трансовому.

Как можно заметить из методик лозоходцев, ищущих с помощью рамок воду, имеет место быть аналогичное условие – погружение человека в аутогенный транс, в результате которого за счет идеомоторных движений происходит

обратная связь с бессознательным, что позволяет эффективно получать оттуда информацию.

Но, если нахождение в трансовом состоянии у того же лозоходца позволяет передать бессознательному установку на дрожание лозы над потоками подземных вод, которая реализуется сразу же, можно вывести предположение, что любая установка, введенная в бессознательное (неважно чье – индуктора или реципиента, другими словами внушающего или внушаемого) будет реализована с той же степенью вероятности, что и у лозоходца.

Следовательно, из этого можно вывести следующее логически связанное предположение – если внушающий день ото дня повторяет фразу «с каждым звуком моего голоса ты погружаешься в состояние глубокого целебного сна», то в любой иной момент жизни любая фраза, произнесенная таким же, как во время сеанса голосом, вызовет моментальное внедрение такой фразы прямиком в бессознательное.

Если данное предположение окажется верным, из него последует соответствующее логически связанное с предыдущим предположение – во время сеанса внушения, будь то внушение в гипнозе или внушение наяву или внушение по методу аббата Фариа – внушающий в первую очередь сам с большей чем у кого либо эффективностью воспримет слова внушения своим бессознательным, что вызовет к жизни определенный аттрактор (по аналогии с теорией хаоса), в результате которого будет иметь место выполнение такого внушения.

ГИПОТЕЗА ОБ АУТОГЕННОЙ ПРИРОДЕ ВНУШЕНИЯ

Принимая во внимание классическое описание феномена внушения, а также результаты собственных исследований в этой области, можно сделать следующее предположение:

1. Для получения успешного результата внушения любого типа во время проведения сеанса такого внушения необходимым и достаточным условием успешности является нахождение индуктора (внушающего) в трансовом или близком к трансовому состоянии, позволяющем получение бессознательным индуктора информации о предмете внушения;

2. Под трансовым или близким к трансовому состоянием следует понимать состояние, в котором работа сознания либо стеснена либо сужена до пределов, не позволяющих проводить когнитивную оценку произносимых вербальных установок и вникать в их смысл;

3. Под трансовым или близким к трансовому состоянием, в частности, следует понимать сосредоточенность, возникающую при произнесении одной и той же фразы про себя или вслух, гневное напряжение всего организма, физиологически стесняющее когнитивную деятельность, либо иную концентрацию внимания, например при проведении совокупности действий для погружения лица в гипнотический транс;

4. При внушении индуктор (внушающий) не должен иметь заинтересованности в предмете внушения, т.к. это неизбежно вызовет дополнительный сознательный контроль и не даст возможности отключения когнитивного контроля во время проведения сеанса внушения.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДИКИ НА БАЗЕ ГИПОТЕЗЫ

Предполагая верность критериев гипотезы об аутогенной природе внушения, для формирования методики, позволяющей практическое применение внушения, необходимым и достаточным условиям получения успешного результата является наличие доведенного до уровня условного рефлекса переключение в трансовое или близкое к трансовому состояние, в результате которого произнесенная вербальная установка будет воспринята бессознательным внушающего и выполнена наиболее эффективным способом под контролем бессознательного внушаемых, либо бессознательными лиц, кому такое выполнение принесет меньше всего беспокойства и будет наиболее комфортным, без осознаваемого участия в исполнении такой установки.

Обращаясь к собственному опыту, я обратил внимание, что порой для переключения в такое состояние достаточно было просто сказать вербальную установку голосом, который я применял во время проведения сеансов гипнотического внушения – результаты, при этом, не заставляли себя долго ждать, реализуются практически мгновенно, причем в ситуациях, далеких от академических (презюмируемое в пункте 4 гипотезы условие, при этом, не мешало в процессе самого внушения – оно могло помешать впоследствии, после получения успешных результатов – сея зерно сомнения в столь быстро полученном результате, подвергая результаты дополнительным проверкам, что часто сводило их на нет).

При этом, чтобы не спотыкаться на пункте 4 гипотезы, достаточно обратиться к кому-либо, кто сможет провести такое внушение в отношении желающего (для него нужное

другому человеку внушение не является каким-либо сверхценным достижением, в связи с чем уровень его беспокойства о результатах внушения равен нулю). Другим способом обеспечения экологичности установки для себя и окружающих является внесение в ее формулу соответствующих установок.

Для развития навыков переключения своего состояния на трансовое или близкое к нему можно использовать простое упражнение – придумайте какую-нибудь нейтральную установку, например, что ваш друг вам позвонит в определенный интервал времени, возьмите в руку телефон или калькулятор (либо калькулятор в телефоне), прибавьте 1 к 1 и нажмите равно. Засеките время и после каждого произнесения вербальной формулы установки нажимайте клавишу со знаком равно – это будет ваш счетчик произнесенных установок за определенное установленное вами время.

По истечении определенного вами интервала времени запишите, сколько раз вы произнесли установку за указанный интервал времени. Через некоторое время обнулите счетчик и произнесите за тот же интервал времени ту же вербальную формулу установки, но уже попытайтесь произнести ее быстрее, чтобы общее количество произнесенных раз было больше чем в результате предыдущего эксперимента.

Проводя такой эксперимент вы добьетесь, в итоге, формирования условного рефлекса – в результате которого вы сможете попадать в нужное состояние для совершения внушения на расстоянии одним нажатием кнопки со знаком равно (с таким методом нужно поупражняться на нескольких

установках, чтобы одна и та же установка не вносила зашумленность в ту, которую вы хотите использовать в этот раз).

Так же необходимо помнить, что без экологичности вербальной формулы установки вам понадобится гораздо большее количество дублирований (никакой установкой вы не заставите человека преодолеть инстинкт самосохранения, равно как не заставите выполнять действия либо принимать участия в действиях, которые могут повлечь за собой последствия, прямо или косвенно касающиеся инстинкта самосохранения, другими словами, опасные в той или иной степени для человека – особенно, это касается обезличенных внушений).

Обеспечив экологичность вербальной формулы можно наблюдать, насколько органично выполняемое внушение реализуется в повседневной жизни исполнителей – как будто бы они это и планировали сделать, причем это может быть никак не связано с датой как выполнения внушения, так и реализации.

Первым критерием успешного внушения является понимание того, что внушение на том, что может быть сделано самостоятельно и без внушения, работать не будет(сомневающиеся, желающие потешить свое сомнение простой проверкой, дабы убедиться, работает ли методика или нет, идут лесом, попытки сделать простое, что можно сделать и самому, но через внушение, обречены). Вторым критерием успешного внушения является критерий отсутствия понимания как это может быть сделано(он проистекает из предыдущего - если инициатор внушения не может сделать то, что внушает,

он и не знает даже близко как это может быть сделано). А значит, гарантирована полнейшая неизвестность и отсутствие переживаний и сомнений у инициатора - сомневаться или переживать можно за какие-то слабые, на взгляд инициатора, моменты цепи событий, но если представить процесс реализации внушения в виде черного ящика - на входе внушение, а на выходе результат – внушение будет работать.

И, наконец, третий критерий - вера. При этом, я не агитирую верить во что - либо помимо результата внушения, но каждый раз при возникновении сомнения(после произнесения вербальной формулы внушения) инициатору достаточно повторить внушение, иными словами, если на каждом таком спонтанно возникшем сомнении инициатор подтвердит уверенность в результате, такой результат будет неизбежно успешным (можно предположить, что каждое такое спонтанно возникающее сомнение есть результат противления какой-либо цепочки, возникающей в процессе реализации такого внушения, но если инициатор его подтверждает – сомнения на той стороне снимаются и процесс продолжается).

В «Послании апостола Павла к евреям» есть глава 11, которая, на мой взгляд, лучше всего описывает приведенный выше критерий и его образующие. Цитата - Вера есть осуществление желаемого с уверенностью в невидимом. Конец цитаты.

Именно уверенность в невидимом укрепляет результат любого внушения, результат которого лежит вне плоскости самостоятельных возможностей инициатора такого внушения.

ТРЕНИРОВКА НАВЫКОВ ВНУШЕНИЯ НА РАССТОЯНИИ

Для эффективного развития и успешной тренировки навыков внушения на расстоянии я рекомендую пройти обучающий семинар, на котором каждый заинтересовавшийся читатель сможет получить базовые навыки переключения в трансное или близкое к трансному состояние, делающее возможным реализацию процесса внушения.

Базовые навыки внушения на расстоянии в процессе обучения на семинаре реализуются путем обучения слушателей классическому гипнозу – научившись навыкам которого у слушателя формируется необходимое состояние, сродни или близкое к трансному, которое может быть активировано использованием такого же голоса, который слушатель применяет во время проведения сеанса внушения гипнотического.

Помимо обучения базовым навыкам классического гипноза (которые слушателем могут быть получены самостоятельно, например, на семинарах корифея классического гипноза Алексея Геннадьевича Пирогова, дай Бог ему здоровья) на семинаре слушатели также могут познакомиться с различными техниками, которые позволяют закрепить процесс переключения в трансное или близкое к трансному состоянию на уровень рефлекса, обеспечивая его существенную эффективность при практическом применении.

Помимо обучения стратегиям и тактикам внушения на расстоянии слушателям будут представлены случаи из практики, которые демонстрируют как нельзя лучше возможности внушения на расстоянии.

По любым вопросам обращайтесь на 2203827@mail.ru

Привет, меня зовут Евгений Однолько, я - автор этой книги, которая была создана мной, чтобы помочь всем заинтересовавшимся проблематикой внушения вообще и внушения на расстоянии в частности попробовать себя в практическом применении и изучении практических аспектов внушения на расстоянии.

Я имею высшее юридическое и высшее экономическое образования, а также дополнительные образования в области психологии и психотерапии, принимал участие в съемке телевизионных программ, касающихся феноменов гипноза и внушения.

Начались мои исследование феномена внушения на расстоянии еще во времена СССР, во главе угла было желание разобраться в деталях этого феномена самому и помочь разобраться всем желающим путем практического освоения навыков внушения на расстоянии.

Уделяя много внимания исследованиям, я более десяти лет занимаюсь преподавательской деятельностью в форме различных семинаров и тренингов в области практической психологии и педагогического внушения.

Чтобы связаться со мной, пишите мне на email: 2203827@mail.ru

